

ВЕСТНИК МГЛУ

№ 3 (130) / 2024

СЕРИЯ 1

ФИЛОЛОГИЯ

Серия основана в декабре 1996 года

Редакционная коллегия:

О. В. Луцинская (*главный редактор*),
А. А. Романовская (*зам. главного редактора*),
А. Н. Баранов, А. Н. Гордей, Е. П. Иванова,
И. К. Кудрявцева, Т. В. Поплавская,
Н. Ю. Павловская, Э. А. Харитончик,
О. А. Артемова

*Журнал «Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология»
включен Высшей аттестационной комиссией
в перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований*

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы общего и типологического языкознания

<i>Басовец И. М.</i> Субъектно-референциальные стратегии в белорусскоязычных медиатекстах	7
<i>Баханович-Шикуть А. С.</i> Противопоставление фреймовых структур как базис формирования иронии в белорусском и английском языках	19
<i>Биюмена А. А.</i> Моделирование образа «человека труда» в белорусских печатных медиа	28
<i>Глазко П. П.</i> Модальные и модусные характеристики англо- и русскоязычных блогов	37
<i>Доўгаль А. В.</i> Неэкалагічныя тэндэнцыі ў інтэрнэт-камунікацыі	47
<i>Зиневич Н. В.</i> Воздействующий потенциал категории субъектности в авторском и роботизированном публицистическом дискурсе	56
<i>Олейников Т. В.</i> Сравнительная характеристика YouTube-комментариев на русском, французском и китайском языках: прагмалингвистический аспект	68
<i>Чайка Н. У.</i> Няпоўныя і эліптычныя канструкцыі ў публіцыстычных выданнях пачатку XX стагоддзя.....	78

Романское и германское языкознание

<i>Куценко Н. В.</i> Реализация косвенного речевого акта приглашения в немецком языке.....	89
<i>Петракова Ю. И.</i> Реализация деривационного потенциала сквозь призму профилирования	98
<i>Романкевич М. Н.</i> Соотношение лингвистической и энциклопедической информации в словарных дефинициях зоонимов.....	107

Литературоведение

<i>Иванова Н. С.</i> Постимпрессионизм и французская поэзия кубизма	117
<i>Леська Л. П.</i> Мадыфікацыі архетыповага вобраза культурнага героя ў творах Ядвігіна Ш.	127
<i>Чарота У. І.</i> Італьянскі след у жыцці і творчасці Сымона Буднага	135

CONTENTS

General and Typological Linguistics

<i>Basovets I.</i> Subject-Reference Strategies in Belarusian Media Texts	7
<i>Bakhanovich-Shykuts A.</i> Frame Structures Contrast as the Basis of Ironic Meaning Formation in Belarusian and English Languages.....	19
<i>Biyumena A.</i> Modeling the Image of a “Man of Labor” in Belarusian Print Media.....	28
<i>Hlazko P.</i> Modal and Modus Characteristics of Blogs in English and Russian	37
<i>Douhal A.</i> Non-Ecological Trends in Internet Communication.....	47
<i>Zinevich N.</i> Persuasive Potential of the Category of Subjectivity in Human and Ai-Generated Publicistic Discourse	56
<i>Oleinikov T.</i> Comparative Characteristics of YouTube Comments in Russian, French and Chinese: Pragmalinguistic Aspect.....	68
<i>Chaika N.</i> Incomplete and Elliptical Constructions in Journal Publications of the Early 20th Century.....	78

Romance and Germanic Linguistics

<i>Kutsenka N.</i> Implementation of the Indirect Speech Act of Invitation in German.....	89
<i>Petrakova J.</i> Implementation of the Derivational Potential of the Word Through the Prism of Profiling.....	98
<i>Romankevich M.</i> Balance of Linguistic and Encyclopedic Information in the Dictionary Definitions of Zoonyms	107

Literary Studies

<i>Ivanova N.</i> Post-Impressionism and French Cubist Poetry.....	117
<i>Leska L.</i> Modifications of the Cultural Hero Archetypical Image in the Works of Yadvigin Sh.....	127
<i>Charota U.</i> The Italian Trace in the Life and Works of Symon Budny	135

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК 811.161.3

Ирина Михайловна Басовец

докторант кафедры теоретического
и прикладного языкознания
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Irina Basovets

Post-PhD Researcher of the Department
of Theoretical and Applied Linguistics
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
basovets@list.ru

СУБЪЕКТНО-РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ В БЕЛОРУССКОЯЗЫЧНЫХ МЕДИАТЕКСТАХ

SUBJECT-REFERENCE STRATEGIES IN BELARUSIAN MEDIA TEXTS

В работе выявлены две группы референциальных стратегий субъектных компонентов конструкций (де)авторизации, действующих в белорусскоязычных медиатекстах, которые сопряжены с 1) эмпирическими субъектами (сохранение тождественности референциального статуса субъекта, вуалирование субъектной референции, переход от нереферентного к референтному статусу); 2) гипотетическими субъектами (конструирование субъектной референции). В статье установлены корреляции между субъектно-референциальными стратегиями и прагматическими функциями исследуемых конструкций с учетом характеристик субъектных компонентов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: субъектно-референциальная стратегия; косвенная референция; гипотетическая референция; псевдонеопределенная референция; кореферентность.

The paper reveals that there are two groups of referential strategies of subject components in (de)authorization structures operating in Belarusian media texts which are connected with: 1) empirical subjects (preservation of the identical subject's referential status, veiling of subject reference, transition from non-referential to referential status); 2) hypothetical subjects (construction of subjective reference). The paper establishes correlations between subject-reference strategies and pragmatic functions of the structures under study, taking into account the characteristics of the subject components.

Key words: subject-reference strategy; indirect reference; hypothetical reference; pseudo-indefinite reference; coreference.

В современных гуманитарных исследованиях, несмотря на широкое обсуждение, ряд вопросов в сфере субъектной референции продолжает оставаться до конца не исследованным, к примеру, выявление референциальных стратегий субъектных компонентов конструкций (де)авторизации в современных медиатекстах, что позволило бы осуществить их системное рассмотрение с учетом эмпирических и гипотетических разновидностей.

Как отмечают лингвисты, при кодировании субъектных компонентов адресант производит операцию номинации и указывает на объект, намеренно употребляя нужное языковое выражение [1, с. 33]; адресат при декодировании информации производит ее деноминацию, а затем референтную оценку и в идеале должен реагировать именно так, как делает это адресант для достижения успешности коммуникации, а для их взаимопонимания важны средства, которые декодируются адресатом в соответствии с замыслом адресанта [2, с. 14]. В современной медиакоммуникации не всегда используются эквивалентные для адресанта и адресата средства выражения субъектных компонентов в исследуемых конструкциях, и применяются различные референциальные стратегии, которые сопряжены с а) эмпирическими и б) гипотетическими субъектами. В обеих разновидностях представлены полные и редуцированные референциальные выражения для кодирования субъекта, сами конструкции при этом реализуют разные прагматические функции. Рассмотрим их подробнее и начнем с конструкций, связанных с эмпирическими субъектами.

1. Сохранение тождественности референциального статуса субъекта

В белорусскоязычных медиатекстах отсутствие изменений в референциальном статусе субъектов конструкций (де)авторизации на протяжении целого текста фиксируется в отношении всех разновидностей субъектов. Совокупность средств номинации одного и того же референта-лица в конкретном тексте обозначается термином «номинативный ряд», который объединен тождеством референта и включает языковые единицы разных функциональных типов: имена собственные (имена индивидов, «индивидуализаторы»), имена нарицательные (имена классов, «типизаторы»), местоименные средства [3, л. 34–35]. Языковым способом сохранения тождественности референциального статуса в пространстве целого текста является использование кореферентных номинаций, а основными способами выражения кореферентности выступают повтор, перифраза, анафора, синтаксический ноль [4, с. 37]. Естественной данная стратегия является для определенных индивидуализированных субъектов, кодируемых полными и редуцированными референциальными выражениями:

Аб гэтым заявіў спецакладчык па пытанні аб дастатковым жыллі Ба-

лакрышнан Раджагапал на сесіі Савета па правах чалавека ААН у Жэневе. Ён адзначыў, што мільёны людзей жывуць у нефармальным паселішчах і аварыйных пабудовах. «Вельмі шмат людзей высяляюць з-за павышэння арэнднай платы, а колькасць бяздомных працягвае імкліва расці», – падкрэсліў эксперт ААН (Звязда, 19.04.2024). В медыатэкстах для кодирования одного и того же субъекта может использоваться не весь набор разнофункциональных единиц (индивидуализатор + местоимение + типизатор), как в приведенном выше контексте, а, к примеру, индивидуализатор + типизатор, сравним: *Аб гэтым **наведаміла ТАСС** са спасылкай на партал Euractiv. Цытуючы вытрымку з ліста ...крыніца падкрэслівае важнасць апэратыўнага вызначэння планаў і тэрмінаў (Звязда, 13.03.2024).* В цитируемом фрагменте кореферентными номинациями с определенным референциальным статусом выступают обладающие идентифицирующей и характеризующей функциями соответственно номинации *ТАСС* и *крыніца* в составе конструкций авторизации. Прагматическими функциями тождественного референтного употребления субъектов является точность маркирования источника информации, передача ему ответственности за сказанное, ссылка на авторитетное или экспертное мнение. Примером контекстного референтного тождества для генерализованного субъекта может служить следующий фрагмент из белорусскоязычной статьи, в котором на всей протяженности текстовой ткани сохраняются как эквивалентный референциальный объем субъектной номинации, так и средство кодирования: *Эксперты сцвярджаюць, што рызыка бяздомнасці вышэйшая ў сем'яў з дзецьмі і адзінокіх бацькоў; Па меркаванні экспертаў, прычынамі такой сітуацыі стаў рост цэн на жыллё і адсутнасць даступнай арэнднай платы (Звязда 19.04.2024).* При неререферентном употреблении сохраняется эффект передачи ответственности за сказанное и эффект авторитетности благодаря семантике субъектного компонента «эксперты». В отношении неререферентного неопределенного субъекта тождество в отношении референциального статуса и объема тоже может сохраняться: *Некаторыя кажуць, што ўсё жыццё пераходзілі чыгуначнае палатно ў неўстаноўленым месцы і далей будуць гэта рабіць; І вельмі здзіўляюцца, што за той жа пераход чыгуначнага палатна там, дзе гэта забаронена, прадугледжана адміністрацыйная адказнасць (Звязда, 24.06.2022).* При неререферентном неопределенном употреблении сохраняется сдвиг ответственности за сказанное на неидентифицируемых субъектов, при этом точность и авторитетность отсутствуют. Следует отметить, что кореферентные номинации всех референциальных типов находятся, как правило, в линейно-близком текстовом расположении.

2. Вуалирование субъектной референции

В отличие от предыдущей референциальной стратегии, основанной на прямом соотношении языковых средств с кодируемым объектом действительности, рассматриваемая стратегия строится на не прямой отсылке к объекту действительности. Вуалирование референции принадлежит прагматике и определяется не собственно языковыми правилами, а принятыми нормами ведения разговора и знания приемов речевых хитросплетений, а разгадка референции часто зависит от догадливости адресата [5, с. 15]. Примером вуалирования субъектной референции в белорусскоязычном медиатексте может служить следующий фрагмент, в котором за обобщенно-собирательным «мы» скорее всего стоит сам говорящий: *Як адзначыў у эфіры «Альфа Радыё» аналітык Беларускага інстытута стратэгічных даследаванняў Аляксей Аўдонін...: «Мы неаднойчы казалі аб тым, каму ў рэальнасці належаць гэтыя тавары з тэрыторыі Украіны»* (Звязда, 13.03.2024).

Вследствие прагматизации теории референции установилась тесная связь между актом референции, адресантом и адресатом: с одной стороны, акт референции осуществляется говорящим и неотделим от его коммуникативных намерений; с другой стороны, акт референции представляет собой отношение между намерением говорящего и узнаванием этого намерения адресатом с вовлечением в механизм референции контекстуальной информации и фонда знаний собеседников, дополняющих семантику референциального выражения до такого объема, который достаточен для идентификации предмета речи [6, с. 131]. Понимание референции как акта, определяемого намерением говорящего, вызвало интерес к случаям косвенной референции, т.е. намекам, к которым говорящие прибегают при желании высказаться о себе и в то же время не сделать никаких признаний, например, подразумевая себя, говорящий употребляет конструкции типа *«один мой знакомый говорит...»*. Отметим, что при подобном употреблении в белорусскоязычных медиатекстах затруднительно распознать намерение адресанта и однозначно определить наличие или отсутствие у автора текста подобного знакомого, равно как и установить реальный или потенциальный диалог с ним: *А то адзін мой знаёмы скардзіцца: маўляў, за дзень не пачуў ніводнага ўдзячнага слова... «А колькі іх сам выказаў?» – пытаю яго. «Ды і не памятаю...» – адказвае* (СБ. Беларусь сегодня, 30.07.2010). В любом случае в подобных контекстах фиксируется несовпадение референции для адресанта и адресата, поскольку «определенность/неопределенность указания на объект могут не совпадать у говорящего и воспринимающего» [7, с. 15].

Когда для указания на определенный объект говорящий использует языковые средства категории неопределенности, имеет место псевдонеопределенная референция, а неопределенные местоимения как традиционные маркеры категории неопределенности и нереферентного субъекта не являются таковыми. Референциальный выбор нетривиальных способов номинации субъекта в высказывании коммуникативно значим, ситуативно обусловлен, позволяет наряду с функцией референции реализовать разные прагматические задачи и для разгадки референции «требуется включения в отношении участников коммуникативной ситуации» [4, с. 23]. В дополнение к употреблению в высказываниях-намеках псевдонеопределенная субъектная референция может носить иронический характер и маркировать отношение говорящего к объекту референции, реализуя оценочную функцию: *Кто-то обещал вынести мусор; Кто-то, наверное, забыл, как надо вести себя на уроке*. При иронической референции говорящий «отсылает» собеседника к одному объекту, имея в виду другой объект, что представляет собой сложную коммуникативную инструкцию, требующую от адресата особых навыков инференции [8, с. 135–137]. В белорусскоязычных медиатекстах псевдонеопределенная субъектная референция, как правило, не реализует иронический эффект, а говорящий делает подобный референциальный выбор, к примеру, для акцента на сообщаемом от имени псевдонеопределенного субъекта или для апелляции к осведомленности адресата: *«Нішто так не небяспечна для любой краіны, як абьякаваць народа». Так сказаў адзін вядомы пісьменнік і меў абсалютна рацыю* (Звязда, 01.06.2023). В цитируемом фрагменте за неопределенной номинацией «один известный писатель» стоит советский и российский мастер деревенской прозы Валентин Григорьевич Распутин, автор повестей «Последний срок», «Живи и помни» и др., при этом наблюдается несоответствие языковых средств кодирования неререферентного субъекта и конкретного объекта референции. При передаче чужой речи выбор способа обозначения референта определяется не только намерениями говорящего, но и фондом знаний собеседников [9, с. 47]. В анализируемом медиафрагменте, возможно, выбор способа кодирования конкретного субъекта средствами категории неопределенности способствует синхронизации говорящего с разнородной массовой аудиторией: декодирование зашифрованного объекта референции у осведомленного адресата не вызовет затруднений, а у неосведомленного не создаст впечатления перегруженности. Следует отметить, что схожие по наполнению конструкции в белорусскоязычных медиатекстах не всегда содержат псевдонеопределенный субъект, сравним: *Хтосьці мудры сказаў, што, калі*

малюеш галінку, трэба чуць дыханне ветру (Звязда, 25.12.2019), где конструкция деавторизации маркирует введение японской поговорки с неустановленным авторством.

3. Переход от нереферентного статуса к референтному

В тех случаях, когда обобщенные референции получают уточнение или распространение, они переходят от нереферентного состояния к референтному. В текстах уточнение может иметь довольно протяженный характер и находится не в рамках предложения, а в широком контексте, а для придания элемента определенности референции именной группы оказывается необходимым создавать целую цепочку, имеющую сложную информационную структуру. Переход к определенной референции сопровождается распространенным описанием, при котором в фокус внимания читателя попадает несколько объектов с соответствующими характеристиками, в результате которого нереферентная именная группа по мере прочтения фрагмента получает уточнение, становится понятной читателю [10, с. 231–232]. Рассмотрим фрагмент белорусскоязычной статьи, где коллективный субъект «фермеры» по мере развертывания текста уточняется и приобретает референтный статус: *Фермеры паведамлілі, што Туск папрасіў іх пачакаць да 15 сакавіка, калі ён узніме шэраг важных для іх тэм на ўзроўні ЕС; Прадстаўнікі аграрыяў заявілі, што акцыі працягнуцца; Польскія сельгасвытворцы блакіруюць граніцу з Украінай і, паводле слоў прадстаўніка фермераў Анджэя Сабацінскага, аб спыненні пратэсту размова пакуль не ідзе* (Звязда, 13.03.2024). Проследим сужение референциального объема субъектной номинации, которое обнаруживается не в соседних предложениях, а имеет довольно протяженный характер распределения по тексту статьи: «фермеры» → «прадстаўнікі аграрыяў» → индивидуализированный субъект «прадстаўнік фермераў Анджэй Сабацінскі». Сужение референциального объема субъектной номинации до одного говорящего субъекта может иметь разные прагматические эффекты: от точного цитирования и передачи сведений до одностороннего освещения вопросов с отфильтровыванием как самих говорящих субъектов, так и сказанного ими с возможностью интерпретационной передачи их слов.

Переход от нереферентного к референтному статусу субъектной номинации в медиатекстах может фиксироваться и в отношении референциально диффузных номинаций, основанных на метонимичном переносе. Референциальная диффузность представляет собой одновременную отсылку наименования и к одушевленному объекту, и к коллективу как к множеству, обуславливает кореференцию к объекту познания имени

совокупности лиц и пространственного имени [11, с. 76], что позволяет масштабировать сообщаемое, придать весомость сказанному от имени коллективного субъекта. Примером ее реализации в белорусскоязычных медиатекстах могут служить случаи использования названий стран, регионов, городов, сфер деятельности и т.п. в качестве субъектов ссылочных конструкций: **Навука сцвярджае, што такое немагчыма, бо расліна размнажаецца спорамі** (Звязда, 30.06.2015). Устранение референциальной диффузности в пространстве всего текста возможно посредством сужения референциального объема и конкретизации субъекта конструкции деавторизации: **Гэта рэліктавы від... – расказвае навуковы супрацоўнік лабараторыі біязнастайнасці раслінных рэсурсаў Алесь Кручонок** (Звязда, 30.06.2015). Отметим, что переход нереперентного статуса в реперентный в тексте может и не происходить, сравним: **Уся Германія гаворыць пра «зорны час» Ангелы Меркель** (Звязда, 24.09.2013); **Еўропа і Амерыка кажучь, што цяпер нявыгадна прадаваць актывы** (Звязда, 22.04.2013); **Народная медыцына сцвярджае, што шыпшына зніжае артэрыяльны ціск...** (Звязда, 24.07.2015).

В дополнение к рассмотренным выше референциальным стратегиям, сопряженным с эмпирическими субъектами, в медиатекстах встречается стратегия, основанная на гипотетической субъектной референции с опорой на мыслимые, возможные, неэмпиричные субъекты. Набор языковых средств при этом идентичен предыдущим случаям: полные и редуцированные референциальные выражения для кодирования гипотетического субъекта.

4. Конструирование субъектной референции

При гипотетической субъектной референции говорящий ссылается на потенциальных субъектов при собственном моделировании их возможного диалога или коммуникации от их имени. Введение «додуманной чужой речи» в повествование придает авторскому тексту полемичность [12, с. 17], предоставляет адресанту возможность высказать то, что уже было обдумано говорящим, содержит оценку и «включено в его личную сферу, вписано в его личный контекст и актуализовано в высказывании», а «сам выбор авторизуемого содержания высвечивает личную сферу автора: его предпочтения, потребности, ход рассуждения» [13, с. 383]. В качестве субъектов додуманной чужой речи выступают, к примеру, группа людей или люди вообще в конструкциях с глаголом речемыслительной деятельности с выраженным или подразумеваемым субъектом: **Відаць, кожнаму з вас даводзілася быць сведкам таго, як нехта са знаёмых заяўляў, што не жадае больш працаваць на дзядзьку або на дзяржаву. Маўляў, працадаўцы**

наживаюцца на сваіх супрацоўніках. Вось адкрыць свой уласны бізнес – гэта крута (Полесский курьер, 15.03.2019); **Кажуць**, што мастакам, літаратарам і шмат каму з адораных творчых асобаў адкрыта таямніца стваральнага працэсу, які схаваны ад звычайных смяротных (СБ. Беларусь сегодня, 19.08.2019).

В дополнение к определенной содержательной свободе и отражению хода рассуждения автора для придания полемичности медиатексту вкрапления додуманной (и неавторизованной) чужой речи могут реализовать манипулятивную стратегию, к примеру, «тактику приклеивания ярлыков», что влечет за собой «деформацию образа референта в создаваемом информационном поле» [14, с. 146]. В приведенном фрагменте прямой речи эксперта, цитируемого в аналитической статье, говорящий моделирует (придумывает) слова генерализованного субъекта речи (американцев): *Зразумела, што амерыканцам трэба зарабіць. І яны кажучь палякам: «Сябры, вы адкрываеце рынак, мы туды пастаўляем прадукцыю, зарабляем на вас і на вашых грамадзянах». Але ў Польшчы, гістарычна так склалася, вялізны аграрны сектар. Прытым прыватны сектар фермераў. І яны кажучь: нічога, маўляў, мы гэтых вашых фермераў збанкрутуем, яны для нас не ўяўляюць ніякай сілы, вы прымяніце паліцэйскія падраздзяленні, яны задушаць усе гэтыя бунты»* (Звязда, 13.03.2024).

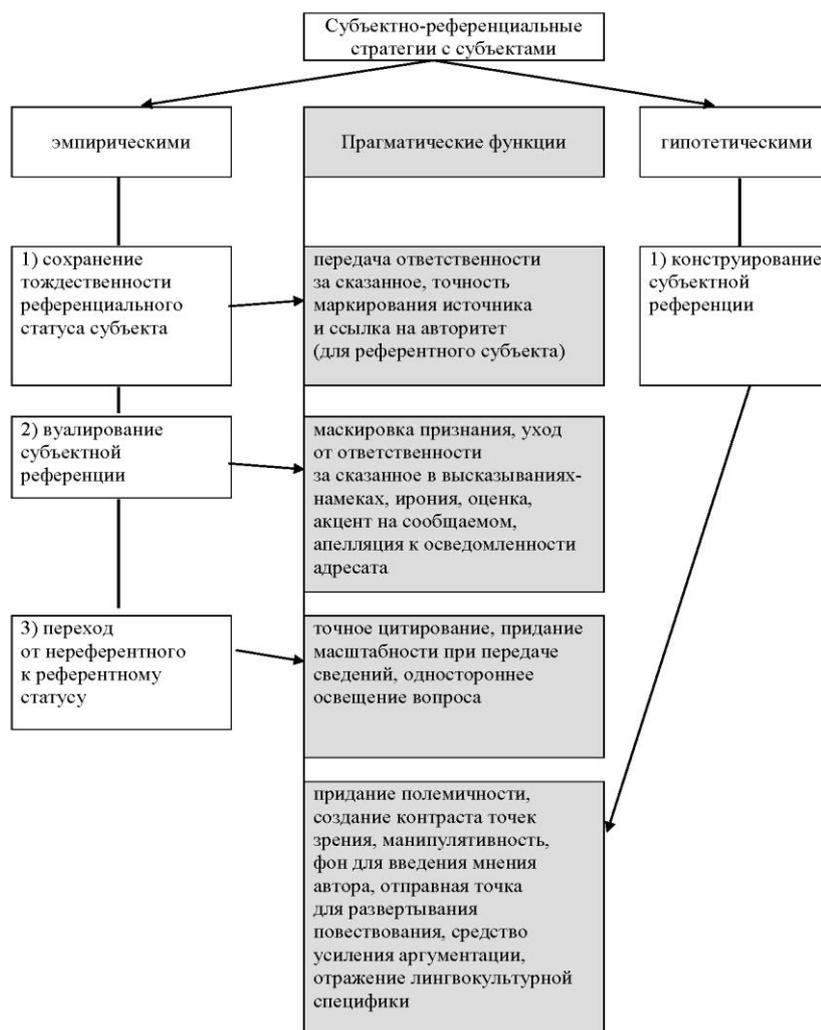
Иногда моделирование неавторизованной чужой речи, мнения или оценки позволяет говорящему создать контраст и использовать ее как фон для введения собственной точки зрения или для убеждения в правоте представленного далее в тексте своего подхода, который находится в более сильной коммуникативной позиции. Для этого в белорусскоязычных медиатекстах может использоваться гипотетическая неспецифицированная субъектная референция: *Хтосьці думае, што мастацтва павінна быць прыгожым, хтосьці ўпэўнены, што павінна выяўляцца эмоцыямі, скандалам ці правакаваць. А я мяркую, што мастацтва павінна ствараць адносіны паміж творам і глядачом* (Літаратура і мастацтва, 04.05.2018); *Некаторыя лічаць, што новыя значэнні ў запазычанага слова з'яўляюцца гадоў праз пяцьдзясят... Ёсць яшчэ меркаванне, што век неалагізма – 10–15 гадоў. Але мне падаецца, што гэта ўвогуле вельмі мала* (Звязда, 25.02.2024).

Придание полемичности и введение контрастивных точек зрения в медиатекст может осуществляться при помощи псевдореферентных номинаций, которые представляют собой особый вид семиотической связи между планом выражения и планом содержания языковых знаков с учетом физического несуществования объекта-референта, природа и механизмы

которой отражают когнитивные (воображение, фантазия, понимание и т.д.), семиотические (референция, прагматика и т.д.) и лингвокультурологические аспекты коммуникации для построения «возможного мира» или для реализации идиостиля (языковой игры) автора [15]. В практическом материале представлены случаи цитирования несуществующих субъектов, которые являются продуктом творческой фантазии писателя: **Вядомы літаратурны персанаж Астан Бэндэр сцвярджаў, што ёсць 400 параўнальна сумленых спосабаў адабрання грошай у насельніцтва** (Маяк Прыдняпроўя, 07.09.2017); **Увогуле дзіўна тасуецца калода, як казаў булгакаўскі персанаж** (Звязда, 11.07.2013) или элементом культурологического пласта, представленного белорусской ссылочной конструкцией-фразеологизмом «як той казаў»: **А дома, як той казаў, і сцены дапамагаюць** (Голас Касцюкоўшчыны, 01.11.2021); **Як той казаў, у страху вочы вялікія** (Звязда, 23.05.2017). В отношении данной специфичной для белорусского языка конструкции не всегда имеет место апелляция к осведомленности адресата и общему культурному фонду знаний, сравним: **Гэта менавіта тыя, як той казаў, «дэпрэсійныя» раёны, перад кіраўніцтвам якіх стаіць задача дасягнуць узроўню паспяховых** (Голас Касцюкоўшчыны, 01.11.2021). В современном языкознании для данной конструкции установлены следующие функции: авторизация, самовыражение языка и заполнение его речемыслительных лакун, стилизация разговорной речи, апелляция к осведомленности адресата, обеспечение диалогичности дискурса, речевая этикетная функция [16, с. 79].

Гипотетическую субъектную референцию в белорусскоязычных медиатекстах представляют и нарицательные существительные, которые употребляются преимущественно или только нереперентно и выполняют характеризующую функцию. К нереперентным именам относят качественные и оценочные имена типа *чудак, плакса, умница, молодец* и т.п., функциональные имена, которые именуют лицо по его профессиональной деятельности (такие наименования могут быть реперентны, только когда собеседники знают, о каком конкретном человеке идет речь), существительные с явной характеризующей функцией, в частности общеоценочные [3, л. 25–26]. Например: **Некаторыя «вастракі» і так кажуць: ад «дзякуй» сыты не будзеш** (СБ. Беларусь сегодня, 30.07.2010); **Вопытныя майстры слова кажуць, што верш лепш пакідаць крышку незавершаным, каб чытачы самі дадумвалі ход тваёй думкі і логікі, каб маглі паспрачацца паміж сабой** (СБ. Беларусь сегодня, 19.08.2019). Как правило, подобные вкрапления выполняют интродуктивную, фоновую функцию для развертывания повествования или усиления аргументации.

Представим в виде схемы полученные результаты (рисунок).

Корреляции субъектно-референциальных стратегий и их прагматических функций в белорусскоязычных медиатекстах

Таким образом, в белорусскоязычных медиатекстах установлены две группы референциальных стратегий субъектных компонентов конструкций (де)авторизации, действующих в пространстве целого текста. В рамках первой группы, сопряженной с эмпирическими субъектами, установлены следующие референциальные стратегии: сохранение тождественности референциального статуса субъекта, вуалирование субъектной референции и переход от нереперентного к референтному статусу. Для второй группы, сопряженной с неэмпирическими (гипотетическими) субъектами, характерна стратегия конструирования субъектной референции.

Прагматическими функциями тождественного референциального статуса для всех разновидностей субъектов является передача ответственности за сказанное, при этом дополнительными задачами для референтного субъекта выступают точность маркирования источника информации и ссылка на авторитет. При вуалировании субъектной референции спектр прагматический задач включает маскировку признания, уход от ответственности за сказанное в высказываниях-намёках, иронию, оценку, акцент на сообщаемом, апелляцию к осведомленности адресата. В случаях перехода от нереферентного к референтному статусу в результате сужения референциального объема субъекта прагматические эффекты могут варьироваться от точного цитирования, придания масштабности при передаче сведений до однобокого освещения вопроса.

Стратегия конструирования субъектной референции демонстрирует максимально широкий из выявленных стратегий прагматический потенциал, поскольку может предоставлять говорящему определенную содержательную свободу, придавать полемичность медиатексту и создавать контраст точек зрения, реализовать манипулятивную стратегию, служить фоном для введения собственной точки зрения или отправной точкой для развертывания повествования, выступать средством усиления аргументации, отражать лингвокультурную специфику.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Голиков, В. Д.* Феномен референции : монография / В. Д. Голиков, Э. Р. Касимова. – М. : ИНФРА-М, 2013. – 204 с. – (Научная мысль).
2. *Минкин, Л. М.* Номинация и референция как аргументы иллокуции в высказывании / Л. М. Минкин, И. С. Шевченко // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. – № 2, ч. 2. – С. 9–18.
3. *Гусева, С. С.* Номинативная парадигма единиц, обозначающих лица, и ее функционирование в тексте (на примере текстов А. П. Чехова) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / С. С. Гусева. – М., 2017. – 174 л.
4. *Ким, И. Е.* Теория референции : учеб. пособие / И. Е. Ким ; Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2019. – 120 с.
5. *Арутюнова, Н. Д.* Лингвистические проблемы референции / Н. Д. Арутюнова // Новое в зарубеж. лингвистике. – М., 1982. – Вып. 13 : Логика и лингвистика : проблемы референции. – С. 5–40.
6. *Артемьева, Ю. В.* Влияние интерференции и референции на перевод / Ю. В. Артемьева // Вестн. Воен. ун-та. – 2010. – № 3 (23). – С. 129–132.

7. *Бразговская, Е. Е.* Референция и отображение (от философии языка к философии текста) : монография / Е. Е. Бразговская.– Пермь : Перм. гос. пед. ун-т., 2006. – 196 с.
8. *Шилихина, К. М.* Ироническая референция в дискурсе / К. М. Шилихина // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2011.– № 2. – С. 134–139.
9. *Шунейко, А. А.* Лингвистическая экспертиза : учебник и практикум для вузов / А. А. Шунейко, И. А. Авдеенк. – М. : Юрайт, 2024. – 333 с.
10. *Яковлева, Е. В.* Теория референции и теория психосистематики / Е. В. Яковлева // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. – 2011. – № 131. – С. 226–233.
11. *Гапанович, Е. А.* Референциальные возможности номинаций коллективного субъекта в белорусском и французском языках / Е. А. Гапанович // Универсальное и национальное в языковой картине мира : сб. науч. ст. по итогам IV Междунар. науч. конф., Минск, 24–26 окт. 2019 г. : в 2 т. / Мин. гос. лингвист. ун-т ; редкол.: Р. Ф. Сахарова (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2023. – Т. 2. – С. 71–78.
12. *Руженцева, Н. Б.* Авторизация дискурса СМИ: к проблеме прагматической и стилевой свободы журналиста / Н. Б. Руженцева // Политическая лингвистика. – 2023. – № 2 (98). – С. 12–21.
13. *Рябцева, Н. К.* Язык и естественный интеллект / Н. К. Рябцева. – М. : Academia, 2005. – 640 с.
14. *Сальникова, Ю. А.* Об одном из видов референциального манипулирования в англоязычном медиадискурсе (на материале текстов о российско-украинских отношениях) : в 2 ч. / Ю. А. Сальникова, А. А. Мишко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – № 3 (57), ч. 2. – Тамбов, 2016. – С. 144–147.
15. *Кулакова, Ю. В.* Псевдореферентная номинация в аспекте перевода (на материале английского и русского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Ю. В. Кулакова ; Пятигор. гос. лингвист. ун-т. – Пятигорск, 2010. – 28 с.
16. *Канюшкевіч, М. І.* Хто такі ТОЙ і што ён казаў? (Ужыванне спалучэння ЯК ТОЙ КАЗАЎ у беларускім маўленні) / М. І. Канюшкевіч // Verba. Северо-Западный лингвистический журнал. – 2021. – № 2 (2). – С. 79–94.

Поступила в редакцию 10.05.2024

УДК: 811.111'37+811.161.3'37

Баханович-Шикуть

Ангелина Сергеевна

магистр филологических наук,
преподаватель
кафедры лексикологии
и стилистики английского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Angelina Bakhanovich-Shykuts

MA in Philology, Lecturer at the
Department of Lexicology and Stylistics
of the English language
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
bakhanovich1994@mail.ru

ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ ФРЕЙМОВЫХ СТРУКТУР
КАК БАЗИС ФОРМИРОВАНИЯ ИРОНИИ
В БЕЛОРУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

FRAME STRUCTURES CONTRAST AS THE BASIS OF IRONIC MEANING
FORMATION IN BELARUSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

В статье анализируется противопоставление контрастных фреймов как основа когнитивной структуры иронии. Фреймы, реализующиеся в когнитивном пространстве автора, соотносятся с фреймами читательского восприятия. Установлено, что фреймы-структуры, фреймы-роли, фреймы-ситуации и фреймы-сценарии могут наслаиваться, вступать в отношения параллелизма, контекстной синонимии и антонимии и воплощаться при помощи определенных стилистических приемов.

Ключевые слова: *ирония; непрямая коммуникация; фреймовая структура; интерпретация; прагматический потенциал.*

The article analyzes the opposition of contrasting frames as the basis of the cognitive structure of irony. The frames implemented in the author's cognitive space correlate with the frames of the reader's perception. It has been established that frames-structures, frames-roles, frames-scenarios, frames-situations can be layered, enter into relations of parallelism, contextual synonymy and antonymy, and to be embodied through the usage of certain stylistic techniques.

Key words: *irony; indirect communication; frame structure; interpretation; pragmatic potential.*

Ирония (греч. *eironeia* – притворство, насмешка) – осмеяние; одна из форм отрицания. Отличительный признак иронии – двойной смысл, где истинным является не прямо высказанный, а противоположный ему, подразумеваемый; чем больше противоречие между прямым и подразумеваемым значениями, тем сильнее эмоциональная окрашенность высказывания. Мы определяем иронию как притворное изображение отрицатель-

ного явления в положительном виде с целью его осмеяния и дискредитации, основанное на выражении оценочного значения, заведомо контрастирующего с буквальным смыслом.

Материалом для настоящего исследования послужили 26 оригинальных современных произведений (опубликованных с 1996 по 2019 год), 13 белорусскоязычных и 13 англоязычных, из которых отобрано 664 белорусскоязычных и 889 англоязычных контекста иронии.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью исследования лингвопрагматических характеристик иронии и способов ее реализации в неблизкородственных языках, что имеет практическое значение для последующего сопоставительного изучения специфики данного феномена, а также лингвокультурных особенностей белорусского и британского социума. Поскольку ироническое высказывание – пример не прямой, содержательно осложненной коммуникации, требующей декодирования адресатом-интерпретатором ирония рассматривается сквозь призму когнитивного подхода к языку. Детально рассмотрим одну из когнитивных структур иронии – фреймовую структуру.

«Фрейм – это когнитивный контекст, модель культурно-обусловленного, канонизированного знания, которое является общим, по крайней мере, для части говорящего сообщества» [1]. З. Л. Попова и И. А. Стернин определяют фреймы «как многокомпонентные концепты, объемные представления, некоторую совокупность стандартных знаний о предмете или явлении: например, магазин (компоненты – покупать, продавать, товары, стоять, цена и др.)» [2, с. 74]. По мнению Е. С. Степановой, «фрейм в художественных произведениях – это не только определенным образом представленное автором абстрактное знание, но и результат его актуализации в художественном произведении с учетом ментально-когнитивных особенностей читателя – декодированное знание. Фрейм активизируется тогда, когда интерпретатор приписывает ему толкование, поместив содержание этого фрагмента в модель, которая известна независимо от текста» [3, с. 10].

На основе классификации Д. И. Муромцева иронические контексты были упорядочены по следующим группам: фреймы-структуры, использующиеся для обозначения объектов и понятий; фреймы-роли, отражающие социальные статусы; фреймы-сценарии, запечатлевшие стереотипные схемы поведения; фреймы-ситуации, служащие для создания комических положений [4].

Процедура анализа состояла в выделении высказывания с ироническим значением в каждом из художественных произведений при помощи метода непосредственного лингвистического наблюдения. Использование

комплексной методики, включающей метод дискурс-анализа текста, контекстуального, дефиниционного анализа, элементы количественных подсчетов данных, позволило определить различные способы создания иронии.

Фреймы-структуры (34,77 % от общего числа (1 553); 199 белорусскоязычных и 341 англоязычных контекста) – это когнитивные модели объектов или отвлеченных понятий. Путем столкновения разнородных объектов, сведений, положений, морально-нравственных понятий, свойственных описываемому периоду, создается иронический эффект. Так автор создает обширную ироническую картину общества, говоря о социальных прослойках населения: *А што такое добры генафонд? Интэлігент палічыць, што ў мяне добры генафонд, калі мае бацькі, бабулі і дзядулі ўсе як адзін былі педагогамі, музыкантамі і літэратарамі, пажадана рэпрэсіраванымі альбо збеглымі ад савецкай ўлады ў Парыж. І каб сярод іх аказаўся хаця б адзін расстраляны: гэта надае асаблівы статус. А вось для селяніна добры генафонд – гэта трактарысты і даяркі ў сёмым калене* (А. Беланожка).

Противопоставляются фреймы «генофонд интеллигенции» – «генофонд работяг». Под генофондом понимается не общность генов, а совокупность признаков социальных классов. Для декодирования необходимо знать, что интеллигенция – сугубо русское явление, понятие, сложившееся в конце XIX века, интеллигент это, прежде всего, человек высокоморальный. В советский период представление об интеллигенции несколько размылось – так стали называть всех, получивших высшее образование. Такие «признаки интеллигентной крови», как творческая профессия, бегство от политических репрессий и, как апогей, приговоренный к расстрелу предок – клишированное представление о чертах творческой интеллигенции. Тот факт, что прародители сельского жителя – *трактарысты і даяркі ў сёмым калене* – гипертрофирован. Подобная игра со стереотипами создает ироничный контекст.

Страноведческие фоновые знания важны для «расшифровки» и интерпретации национальных стереотипов культуры, адекватного толкования: *Нешта я зусім псую рэпутацыю купалаўцам. Трэба казаць, што я купалавец, толькі калі выношу дзяцей з полымя* (А. Горват).

Автор гиперболизирует нравственный уровень купаловцев (коллектива Национального академического театра имени Янки Купалы), говоря, что злоупотребление курением понижает репутацию всего театра, при том, что он даже не актер, а дворник. В то время как спасение ребенка из огня вполне соответствовало бы статусу этого учреждения. Контрастируют фреймы «позор Мельпомены» – «герой».

Для декодирования следующего контекста также необходимы обширные фоновые знания: *What if I suggested to you that England's function in the world was to act as an emblem of decline, a moral and economic scarecrow? For example, we taught the world the ingenious game of cricket, and now it's our job, our historical duty, an expression of our lingering imperial guilt, to sit back and let everyone else beat us at it, what would you say to that?* 'Есть в нашей стране люди (их воззрения я лично классифицирую как типичный случай исторически-депрессивного расстройства), которые считают, что наша должность в мире, наша личная геополитическая функция – это служить символом упадка, моральным и экономическим пугалом. Мы, дескать, научили мир играть в крикет, а теперь наш долг, проявление комплекса рецидивной имперской вины – сидеть сложа руки и позволять себя обыгрывать' (J. Barnes).

Крикет зародился в XVI веке на юге Англии и стал одним из национальных видов спорта; *imperial guilt* 'имперская вина' связана с тем, что Британская империя – самое крупное из когда-либо существовавших государств за всю историю человечества, с колониями на всех обитаемых континентах, поэтому «бывшие агрессоры» должны испытывать вину за территориальное, географическое расширение зоны влияния. Ирония порождается столкновением фреймов «популяризация игры в крикет» и «колониальная экспансия». Автор иронично подмечает, что британцы распространили свою власть по всему миру, так же, как и игру в крикет, и теперь должны позволять себя обыгрывать, чтобы загладить вину. Для интенсификации иронии используется метафора *economic scarecrow* 'экономическое пугало'.

Фреймы-роли (28,01 % от общего числа (1 553); 161 белорусскоязычных и 274 англоязычных контекста) – это стереотипы восприятия социального и иного поведения. Изучаемые произведения изобилуют ироническими контекстами, в которых демонстрируется столкновение характеристик морального облика героев. Каждый персонаж обладает амбивалентными характеристиками, поэтому не может быть причислен ни к абсолютно положительным, ни к полностью отрицательным.

Создается контраст фреймов «современный руководитель» – «инфантильный мужчина»: *Ах, дырэктару варта было даўно паслухацца прыроды, якая ўжо ахрыпла, клікаючы яго, як матуля – пяцігадовага неслуха, да пажыўнага пачастунку, каб ён выпіў з рук прыроды энергію сонца. А ён, дурненькі, усё гуляе са сваімі джыпамі, банкаўскімі карткамі «Віза» ды з насеннем катастрофаў, такіх, як свабода слова, гэндар і – што-што?–*

харасмэнт! Такія прыгожыя словы! Заўважна, пану дырэктару прыемна вымаўляць іх перад замежнымі партнёрамі, каб паказаць: ён – чалавек прагрэсіўны! (А. Брава).

Формируется ироничный образ директора: с одной стороны, обладающего статусными атрибутами (банковские карты, джипы, прогрессивный гендерно ориентированный лексикон), но с другой, в адрес которого употребляются уменьшительно-ласкательная разговорная форма слова *дурненькі* и просторечие *неслух*. Созданию иронии способствуют: антропоматизм – приписывание человеческих свойств предметам и явлениям реального мира – *прырода, якая ўжо ахрыпла, клікаючы яго, як матуля*; антифразис *прыгожае слова* в отношении лексемы *харасмэнт*.

Выявлено столкновение фреймов «религиозный человек» и «безбожник, атеист»: *For the rest of the term she had been made to stand apart and lead the school in prayer, forced to articulate clearly and to counterfeit an ardent faith. After a while, she found she did it rather well, a born-again convict assuring the parole board that he was now washed free of his sins and would they kindly think of letting him out* 'До конца учебного года ее заставляли выходить вперед и молиться громко, чтобы за ней повторяла вся школа, произносить слова отчетливо, имитировать горячую веру. Вскоре Марта обнаружила, что получается у нее очень даже неплохо; уверовавший во Христа заключенный, она доказывала совету по условно-досрочному освобождению, что дочиста отмыла свою душу от грехов – не соблаговолят ли они поразмыслить на досуге насчет амнистии' (J. Barnes).

Ирония создается при помощи образного сравнения: Марта примеряет на себя роль набожной ученицы, но соотносит себя с заключенным, а школьную комиссию – с советом по условно-досрочному освобождению. Использование семантических сигналов (слов, в которых зафиксирована функция сигнализации иронии) *kindly think* 'соблаговолить' повышает ироническую образность.

Установлено сочетание фреймов «отрицательный образ учителя» (в детском сознании) и «величественная жрица»: *Here they were encouraged to an urgency of belief out of place at morning Assembly. The chants of religion were said in a hurrying mumble; but in history Miss Mason, hen-plump and as old as several centuries, would lead them in worship like a charismatic priestess, keeping time, guiding the gospellers* 'Здесь в них воспитывали горячую веру, которая была бы неуместна на утреннем молитвенном собрании. Религиозные декламации произносились невнятной скороговоркой; но на

истории мисс Мейсон – жирная, как курица, и старая, как несколько веков, – руководила ритуалом, словно величая жрица, задавала ритм, дирижировала своими певчими’ (J. Barnes).

Детство Марты Кокрейн проходит в провинции пасторального английского поселка, школа которого формирует ее духовное пространство. Ирония реализуется через несообразную корреляцию, продуцент иронии сравнивает реальное положение дел с нарочито преувеличенным, искаженным: учительницу со жрицей, руководящей ритуалом.

Контраст фреймов «лжец» – «идеальный муж» становится основой иронии в следующем примере: *Ted, who showed her the advantages of money and the softening hypocrisies it encouraged, who said he loved her and wanted to marry her and have kids with her, but never told her that between leaving her at every morning and reaching his office he always spent an intimate hour with his psychiatrist* ‘Тед, который показал ей, чем хороши деньги и благостное ханжество, порождаемое их наличием, который сказал, что любит ее, что хочет жениться на ней и иметь от нее детей, не соизволил упомянуть, что каждое утро по дороге из ее квартиры в свой офис всегда проводит заветный час наедине со своим психиатром’ (J. Barnes).

Иронический тон рассказчика очевиден в расстановке семантических акцентов. Дж. Барнс описывает «идеального» кандидата в мужа, но перечисленный список достоинств завершается ежедневными визитами к психиатру. Наблюдается логическое противоречие между двумя пропозициями: счастливый семьянин и лгун, с психическим расстройством.

Фреймы-ситуации (23,37 % от общего числа (1 553); 191 белорусскоязычных и 172 англоязычных контекста) – классический прием создания комических положений. Автор сталкивает фреймы «обязанности правоохранительных органов» и «бездумное выполнение плана раскрываемости преступлений» или «нарушение уголовного кодекса» и «нарушение ПДД»: *Каленкавічы – гэта вялікая вёска. Пад ліхтаром у цемры сумуюць без працы дзве прастытуткі – сапраўдныя, у парыках і з вялікімі грудзямі. Як у фільмах Альмадовара. Побач двое міліцыянтаў выконваюць план па злове асабліва небяспечных злачынцаў, можа хто з суседзяў яблыкі крадзе, ці лезе ў акно да палюбоўніцы. Знайшлі мяне, узрадаваліся, што я без флікеру. Знайшлі б лепей прастытутак – усім было б добра. Там ужо і флікер ёсць куды чапляць* (А. Горват).

Автор создает курьезную ситуацию, когда милиция в поиске «особо опасных преступников», арестовывает не проституток, стоящих у дороги, а пешехода без фликера.

Следующий иронический контекст отличается диалогичностью и многомерностью. Взаимодействие фреймов происходит по общей схеме контраста: «каноническое обслуживание в ресторане» и «специфический подход официанта к клиентам»: *It's just that ... don't you think we should be wary of the Californian Waiter Syndrome?* 'Enlighten a parochial mind,' said Sir Jack. 'The guy who instead of standing there with a notepad writing down what you want to eat and shutting the fuck up, takes the next chair to you and talks about the nonviolent way they cracked the hazel nuts and wants to share with you about your allergies' 'Возможно, я нервничаю по пустякам, но... вам не кажется, что следует опасаться Синдрома Калифорнийского Официанта? – Просветите мой ограниченный ум, – заявил сэр Джек. – Вообразите типа, который вместо того, чтобы записать в блокнот заказанные блюда, заткнуться и уйти к чертям собачьим, усаживается рядом с вами и рассказывает, в какой ненасильственной манере давили фундук, а также простодушно выбалтывает, на какие блюда у него аллергия' (J. Barnes).

Автор иронично окрашивает манеру поведения официанта, используя эпитет *nonviolent way they cracked the hazelnuts* 'в какой ненасильственной манере давили фундук', утрируя калифорнийский личностный подход и толерантность во всем, даже по отношению к орехам.

Фреймы-сценарии (13,84 % от общего числа (1 553); 113 белорусскоязычных и 102 англоязычных контекста) отличаются наличием фактической стороны повествования, последовательностью событий, причинно-следственной связью. Лингвистика признает когнитивную роль рассказов, мифов, фабул и сюжетов как гибких и объяснительно-иллюстративных форм поведения и познания, а также трансляции опыта.

В белорусскоязычном дискурсе возникают такие контрадикторные сценарии «выживания» в школе, как «истинное лицо» – «навязанный окружением образ»: *Хутка настаўніца літаратуры пачне чытаць уголас узорна-паказальныя сачыненні старасты. Гэтая дзяўчына выдатна ведае, што трэба рабіць: на савецкіх святах яна дэкламуе добра пастаўленым у драмгуртку голасам «ідэйныя» вершы са сцэны, а потым паліць у прыбіральні, распавядаючы, як «класна кінула» увесь гэты «піпл». І ў сачыненнях яе прадпрымальная сляза скочваецца менавіта ў патрэбным, грамадска значным і дазволеным хрэстаматыяй месцы. Змалку стараста разумее, што зачэрпваць на мелкаводдзі банальнасці ёсць бяспройгрышны спосаб падабацца большасці, гэтаму самаму «people». Менавіта такой хаўкі, пальцам пханай, патрабуе гэты натоўп. Калі камусьці надта хочацца стаць тут сваім, трэба ўсяго толькі прыкінуцца пасрэднасцю* (А. Брава).

Автор создает в контексте противоречивое лексико-стилистическое наполнение: книжные слова *узорна-паказальныя сачыненні* и *дэкламаваць* 'произносить напыщенные речи, полные ложного пафоса', а также глагольная метафора *зачэрпваць на мелкаводдзі банальнасці* сочетаются с жаргонизмами *хаўка* 'еда', *кінуць* 'обмануть' и заимствованием, молодежным сленгом *ніл* 'народ'.

В следующем контексте выявлено сочетание фреймов «вмешательство в частную жизнь» и «журналистская этика», а также «пренебрежение морально-этическими нормами» и «награда за благое дело». *Gary Desmond, until recently a key byline in Sir Jack's own newspaper chain. Gary Desmond, who had outed three cabinet ministers, one of them female; who had named the England cricket captain's love-child, lamented the coke habits of two weather-girls, and brought his employer photographic evidence of Prince Rick's three-in-a-bed sessions with high-price escort girls. But Gary Desmond, waiting, with a modest pun, to call the story his crowning achievement, discovered that it was possible to triumph too completely. There had been no doubting the general excitement when he'd revealed how a young man 'six heartbeats from the throne,' had languidly cavorted with Cindy and Petronella in one of the 'luxury palaces' provided by the tax-payer. But as each day's revelations had continued, prurient condemnation had somehow given way to embarrassment and then to a sort of patriotic self-reproach. He was picking at his House of Lords braces and fearing he might not get the ermine to match 'Гэри Джеймс, еще совсем недавно ведущий автор всей сети газет сэра Джека. Гэри Джеймс, удаливший с политической арены трех министров – в том числе одну даму; это он разгласил имя внебрачного ребенка капитана сборной Англии по крикету, выразил свое сочувствие двум молоденьким дикторшам «Метеоновостей» по поводу их прискорбной слабости к кокаину и вручил своему работодателю фотографии, уличающие принца Рика в сеансах любви втроем с высокооплачиваемыми профессиональными девушками без комплексов. Гэри Джеймс, ожидая – позвольте смиренный каламбур – королевских почестей за королевский цикл статей, обнаружил, что победы бывают слишком полными. Нельзя было сомневаться в общем восторге, когда он открыл читателям, что молодой человек, «без шести биений сердца король», нежился с Синди и Петронеллой в одном из «дворцов класса люкс», возведенных на средства налогоплательщиков. Он нервно шелкал своими подтяжками цвета палаты лордов, опасаясь, что так и не удостоится положенной к ним горностаевой мантии' (J. Barnes).*

Ирония состоит в том, что журналист, представил в неблагоприятном свете людей, занимающих высокое положение в обществе, но так и не удостоился вознаграждения (мантии из горносталя) за свои «заслуги», что является *драматической иронией*, когда читатель осознает абсурдность данной награды, а персонаж считает ее заслуженной.

Рассматривая корреляцию фреймовых структур и иронии можно сделать следующие выводы: шаблонная когнитивная модель передачи иронии основывается на фрагментарном искажении информации адресантом, которое вступает в противоречие с уже имеющимися в сознании адресата информационными, рациональными, чувственно-эмоциональными фреймами и поступающей информацией; ирония формируется сочетанием диаметрально противоположных, взаимоисключающих компонентов смысла высказывания, то есть во фреймовых взаимодействиях; для создания иронического контекста необходимы два фрейма – стереотипная ситуация, закрепленная в сознании реципиента, клише (отвечает за истинность информации) и игровая ситуация, непредвиденный исход (отвечает за фиктивность); в иронически окрашенном художественном тексте присутствует шаблон толкования «от противного»: вместо фреймов, отвечающих за истинность информации, актуализируются фреймы, отвечающие за фиктивность информации, порождая когнитивный конфликт в сознании реципиента. Соединение несовместимых по смыслу фреймов приводит к логическому противоречию или двоякому толкованию в тексте, следовательно, к иронии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Болдырев, Н. Н.* Концепт и значение слова / Н. Н. Болдырев // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / Воронеж. межрегион. ин-т обществ. наук [и др.] ; науч. ред. И. А. Стернин. – Воронеж, 2001. – С. 25–35.
2. *Попова, З. Д.* Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : 2001. – 191 с.
3. *Степанова, Е. С.* Мифологический фрейм и его языковое выражение в философских романах А. Мердок : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. С. Степанова ; Самар. гос. пед. ун-т. – Самара, 2007. – 19 с.
4. *Муромцев, Д. И.* Введение в технологию экспертных систем : учеб. пособие / Д. И. Муромцев. – СПб : СПб ГУ ИТМО, 2005. – 93 с.

Поступила в редакцию 09.04.2024

Биюмена Анна Александровна
кандидат филологических наук,
доцент, доцент кафедры
речеведения и теории коммуникации
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Anna Biyumena
PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Speechology and Theory
of Communication
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
a_mesyats@mail.ru

МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБРАЗА «ЧЕЛОВЕКА ТРУДА» В БЕЛОРУССКИХ ПЕЧАТНЫХ МЕДИА

MODELING THE IMAGE OF A “MAN OF LABOR” IN BELARUSIAN PRINT MEDIA

В статье рассматривается образ «человека труда» в современных белорусских печатных изданиях, описываются его ключевые компоненты и лексические средства, которые используются для моделирования данного образа в медиадискурсе. Отмечается связь способов репрезентации образа «человека труда» с материалами советской прессы, выявлены новые элементы в экспликации данного образа, связанные с требованиями, предъявляемыми к компетенциям современных специалистов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *медиадискурс; печатные медиа; трудовой дискурс; «человек труда»; языковые средства.*

The article examines the image of the “man of labor” in modern Belarusian print publications, describes its key components and lexical means that are used to model this image in media discourse. The connection between the ways of representing the image of a “man of labor” and the materials of the Soviet press is noted, new elements in the explication of this image related to the requirements for the competencies of modern specialists are identified.

К e y w o r d s: *media discourse; print media; labor discourse; “man of labor”; linguistic means.*

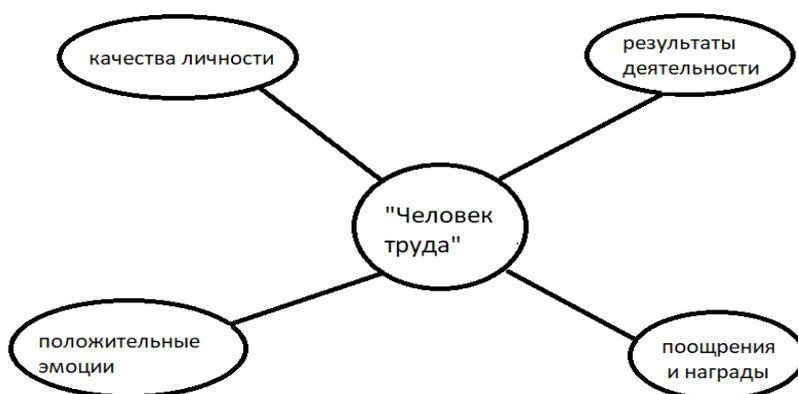
Медиадискурс как одна из важнейших сфер использования языка в современном обществе выполняет социальные функции интеграции общества на основе создания общих для членов социума символов, смыслов и форм социальной солидарности; трансляции и закрепления общественных норм, усвоения гражданами опыта предшественников и формирования ценностных ориентаций человека; социализации личности, т. е. ее включения в общественные взаимоотношения через присоединение к единому информационному пространству [1; 2; 3]. Исследователи подчеркивают тесную связь медиадискурса с идеологией как системой «социальных значений, способствующих самоопределению общества в целом и его отдельных членов в частности» [4, с. 48].

В прессе советского периода большое внимание уделялось освещению темы труда, а стереотипизированный образ «человека труда» функционировал в СМИ как идеологическое клише [5, с. 149] и был неотъемлемой частью идеологической повестки государства. В материалах печатных изданий советского времени идеологемы *рабочий, крестьянин, трудящийся*, а также наименования рабочих и сельскохозяйственных специальностей и обозначения лучших работников использовались как лексические доминанты текстов на трудовую тематику, обладающие рядом аксиологических, идеологических, статусных коннотаций [6].

В современных исследованиях «человек труда» рассматривается не только как обладатель рабочей или сельскохозяйственной профессии, но, в более широком прочтении, трактуется как человек, занимающийся производительным или производственным трудом. Это деятель, который сам создается в процессе трудовой деятельности, «субъект производственных отношений, мотивированный на ценность производительного труда, носитель социокультурных ценностей динамичного профессионального развития общества» [7, с. 44]. Очевидно, что данная интерпретация акцентирует положительные аксиологические компоненты указанного образа.

Целью статьи является моделирование образа «человек труда» в современных белорусских печатных медиа. Материал исследования составили 100 текстов информационно-аналитических жанров, опубликованных в республиканских газетах «СБ. Беларусь сегодня» (СБ), «Сельская газета» (СГ), «Республиканская строительная газета» (РСГ) в 2023–2024 г.

Проведенный анализ позволяет представить образ «человека труда», репрезентируемый в печатных СМИ Беларуси, в виде следующей модели (рисунок).

Модель образа «человека труда» в белорусской прессе

Как видно на рисунке, образ «человека труда» в прессе Беларуси состоит из четырех основных компонентов: *качества личности, результаты деятельности, поощрения и награды, положительные эмоции и чувства*. Рассмотрим эти компоненты подробнее.

1. *Качества личности*. Журналисты подчеркивают, что «человек труда» обладает качествами и характеристиками, относящимися к следующим группам:

а) *ответственность, надежность, трудолюбие*. Герои публикаций белорусской прессы обычно представлены как надежные исполнители, которые добросовестно относятся к своим обязанностям, самостоятельно берут на себя ответственность и стремятся к достижению наилучших результатов. Как и в прессе советского периода, важнейшим смысловым компонентом понятия *труд* в современных печатных изданиях является 'внутренний долг' [8, с. 7].

Средствами экспликации данных идей выступают лексемы *трудолюбивый, целеустремленный, ответственный, серьезно, положиться, не подвести, делать на совесть, выложить все силы*: И к этой обязанности каменщик подходит **ответственно** и с энтузиазмом (РСГ, 22.03.2024); К преподавательской деятельности, признается, отнеслась максимально **серьезно**, тщательно собирала по крупицам необходимый материал, штудировала «нормативку», изучала лучший практический опыт (РСГ, 11.03.2024); Андрей старался **не подвести** отца и прислушивался к его ценным советам (РСГ, 08.02.2024); Это люди исключительного **трудолюбия и ответственности** (РСГ, 22.01.2024); В нашей команде такого не бывает, ведь у меня командир экипажа – самый **надежный** человек в мире (СБ, 22.08.2023); Варушины снова держат стройные ряды и до последнего не уводят комбайн с поля: сейчас надо **выложить все силы**, чтобы оперативно закончить уборочную (СБ, 11.08.2023);

б) *опыт, профессионализм*. Представленные в прессе нарративы рассказывают о том, что успешные работники – это опытные профессионалы, владеющие мастерством в своей сфере и способные творчески решать сложные нетиповые задачи. В роли лексических средств репрезентации данных идей привлекаются такие единицы, как *мастер, мастерство, опыт, профессионализм, качественный, качество, искусно, эксперт, ломать голову*: Валерий Юрковец – механизатор **опытный**, в хозяйстве почти четыре десятка лет, с весны был задействован на химвпрополке (СБ, 01.09.2023); Сегодня любое серое помещение она может **искусно** превратить в филиал Версаля, что подтверждает ее **мастерство и профессионализм** (РСГ, 22.01.2024); Работа инспектором стала для нее настоящим

экзаменом на **профессионализм** и **стойкость** (РСГ, 11.03.2024); На деле же приходится не только болты с гайками покрутить, но и серьезно **голову поломать**, что именно неисправно и как это починить. Но **экспертно** заявляю: справимся! (СГ, 09.01.2024);

в) **коммуникативные навыки, умение работать в команде**. Трудовые рекорды в газетных публикациях часто представлены как результат командной работы, поэтому лучшие работники демонстрируют высокую степень сформированности навыков работы в коллективе, что подчеркивается с помощью лексических единиц **команда, коллектив, коллективный, дружный, сплоченный, слаженный, общий**: С таким **сплоченным** коллективом все задачи выполнимы (РСГ, 11.03.2024); Экипаж действует настолько **слаженно**, что складывается обманчивое ощущение легкости процесса; Если семья **дружная** и крепкая, ни о каких конфликтах отцов и детей и думать не приходится (СБ, 11.08.2023); Это **коллективный** труд, поэтому радость и волнение – **общие** (СГ, 22.01.2024). Кроме того, герои газетных статей нередко демонстрируют скромность и говорят о значимости коллектива в выполнении работы: В разговоре с ней первое, на что обращаешь особое внимание, – скромность. Елена Феликсовна отмахивается от похвал, периодически повторяя: «Целый отдел трудится над произведениями» (СГ, 22.01.2024).

В образе «человека труда» в современных газетах, в отличие от медиадискурса советского периода, акцентируются хорошо развитые коммуникативные навыки, независимо от сферы деятельности персонажа, поскольку в настоящее время «умение осуществлять эффективную коммуникацию является ключевым не только для представителей группы профессий «Человек – человек», например, для педагогов или продавцов, но и для профессионалов в других областях» [9, с. 94]. Персонажи проанализированных публикаций умеют быть тактичными и вежливыми, находить общий язык с любым человеком. Указанные идеи репрезентируются в материалах прессы с помощью слов и сочетаний **найти общий язык, терпеливый, уважительный, доступный, тактичный, отзывчивый, теплый микроклимат, коммуникативные навыки**: В силу своего характера для ребят я всегда **доступен**, всегда могу **найти общий язык** с теми, кто хочет учиться и работать. Нельзя поворачиваться к человеку ребром, нужно **терпеливо** работать с ним – и он начнет отзываться, – убежден наставник (РСГ, 22.03.2024); Это и инженер, и психолог, и человек с **высокими коммуникативными навыками**, обладающий, ко всему прочему, лидерскими качествами; Встав несколько лет назад во главе бригады, она успешно решает вопросы как правильной расстановки кадров, так и созда-

ния **теплого микроклимата** внутри небольшого коллектива (РСГ, 11.03.2024); Рассказать о ней на страницах «РСГ» – прекрасный повод поблагодарить за нелегкий труд и преданность строительному делу, а также еще раз восхититься очаровательной белорусской, заботливой мамой, внимательной дочкой и **отзывчивой** коллегой (РСГ, 22.01.2024).

2. Результаты деятельности. В материалах о работниках сельскохозяйственных специальностей речь идет об измеримых результатах (тонны, килограммы, литры), а самих героев газетных текстов называют **пятитысячниками**, **трехтысячниками** и т. п.: **Пятитысячником** Николай становился в 2021-м и 2022-м. В Могилевской области это абсолютный рекорд, который пока не побил никто (СБ, 16.08.2023); Супруги Николай и Валентина Вабищевич – лидеры нынешней кампании в ОАО «Остромечево» и первый семейный экипаж в Брестской области, пополнивший почетный круг **двухтысячников** (СБ, 16.08.2023); Удой от коровы также получился рекордным – почти 7240 килограммов (СГ, 04.01.2024); Больше всех силоса заготовил механизатор ОАО «Завидовское» Добрушского района Виктор Сизый – свыше 36 тысяч тонн (16.01.2024).

Публикации о людях рабочих, например, строительных профессий фокусируют внимание на законченных объектах, при этом отмечаются самые значимые или масштабные из них: За свою карьеру Николай Николаевич успел приложить руку к множеству интересных объектов и получить бесценный опыт, который он с радостью передает молодому поколению (РСГ, 22.03.2024); За плечами сотни реализованных объектов как в Солигорске, так и в Минском районе, столице – жилые дома, спорткомплексы, общежития, школы, офисы, памятники архитектуры, гостиницы (РСГ, 11.03.2024); На данный момент в копилке мастера малярного искусства сотни жилых домов, детских садов, школ и других крупных объектов социального и промышленного назначения (РСГ, 22.01.2024).

При этом для номинации лучших работников используются позитивно-оценочные существительные **лидер**, **передовик**, а для их характеристики – прилагательные **известный**, **знаменитый**, акцентирующие почет и славу героев публикаций: Из года в год Александр Кухарев в числе **передовиков** районных соревнований на уборочной (СБ, 22.08.2023); К трехтысячному намолоту приблизился и **прославленный** комбайнер «Беловежского» Валерий Кухта, работающий на отечественном КЗС-1624. За его плечами более 30 уборочных кампаний, в **лидерах** жатвы постоянно (СБ, 10.08.2023); Вчера теплые поздравления от руководства области, района принимал еще один **известный** хлебороб ОАО «Беловежский» – Андрей Кобяtko (СГ, 10.08.2023).

3. Поощрения и награды. В большинстве проанализированных текстов содержатся указания на материальные (высокая зарплата, подарки, премии и другие выплаты, комфортные условия жизни и труда) и нематериальные блага (грамоты, ордена, медали, почетные звания, публичная слава), которые получают люди, проявляющие усердие и демонстрирующие высокие результаты работы: *За свою насыщенную карьеру он успел принять участие во множестве знаковых и масштабных строек Беларуси и был удостоен звания кавалера ордена Трудовой славы III степени; На руках был маленький сын, работа маляром приносила хороший доход, да и к коллективу прикипела душой* (РСГ, 08.02.2024); *В торжественной обстановке Роман Александрович наградил медалью «За трудовые заслуги» и нашу Марину Мурашко* (РСГ, 22.01.2024); *Живут в просторном доме, выделенном хозяйством* (СБ, 16.08.2023); *Артем по секрету признается: – Кормят очень хорошо* (СБ, 11.08.2023); *Люди зарабатывают, их имена на Аллее Славы сельхозпредприятия, многие – заслуженные работники колхоза «Родина», заслуженные работники сельского хозяйства* (СБ, 22.08.2023); *Денежные премии за безупречную, результативную работу лучшие из лучших в кормозаготовительной кампании получили в конце 2023 года* (СГ, 13.01.2024); *Ее отец в качестве награды получил электросамокат – настоящую радость для ребенка* (СГ, 16.01.2024); *В 2012 году Елена Шунейко стала лауреатом премии имени А. И. Дубко Гродненского областного исполнительного комитета «За творческие достижения в сфере культуры и искусства» в номинации «Народный мастер». В 2016 году ее техника по изготовлению гобеленов в традициях двойного и переборного одностороннего ткачества занесена в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь. В 2021-м мастерице присвоено почетное звание «Человек года Гродненщины»* (СГ, 22.01.2024)

4. Положительные эмоции и чувства. Одной из важнейших характеристик образа успешного «человека труда» в материалах белорусских газет является его положительное отношение к трудовой деятельности, любовь к своему делу. Данные качества репрезентируются с помощью широкого ряда лексических единиц, обозначающих положительные эмоции (любовь, благодарность, любопытство, удовольствие, любить, восхищаться, гордиться, доволен, дух захватывает, интерес, приятно, радость, работать с душой и т. д.): *Вот сегодня сел за баранку машины, проехал по золотому полю – аж дух захватывает! Уборка зерновых – это моя любовь с детства. Отец работал комбайнером, и я с ранних лет с любопытством наблюдал за работой* (СГ, 19.10.2023);

Приятно видеть, когда людей **радуют** результаты нашей работы (СГ, 22.01.23); Критерии просты: **любишь** свое дело – и оно спорится; А когда появляются результаты, включается спортивный **интерес** (СБ, 22.08.2023); С **удовольствием** чинит технику в хозяйстве, а на лето **гордо** переименовывает себя в помощника комбайнера и садится в одну кабину с отцом; Но счет победам Варушины скромно не ведут, с **благодарностью** принимают подарки и поздравления (СБ, 11.08.2023).

Особое место в образе «человека труда» в белорусских печатных изданиях занимает его любовь к Родине, как к своей стране, так и к малой Родине – месту, где человек родился и живет. По мнению исследователей, патриотизм проявляется «в уважении к истории и культуре своего народа, а также в стремлении к созидательному действенному участию в развитии государства и общества» [10, с. 8].

Чаще всего представленные на страницах прессы «люди труда» живут и работают там, где они родились. Это люди, которые любят Родину и гордятся ей: Андрей Николаевич после Чернобыля покидал Ветковский район, но долго на новом месте не выдержал: вернулся в Хальч, на свои **любимые** поля, которые теперь убирает вместе с сыном, воспитанным **в любви к родной земле**; – Здесь все свое. Я не умею красиво говорить, но скажу так: я без родного края не смог; И Артем вырос в полной уверенности, что **лучше его родины нет ничего** (СБ, 11.08.2023); Его малая родина – уютный поселок Беловежский. С местным агропредприятием связали судьбу родители, и он последовал их примеру (СГ, 01.08.2023).

Наиболее значимыми формами патриотизма М. Ю. Узгорок называет не только возвышенно-эмоциональную, фиксирующую безусловно позитивное эмоциональное отношение к Отечеству (любовь к своей природе, родному краю, отчему дому и т. д.), но и деятельную форму, которая проявляется в конкретных активных действиях в интересах своей Родины [11, с. 3–4]. Как авторы газетных текстов, так и их герои рассматривают трудовую деятельность как служение на благо Родины: **На 100 процентов преданный своему делу, не устает повторять: его высокие результаты – заслуга всей «Родины» и для Родины**; – Я испытывал настоящую гордость. Сегодня Беларусь выглядит так: красивая, ухоженная, мирная, с урожаем! В этом и есть наша сила (СБ, 22.08.2023); **Такому полезному всем труду посвящают себя преданные Родине люди, готовые к самопожертвованию, любящие свои семьи, своих близких, белорусский народ и свою страну; Разве это не патриотизм! Патриотизм высшей степени, высшей пробы, белорусский, подлинный, первоклассный и судьбоносный во имя любимой Беларуси** (СГ, 19.10.2023).

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Представленный на страницах современных белорусских газет «человек труда» – это особый лингвокультурный типаж, обладающий рядом важных личностных характеристик. В медиадискурсе подчеркивается, что наряду с ответственностью и профессионализмом, современный специалист в любой сфере должен обладать коммуникативной компетентностью и быть способным работать в команде. «Человек труда» демонстрирует высокие показатели трудовой деятельности, имеет за плечами большой опыт значимых проектов. Работники обеспечиваются комфортными условиями жизни и работы, за усердный труд и высокие результаты заслуженно получают различные виды материальных и нематериальных поощрений. Кроме того, образ «человека труда» всегда аксиологически маркирован – герои медиатекста любят свою работу и видят в ней служение Родине.

Представляя трудовую деятельность как почетное и достойное дело на славу родной стране, формируемый в современной белорусской прессе образ «человека труда» служит целям трудового и патриотического воспитания молодежи, социализации личности, интеграции и солидаризации общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дускаева, Л. Р.* Диалогическая природа газетных речевых жанров / Л. Р. Дускаева ; под ред. М. Н. Кожинной. – Изд. 2-е, доп., испр. – СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т, 2012. – 274 с.
2. *Іўчанкаў, В. І.* Дыскусія беларускіх СМІ. Арганізацыя публіцыстычнага тэксту : дыс. ... д-ра філал. навук : 10.01.10 ; 10.02.01 / В. І. Іўчанкаў. – Мінск, 2003. – 232 л.
3. *Корконосенко, С. Г.* Основы журналистики : учебник / С. Г. Корконосенко. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М. : Аспект Пресс, 2009. – 316 с.
4. *Богданов, К. А.* Vox populi: фольклорные жанры советской культуры / К. А. Богданов. – М. : Новое лит. обозрение, 2009. – 362 с.
5. *Юсупова, А. М.* Стереотип «Человек труда» в региональном публицистическом дискурсе / А. М. Юсупова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2014. – № 26. – С. 148–151.
6. *Биюмена, А. А.* Лексические доминанты как компоненты ценностной модели общества / А. А. Биюмена // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Филология. Журналистика. – 2021. – № 1. – С. 6–13.

7. Зеер, Э. Ф. Социально-образовательные аспекты становления «человека труда» / Э. Ф. Зеер // Образование и наука. – 2013. – № 8 (107). – С. 32–46.
8. Чернова, О. Е. Концепт «труд» как объект идеологизации : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О. Е. Чернова ; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург, 2004. – 20 с.
9. Биюмена, А. А. Человек как объект макротекста в пространстве белорусской прессы / А. А. Биюмена // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманитарные науки. – 2022. – № 9. – С. 92–95.
10. Звёздкин, Н. М. Формирование патриотических ценностей в системе государственной молодежной политики республики Беларусь : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.08 / Н. М. Звёздкин ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2021. – 26 с.
11. Узгорок, М. Ю. Расширение сферы проявления патриотизма как культурной ценности: на материале современной белорусской культуры : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01 / М. Ю. Узгорок ; Гродн. гос. ун-т. – Гродно, 2013. – 23 с.

Поступила в редакцию 22.04.2024

УДК 81'42 : 070(476) + 81'42 : 070(73)

Глазко Павел Петрович

кандидат филологических наук,
доцент, докторант кафедры
белорусского языка и литературы
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Pavel Hlazko

PhD in Philology, Associate Professor,
Post-PhD Researcher of the Department
Of the Belarusian Language and Literature,
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
pavel.hlazko@gmail.com

МОДАЛЬНЫЕ И МОДУСНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АНГЛО- И РУССКОЯЗЫЧНЫХ БЛОГОВ

MODAL AND MODUS CHARACTERISTICS OF BLOGS IN ENGLISH AND RUSSIAN

В статье рассматриваются особенности взаимодействия категории модальности с модусными категориями оценки, экспрессивности и эмотивности в англоязычных блогах США и русскоязычных блогах Беларуси. Результаты лингвостилистического, контекстуального и сопоставительного анализа с опорой на анализ словарных дефиниций свидетельствуют об актуализации модальных значений вероятности в сочетании с модусами эмотивности и оценки, в то время как актуализация модуса экспрессивности ведет к переключению модальности в сторону значений макрополя волеизъявления.

Ключевые слова: блог; модальность; модус; оценочность; эмотивность; экспрессивность; сопоставительная лингвистика.

The article examines the features of interaction between the category of modality and the categories of evaluation, expressiveness, and emotivity in English-language blogs from the USA and Russian-language blogs from Belarus. The results of linguistic-stylistic, contextual, and comparative analysis, based on the analysis of lexical definitions, indicate the actualization of modal meanings of probability in combination with categories of emotivity and evaluation, while the actualization of expressiveness leads to a shift in modality towards the meanings of the macrofield of volition.

Key words: blog; modality; modus; expressiveness; emotiveness; comparative linguistics.

Изучение проявлений субъективности приобретает все большую актуальность в современных гуманитарных исследованиях в связи с тем, что полученные данные представляют собой фрагменты различных аспектов абстрактной модели человеческого сознания.

Противопоставление субъективных и объективных смыслов, актуализирующихся в процессе использования языка, является одной из наиболее значимых в теоретическом и практическом плане проблем лингвистики. Вслед за дуалистической концепцией Р. Декарта, в языкознании данная оппозиция интерпретируется в таком ключе: объективный аспект языка относится ко всему внешнему миру, а субъективный ассоциируется с внутренними переживаниями человека. Тем не менее характер соотношения этих факторов остается предметом дискуссий, а именно, ведутся споры о возможности существования чисто информативных высказываний в противовес неотъемлемости субъективного аспекта в любом высказывании [1].

В данном контексте особый интерес представляют такие категории, как модальность и модус, аккумулирующие различные многообразные смыслы субъективного плана, т. е. идущие от говорящего. Но, несмотря на общий субъективный субстрат, установление закономерностей соотношения и взаимодействия модальных и модусных значений представляет собой весьма непростую задачу. В первую очередь это связано с непоследовательностью употребления рассматриваемых терминов в научной литературе.

На сегодняшний день можно говорить о трех видах соотношения модуса и модальности, выстроенных в соответствии с принципами интеграции, дифференциации и включения рассматриваемых понятий. В работе Т. И. Красновой модус и модальность используются как синонимичные понятия ввиду субъективной основы, на которой выстроены обе категории [2]. Но даже при четком разграничении терминов *модус* и *модальность* взгляды на их соотношение у лингвистов расходятся. И действительно, в работах В. Г. Гака, Н. А. Кобриной, О. А. Кобриной, М. В. Всеволодовой и др. данные понятия характеризуются отношениями включения. Но если у В. Г. Гака [3], Т. В. Шмелевой [4], О. А. Кобриной [5] модальность представлена как одна из модусных категорий, то у М. В. Всеволодовой [6] модус рассматривается в составе более широкого функционально-семантического поля категории модальности.

Необходимость дифференциации *модуса* и *модальности* связана с противоречивым характером онтологического статуса рассматриваемых понятий: если выделяемая в традиционных концепциях субъективная модальность признавалась факультативной, то модус преимущественно считается обязательной составляющей высказывания [5; 7; 8]. Даже в случае формального отсутствия модуса, т. е. его непредставленности в поверхностной структуре высказывания, он может быть реконструирован с опорой на контекст.

О целесообразности дифференциации модуса и модальности свидетельствует также и специфика их функциональных характеристик. Так, по мнению О. А. Кобриной, модусы являются следствием продуманной тактики (политическая корректность, этикетность, ориентированность на возраст и социальное положение, приукрашивание, упрощение и др.), и целенаправленный выбор и реализация всех этих тактик на сентенциальном и текстовом уровнях отражают спланированное отношение говорящего к коммуникации и рассматриваются в свете прагматики [5]. На этом основании модус следует отнести к категориям коммуникативно-прагматического плана. Модальность же, выражая «отношение говорящего лица к характеру соотношения между содержанием высказывания и объективной реальностью» [9, с. 120], выступает в качестве инвариантного понятия, объединяющего конкретные типы модальных значений. Следовательно, модальность является примером функционально-семантических категорий.

Цель нашего исследования состоит в установлении закономерностей взаимодействия модальных и модусных значений в англоязычных блогах США и русскоязычных блогах Беларуси. При этом под модальными понимаются значения, образующие макрополя вероятности и волеизъявления. В структуру макрополя модальности вероятности входят проблематическая, простая, категорическая достоверность и возможность, а макрополе модальности волеизъявления включает в себя категории оптативности, необходимости и императивности [10]. Модусные категории представлены значениями оценки, экспрессивности и эмотивности, которые, на наш взгляд, в наиболее полной мере раскрывают субъективную сторону персонального жанра блога.

Материал исследования представлен 300 текстами (по 150 текстов на каждом языке), опубликованными разными авторами на их персональных сайтах (becomingminimalist.com, gretchenrubin.com, tracysnewyorklife.com, tinybuddha.com, witanddelight.com, gnezdo.by, vasilissa.by и др.), а также в социальных медиа (Facebook и Instagram) за 2020–2023 годы.

Результаты лингвостилистического, трансформационного и контекстуального анализа с опорой на анализ словарных дефиниций позволяют утверждать, что унифицирующей чертой актуализации модальных и модусных значений в аспекте их взаимодействия в медиадискурсе на двух языках является комбинация модальных значений макрополя вероятности с модусными значениями оценки и эмотивности, а именно, *модальность + оценка* и *модальность + эмотивность*: *You **might** respond **well** to eating lower carb due to a history of insulin sensitivity* ‘Вы можете хорошо отреагировать

на употребление более низкого количества углеводов из-за чувствительности к инсулину в анамнезе' [TS]; *В этом – огромный **профит** бытия взрослым: у вас **есть** опыт, зрелый мозг и сформированная система ценностей; **Хорошо**, что в этом **можно** просто жить* [ОП]. Во всех приведенных англо- и русскоязычных примерах модальность простой либо проблематической достоверности сочетается с модусным значением оценки. Аналогичный паттерн можно наблюдать и при наличии в высказывании эмотивных единиц: *She was getting therapy, so I **felt comfort** knowing she was receiving professional support* 'Она проходила лечение, поэтому я была **спокойна**, т. к. знала, что она получает профессиональную помощь' [СВ]; В прошлом лицеистка-отличница по этим предметам, с **интересом** берусь за книги и... **сожалею**, что дети учатся по этим «трудам» [ЕД].

При введении в авторский дискурс модуса экспрессивности (отдельно или в сочетании с модусами оценки и эмотивности) в большинстве случаев (81 % англоязычных блогов и 78 % русскоязычных блогов) происходит своего рода переключение модальности вероятности на модальность волеизъявления. Так, в следующих примерах модальное значение необходимости, выраженное глаголами *require* 'требовать' и *have to* 'приходится' сочетается с модусом экспрессивности, выраженным сравнением (в первом случае) и метафорой (во втором случае), и модусом эмотивности: *Each day **feels like a fragile dance between two worlds that requires a huge amount of personal strength, emotional generosity, and energetic adaptation*** 'Каждый день ощущается как хрупкий танец между двумя мирами, **требующий** огромного количества **личных сил, эмоциональной щедрости и энергетической гибкости.**'[RB]; *I **had to sift through** so much of my own **shame, worries, awareness that some people DO treat you differently once they know you've been an addict*** 'Мне **пришлось просеять** внутри себя столько собственного **стыда, беспокойства**, осознания того, что некоторые люди **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** относятся к тебе по-другому, когда узнают, что у тебя была зависимость' [MP].

В примерах из русскоязычных блогов, приведенных ниже, можно видеть сочетание модальности необходимости с модусами оценки и экспрессивности в виде анафоры и параллелизма, а также модальности оптативности с модусами экспрессивности (олицетворение) и эмотивности: ***Хорошо**, что мне не **надо** стараться в это поверить. **Хорошо**, что мне не **надо**, чтобы в это верили другие* [ОП]; ***Тревога алчет** ответов, и иногда определенность достигается за счет разрушения, а разрешение – за счет завершения* [VD1].

Общей для блогов на двух языках также является и закономерность сочетания модальных значений необходимости, оптативности и оценки. Актуализация такой комбинации значений в дискурсе происходит в сложноподчиненных предложениях. При этом модальное значение необходимости локализовано в главной части, а значение оптативности – в придаточной, а модус оценки может находиться в любой из частей и быть выражен собственно оценочными средствами или носить имплицитный характер. Так, в следующем примере модальное значение необходимости актуализировано в главной части сложноподчиненного предложения (*it's crucial*), а в придаточной части условия выражено значение желания (*want*). Модус оценочности вербализован в обеих частях предложения: в главной части он накладывается на модальное значение (*it's crucial*) и заложен в обстоятельстве образа действия (*wisely*), а в придаточной части имплицирован в описании улучшения качества жизни посредством сравнительных степеней имен прилагательных (*happier, healthier, more productive, and more creative*): *If we **want** to make our lives **happier, healthier, more productive, and more creative, it's crucial** to spend our time, energy, and money **wisely*** 'Если мы **хотим** сделать нашу жизнь **счастливее, здоровее, продуктивнее** и **креативнее, крайне важно** тратить время, энергию и деньги **с умом**' [GR].

Аналогичную структуру можно проследить в русскоязычных примерах: *Мысль всегда **должна** идти немножечко **вперед**. Особенно если **хочется хорошего** урожая [СЯ]; Но **обеспечить** себе **безопасность, комфорт, образ жизни, который я **хочу****, – **должна** себе только я [VD2]*. В первом примере придаточная часть с выраженной в ней модальностью оптативности парцелирована от главной, содержащей значение необходимости. Оценочные значения можно видеть в обеих частях предложения: в главной части оно имплицировано в модальном операторе *должна* и в наречии *вперед*, а в придаточной части выражено собственно оценочным средством. Здесь же оценка накладывается и на экспрессивное значение метафоры *хороший урожай*. Во втором примере распределение модальных значений по частям предложения такое же, как и в первом, однако, оценочный модус тут накладывается на модальность оптативности, а не на модальное значение необходимости.

Отличительной чертой англоязычных блогов является актуализация императивной модальности в контекстах, содержащих параллельные синтаксические конструкции (как средство выражения модуса экспрессивности), а также собственно оценочные средства или имплицитную оценочность. Так, в следующем примере оценка выражена как имплицитно

посредством инфинитивной конструкции *to ease your fears* ‘чтобы успокоить свои страхи’, где сформулирована определенная выгода для читателя, которую он получит, если будет выполнять действия, описанные посредством серии повелительных предложений, образующих синтаксический параллелизм, так и собственно оценочными средствами (*successfully* ‘успешно’, *the positive result* ‘положительный результат’): **To ease your fears, think about a time when you navigated change successfully. Walk yourself through how that situation went and the positive result. Use what you learned in that situation to walk through this new change** ‘**Чтобы успокоить свои страхи, подумайте** о времени, когда вы **успешно** преодолели перемены. **Вспомните**, как все прошло и что **результат положительный**. **Используйте** то, что вы узнали в этой ситуации, чтобы пройти через новые перемены’ [EA].

Для русскоязычных блогов Беларуси характерны более мягкие формы побуждения к действию, выраженные в частности языковыми средствами модальности необходимости: **Чтобы не болеть** или **хотя бы не умереть от ковида, нужно** либо **не высовывать нос** на улицу еще несколько лет, а то и всю жизнь. Или **сделать** прививку. Или, **хотя бы, не жить** в состоянии невроза [ДБ]. В этом примере модус оценки (*чтобы не болеть, хотя бы не умереть*) сочетается с парцелляцией однородных сказуемых с модальным глаголом необходимости (*нужно*), который в данном контексте выполняет функцию побуждения к действию.

В блогах на английском языке используется похожий паттерн, однако вместо модальности необходимости функцию побуждения к действию в нем выполняет значение возможности, выраженное модальным глаголом *might*: **To replenish yourself, you might set aside** time to read a book, visit an art museum, explore a hardware store, attend a live performance, spend time in nature, or talk to someone who inspires you ‘**Чтобы пополнить свои силы, вы могли бы выделить** время для чтения, посещения художественного музея, хозяйственного магазина, живого выступления, отдыха на природе или разговора с кем-то, кто вас вдохновляет’ [GR2].

Еще одной отличительной чертой англоязычных блогов является шкалирование модальности в рамках одного контекста, т. е. перемещение по шкале модальных значений от более «сильных» (императивность) к более «слабым» (проблематическая достоверность). В этом случае шкалирование всегда имеет ценностное значение, что подразумевает наличие в контексте проявлений модуса оценки: *You might respond better to heavier weight training due to your muscle fiber makeup. You cannot put yourself in a box and try to copy and paste success. You have to honor what your body needs and*

*nourish it accordingly. But whatever you choose, you **must** enjoy doing it* ‘Вы **можете** лучше реагировать на более тяжелые тренировки с отягощениями из-за структуры ваших мышечных волокон. Вы **не можете** загнать себя в рамки и попытаться “скопировать и вставить” успех других людей. Вам **придется** уважать потребности вашего тела и питать его соответствующим образом. Но что бы вы ни выбрали, вам **обязательно должно** нравиться это делать’ [TS]. В приведенном примере ценность индивидуализированного подхода к здоровому образу жизни предопределяет градацию модальных значений от проблематической достоверности к необходимости, при этом наблюдается и усиление значения необходимости (*cannot – have to – must* ‘нельзя – вынужден – обязан’).

Шкалирование модальности может осуществляться в обе стороны: от более мягких значений к более сильным (как в примере выше), а также от более сильных к более мягким. Наличие ценностного компонента при этом остается неизменным: *Watch these races. Those who try to go it alone for 60 hours will tell you that it would’ve been much easier to do it with others. Most of the people who have finished this race have done so by working together with at least one other ‘seasoned’ racer. You **don’t have to** make every mistake by yourself. You **can** actually learn from others’ mistakes* ‘Посмотрите эти гонки. Те, кто попытаются пройти дистанцию в течение 60 часов в одиночку, скажут вам, что с другими сделать это было бы гораздо проще. Большинство тех, кому удалось финишировать, сделали это, работая вместе с хотя бы одним «опытным» гонщиком. Вам **не обязательно** совершать каждую ошибку самостоятельно. Вы **можете** учиться на ошибках других’ [LB]. Здесь наблюдается модальное смягчение: переход от императивной модальности к модальности необходимости и далее к модальности возможности (*watch – have to – can*).

Полученные результаты позволяют сделать ряд выводов относительно закономерностей взаимодействия категории модальности с модусами оценки, экспрессивности и эмотивности в блогах, функционирующих в англоязычном медиадискурсе США и русскоязычном медиадискурсе Беларуси.

1. Как в англоязычных блогах США, так и в русскоязычных блогах Беларуси комбинации *модальность + оценка* и *модальность + эмотивность* характеризуются актуализацией в них преимущественно модальных значений макрополя возможности. Актуализация модуса экспрессивности в авторском дискурсе в большинстве случаев влечет за собой переключение модальности со значений макрополя возможности на значения макрополя волеизъявления.

2. Если англоязычным блогам свойственно сочетание императивной модальности с модусом оценки, выраженным явно или имплицитно, а также модусом экспрессивности в виде синтаксического параллелизма, то в русскоязычных блогах в этом случае используются языковые средства выражения модальности необходимости, предполагающие побуждение к действию.

3. В отличие от русскоязычных, в блогах на английском языке используются модели шкалирования модальности (усиления или смягчения модальности в рамках одного контекста), обусловленные наличием связи с модусом оценки.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Колшанский, Г. В.* Соотношение субъективных и объективных факторов в языке / Г. В. Колшанский. – М. : КомКнига, 2005. – 232 с.
2. *Краснова, Т. И.* Субъективность – модальность (материалы активной грамматики) / Т. И. Краснова. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та экономики и финансов, 2002. – 189 с.
3. *Гак, В. Г.* Теоретическая грамматика французского языка / В. Г. Гак. – М. : Добросвет, 2000. – 832 с.
4. *Шмелева, Т. В.* Смысловая организация предложения и проблема модальности / Т. В. Шмелева // Актуальные проблемы русского синтаксиса: сб. ст. / Моск. гос. ун-т ; под ред. К. В. Горшковой, Е. В. Клобукова. – М., 1984. – Вып. 1. – С. 78–100.
5. *Кобрина, О. А.* Модусные категории как способы выражения субъективного отношения человека к высказыванию / О. А. Кобрина // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – No 2 (7). – С. 90–100.
6. *Всеволодова, М. В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка / М. В. Всеволодова. – М. : URSS, 2017. – 656 с.
7. *Балли, Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли ; пер. с 3-го фр. изд. Е. В. и Т. В. Вентцель. – М. : Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.
8. *Болдырев, Н. Н.* Языковые категории как формат знания / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – No 2. – С. 5–22.
9. *Зайнуллин, М. В.* Модальность как функционально-семантическая категория / М. В. Зайнуллин. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1986. – 123 с.

10. Паўлоўская, Н. Ю. Катэгорыя мадальнасці ў сучаснай беларускай мове / Н. Ю. Паўлоўская. – Мінск : МДЛУ, 2001. – 205 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

TS – *Stevens, T.* How my wellness passion was actually destroying my health [Electronic resource] / T. Stevens // Tiny Buddha. – Mode of access: <https://tinybuddha.com/blog/how-my-wellness-passion-was-actually-destroying-my-health/>. – Date of access: 12.04.2022.

ОП – *Примаченко, О.* Хорошо, что мне не надо [Электронный ресурс] / О. Примаченко. – Режим доступа: <https://гнездо.by/blog/no-need/>. – Дата доступа: 10.05.2022.

CB – *Bruess, C.* Why curiosity in conversations is key to a healthy relationship [Electronic resource] / C. Bruess // Wit and Delight. – Режим доступа: <https://witanddelight.com/2022/07/curiosity-in-conversations-healthy-relationship/>. – Дата доступа: 10.05.2022.

ЕД – *Денисенко, Е.* Смешались в кучу кони, люди ... танки! [Электронный ресурс] / Е. Денисенко. – Режим доступа: <https://minsknews.by/smeshalis-v-kuchu-koni-lyudi-tanki/>. – Дата доступа: 10.05.2022.

RB – *Browne, R.* The tremendous pain and beauty of letting things die [Electronic resource] / R. Browne // Tiny Buddha. – Mode of access: <https://tinybuddha.com/blog/the-tremendous-pain-and-beauty-of-letting-things-die/>. – Date of access: 12.04.2022.

MP – *Pennel, M.* On matthew perry, addiction, and the stories that outlive us [Electronic resource] / M. Pennel // Follow you fire coaching. – Mode of access: <https://www.followyourfirecoaching.com/news/2023/11/1/gje6ixf-083akadf4a5t7ds728bec5v>. – Date of access: 29.11.2023.

VD1 – Vetkadrakon. Что делать с возникшей тревогой... [Электронный ресурс] / Vetkadrakon. – Режим доступа: <https://www.instagram.com/p/Cvn-RHbeOsU2/?igsh=MzRIODBiNWF1ZA>. – Дата доступа: 10.05.2023.

GR1 – *Rubin, G.* Want to spend your time, energy, and money more wisely? [Electronic resource] / G. Rubin // Gretchen Rubin. – Mode of access: <https://gretchenrubin.com/articles/mindful-investment/>. – Date of access: 29.11.2023.

СЯ – *Янгибаев, С.* Сентябрь заканчивается дождем [Электронный ресурс] / С. Янгибаев. – Режим доступа: https://www.instagram.com/p/Cx-3KxVvtP9Z/?igsh=MzRIODBiNWF1ZA%3D%3D&img_index=1. – Дата доступа: 10.05.2023.

VD2 – Vetkadragon. Феминизм это дорого [Электронный ресурс] / Vetkadragon. – Режим доступа: <https://www.instagram.com/p/Cu1nVlhID-kK/?igsh=MzRlODBiNWFlZA%3D%3D>. – Дата доступа: 10.05.2023.

EA – *Amborski, E.* How I stopped resisting change and embraced the road ahead of me [Electronic resource] / E. Amborski // Tiny Buddha. – Mode of access: <https://tinybuddha.com/blog/how-i-stopped-resisting-change-and-embraced-the-road-ahead-of-me/>. – Date of access: 12.04.2022.

ДБ – *Блищ, Д.* Почему ты не носишь маску [Электронный ресурс] / Д. Блищ // Денис Блищ. Частное мнение. – Режим доступа: <https://blisch.by/mask>. – Дата доступа: 10.05.2022.

GR1 – *Rubin, G.* 25 tips to boost your productivity [Electronic resource] / G. Rubin // Gretchen Rubin. – Mode of access: <https://gretchenrubin.com/articles/25-tips-to-boost-your-productivity/>. – Date of access: 25.10.2023.

LB – *Bevacqui, L.* The ‘no-win’ scenario – so why this race? [Electronic resource] / L. Bevacqui // Lou Bevacqui. – Mode of access: <https://loubevacqui.com/2023/08/22/the-no-win-scenario-so-why-this-race/>. – Date of access: 25.10.2023.

Поступила в редакцию 18.05.2024

Доўгаль Алеся Валер'еўна

кандыдат філалагічных навук,
дацэнт кафедры тэарэтычнай
і прыкладной лінгвістыкі
Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя А. А. Куляшова
г. Магілёў, Беларусь

Alesia Douhal

PhD in Philology, Associate Professor
of the Department of Theoretical
and Applied Linguistics
Mogilev State University
named after A. Kuleshov
Mogilev, Belarus
dovgal_av@msu.by

НЕЭКАЛАГІЧНЫЯ ТЭНДЭНЦЫІ Ў ІНТЭРНЭТ-КАМУНІКАЦЫІ

NON-ECOLOGICAL TRENDS IN INTERNET COMMUNICATION

У артыкуле разглядаецца новы кірунак лінгвістычных даследаванняў – лінгва-экалогія, якая займаецца праблемамі моўнай і маўленчай дэградацыі і рэабілітацыі. Аналізуюцца такія неэкалагічныя тэндэнцыі інтэрнэт-камунікацыі, як вербальная агрэсія, дэтабуізацыя інвектыўнай лексікі, жарганізацыя маўлення, злоўжыванне запазычаннямі, нематываванае словатворчасць, наўмыснае скажэнне арфаграфіі і граматыкі, дэвербалізацыя маўлення. Вызначаныя тэндэнцыі сведчаць пра зніжэнне ўзроўню маўленчай культуры і дэградацыю маўленчых паводзін карыстальнікаў глабальнай сеткі.

К л ю ч а в ы я с л о в ы: экалінгвістыка; лінгваэкалогія; неэкалагічная камунікацыя; інтэрнэт-камунікацыя; вербальная агрэсія; інвектыўная лексіка; жарганізацыя маўлення; эратывы; запазычаная лексіка; неалагізмы.

The article discusses a new area of linguistic research – linguistic ecology, dealing with the problems of language and speech degradation and rehabilitation. The main part of the article analyzes such non-ecological trends in Internet communication as verbal aggression, detabooization of invective vocabulary, jargonization of speech, overuse of borrowings, unmotivated word creation, deliberate distortion of spelling and grammar, deverbalization of speech. Certain trends indicate a decrease in the level of speech culture and degradation of speech behavior displayed by global network users.

К e y w o r d s: ecological linguistics; linguistic ecology; non-ecological communication; Internet communication; verbal aggression; invective vocabulary; jargonization of speech; errative; borrowed vocabulary; neologisms.

У лінгвістыцы канца XX – пачатку XXI ст. актыўна развіваецца новы кірунак даследаванняў – лінгваэкалогія. Вядома, экалогія займаецца пытаннямі ўзаемадзеяння жывых арганізмаў і захавання навакольнага асяроддзя, на якое значны ўплыў аказваюць антрапагенныя фактары.

У канцы ХХ ст. ідэі біялагічнай экалогіі сталі актыўна пранікаць у іншыя сферы навукі, не толькі прыродазнаўчыя, але і гуманітарныя (педагагіка, сацыялогія, медыцына, лінгвістыка), што прывяло да ўсеагульнай экалагізацыі навуковага пазнання. Мова стала разглядацца як асяродак існавання соцыуму, таму яна, як і прырода, адчувае моцны ўплыў чалавека і ўздзеянне пэўных трансфармацый, у тым ліку і небяспечных. Упершыню экалагічныя погляды ў дачыненні да мовы былі сфармуляваны ў кнізе амерыканскага сацыялінгвіста Эйнара Хаўгена “Экалогія мовы” (Ecology of Language, 1972). Паводле вучонага, мовы, падобна біялагічным відам, узаемадзейнічаюць, канкуруюць, пагражаюць і залежаць адна ад адной і ад грамадства, у якім функцыянуюць. Таму экалінгвістыка як навука займаецца пытаннямі ўзаемадзеяння паміж мовамі і мовай і грамадствам. Надалей паняцце экалінгвістыкі стала актыўна ўдакладняцца і развівацца. Сёння ў экалінгвістыцы вылучаюцца два асноўныя кірункі даследаванняў [1, с. 154]:

1) макраэкалінгвістыка, якая займаецца праблемамі выжывання, знікнення / смерці моў, пытаннямі моўнай палітыкі, моўных канфліктаў, моўных правоў чалавека;

2) мікраэкалінгвістыка, якая вывучае маўленчыя паводзіны чалавека з пазіцыі камунікатыўнай этыкі.

За першым кірункам замацоўваецца назва *экалінгвістыка*, за другім – *лінгваэкалогія*, але часам тэрміны ўжываюцца паралельна. А. П. Скавароднікаў вызначае лінгваэкалогію як навуку, “прадметам вывучэння якой з’яўляецца стан мовы як складанай семіятычнай сістэмы, абумоўлены якасцю асяроддзя яе існавання і функцыянавання (у тым ліку сацыяльнымі і іншымі экстралінгвістычнымі фактарамі, якія ўплываюць негатыўна або пазітыўна на моўную свядомасць соцыуму і, як следства, на мову і яе маўленчую рэалізацыю), і, адпаведна, спосабы і сродкі абароны мовы і маўлення ад негатыўнага ўздзеяння, з аднаго боку, і шляхі і сродкі іх узбагачэння і развіцця, з другога” [2, с. 207]. З такога азначэння вынікаюць два лінгваэкалагічныя аспекты даследавання мовы: 1) моўная і маўленчая дэградацыя і 2) моўная і маўленчая рэабілітацыя. Як слушна адзначае В. І. Шахоўскі, “лінгваэкалогія вывучае дваістую функцыю мовы: правільнае яе выкарыстанне захоўвае мову і здароўе чалавека, няправільнае карыстанне мовай разбурае мову і здароўе чалавека” [3, с. 12]. У. І. Карасік вызначае прадмет лінгваэкалогіі як захаванне жыццяздольнасці мовы, а саму навуку лічыць “вяртаннем да разумення мовы як живога арганізма, які можа хварэць, якому могуць пагражаць розныя сілы, які мае патрэбу

ў дапамозе” [4, с. 120]. Лінгваэкалогія не імкнецца рэалізоўваць пурыстычныя мэты, яна выяўляе шкодныя для развіцця і функцыянавання мовы элементы, якія з’яўляюцца паказчыкамі нізкага ўзроўню маўленчых паводзін яе носьбітаў.

Аналіз сучаснага маўлення дазваляе вылучыць параметры яго экалагічнасці/неэкалагічнасці [5, с. 25–26]. Да параметраў экалагічных зносінаў (карысных, здаровых) адносяцца наступныя: добразычлівасць, пазбяганне негатыўных ацэнак, ветлівасць, салідарызацыя, этычнасць, рэалізацыя адраснасці праз называнне імя партнёра, адбор стылістычных сродкаў у адпаведнасці з сітуацыяй, уменне слухаць, уменне не перабіваць, узаемная талерантнасць, стрымліванне негатыўных эмоцый, эмацыйная падтрымка, мэтазгоднасць маўлення і інш. Неэкалагічнымі (шкоднымі, хворымі) праявамі камунікацыі лічацца грубасць, выказванне знявагі, грэблівага стаўлення, папроку, насмешкі, негатыўнай ветлівасці, залішня катэгарычнасць, канцэнтрацыя на асабістым “я”, перабіванні, нематываваныя “ты-зносіны”, злоўжыванне запазычанымі словамі, недарэчная гульня слоў, наўмысная рытарычнасць, вербальны гвалт, парушэнне стылістычных нормаў і інш. З пазіцыі лінгваэкалогіі кожнае вербальнае паведамленне павінна валодаць тэрапеўтычным уздзеяннем, а не быць сродкам траўміравання адрасата. Таму важным падаецца фарміраванне лінгваэкалагічных кампетэнцый носьбіта мовы, эмацыйнага інтэлекту і здольнасці моўцы адэкватна ацэньваць свае маўленчыя паводзіны і іх патэнцыйны эффект.

Камунікацыя з’яўляецца адным з важных фактараў фарміравання сучаснага чалавека, лічыцца натуральнай яго патрэбай як сацыяльнай істоты. Сёння жыццё кожнага індывіда непарыўна звязана з камп’ютарнымі тэхналогіямі, таму віртуальная камунікацыя стала часткай сучаснай сацыяльнай рэальнасці – новым асяродкам існавання як чалавека, так і мовы. Відавочна, інтэрнэт можна параўнаць з лабараторыяй, у якой мова падвяргаецца выпрабаванню як сістэма і як сродак зносінаў. Віртуальны свет уяўляецца нам як нейкі іншасвет, але такі ж рэальны, як і жыццё па-за мабільным тэлефонам ці камп’ютарам. Інтэрнэт-карыстальнік мадэлюе новае “я” і свае паводзіны ў віртуальнай прасторы, якія могуць не супадаць з рэчаіснасцю. Вербальны кампанент з’яўляецца дамінантным у такіх зносінах, асабліва ў сацыяльных сетках, дзе пісьмовая форма кантактавання асноўная для камунікантаў, а паралінгвістычныя сродкі ўзаемадзеяння – фанатэрычныя (інтанацыя, тэмп, тэмбр і інш.) і кінетычныя (жэсты, міміка) – адсутнічаюць. Гэта прывяло да фарміравання спецыфічнай інтэрнэт-мовы, адметнага этыкету сеткавай камунікацыі, для якога становіцца нормай тое, што не прынята ў рэальных зносінах (маўленчыя памылкі, лексічныя неала-

гізмы, скарачэнні слоў, абрэвіятуры, змешванне кірылічных і лацінскіх графем, ужыванне піктаграм замест вербальных адзінак і інш.). Рэлевантнымі прыметамі інтэрнэт-камунікацыі з’яўляюцца большая свабода ў выбары моўных адзінак, дэтабуізацыя інвектыўнай лексікі, ігнараванне моўных нормаў, неабмежаваная словатворчасць, стылістычная кантамінацыя, дэвербалізацыя зносінаў, “гіпертрафія эмацыйнага кампанента і рэдукцыя рацыянальнага кампанента” [6, с. 108]. Такая ілюзія свабоды і імкненне да неардынарнасці прыводзяць да дэфармацыі маўлення і мовы і як вынік – да парушэння лінгваэкалагічнага балансу камунікацыі.

У прапанаваным артыкуле разгледзім неэкалагічныя тэндэнцыі, якія назіраюцца ў інтэрнэт-камунікацыі. Фактычным матэрыялам сталі асабістыя і прафесійныя профілі, а таксама каментарыі карыстальнікаў сацыяльных сетак Instagram, Facebook на рускай і беларускай мовах. Ілюстрацыі прыводзяцца з захаваннем аўтарскай арфаграфіі і пунктуацыі.

Адным з дэструктыўных трэндаў інтэрнэт-камунікацыі з’яўляецца вербальная агрэсія – “маўленчая грубасць у дачыненні да суразмоўніка, якая праяўляецца ў адборы рэзкіх, зняважлівых слоў, у тым ліку нецэнзурнай лаянкі, насмешлівых інтанацый, у павышэнні гучнасці голасу, у рэзка адмоўных ацэнках суразмоўніка, непрыемных для яго намёках, грубай іроніі і інш.” [7, с. 7]. У інтэрперсальным інтэрнэт-дыскурсе яна з’яўляецца выключна вербальнай і рэалізуецца праз шэраг тактык, напрыклад: абразы, абурэння, заўвагі, патрабавання, папроку, ігнаравання адрасата, сарказму і інш. (гл.: [8]). Вербальным сродкам выражэння агрэсіі ў інтэрнэт-камунікацыі служыць інвектыўная лексіка, якая характарызуецца высокай ступенню эмацыйнасці, экспрэсіўнасці і негатыўнай ацэначнасці. Кампанентны склад гэтай лексічнай групы досыць разнастайны: ад грубых, вульгарных, лаянкавых слоў да непрыстойных і абсцэнных. Напрыклад: **алень ты сапраўдны; И ещё ты полнейшее хамло с униженным чувством собственного достоинства; нахалка** *какая; чушь – это ваш комментарий. Не зная, не нужно открывать рот и ляпать* *им что попало* і пад. Негатыўны эмацыйны модус адрасата (стан раздражнення, злосці, гневу, нянавісці і пад.) выступае трыгерам неэкалагічнай камунікацыі. Як адзначаюць даследчыкі, “эмоцыі кіруюць выбарам моўных і стылістычных сродкаў у розных камунікатыўных сітуацыях і тым самым задаюць танальнасць зносінаў” [3, с. 15]. Вербальная агрэсія ў сацыяльных сетках менш кантралюемая, чым у рэальным жыцці, што абумоўлена шэрагам фактараў: ананімнасць камунікантаў, апасродкаваны кантакт, ілюзія беспакаральнасці, нівеліраванне маральных і псіхаэмацыйных бар’ераў. Таму інтэрнэт-камунікацыі часам бракуе эмацыйнай талерантнасці – такой кампетэнцыі

асобы, якая прадугледжвае эмацыйную адаптацыю камунікантаў, “здольнасць пазбягаць вербальнай агрэсіі з мэтай забеспячэння бесканфліктнага камунікатыўнага ўзаемадзеяння і гарманізацыі зносінаў” [9, с. 45]. Празмерная эксплікацыя негатыўных эмоцый у сацыяльных сетках і ў рэальным жыцці ў цэлым сведчыць пра “крыміналізацыю свядомасці значнай часткі грамадства, <...> прыярытэт грубай сілы, <...> дэгенерацыі чалавечай супольнасці, у тым ліку ў лінгваэкалагічным плане” [4, с. 123].

Вербальная агрэсія з’яўляецца аб’ектам вывучэння *эматыўнай лінгваэкалогіі* – галіны лінгваэкалогіі, якая стала “адказам на яўнае ўзмацненне эмацыйнасці і агрэсіўнасці зносінаў ва ўсіх сферах жыцця – ад побытавай да афіцыйнай і прафесіянальнай” [1, с. 155]. Эматыўная лінгваэкалогія займаецца вывучэннем уплыву эмацыйнага слова на здароўе людзей і мае на мэце выпрацоўку нормаў маўленчых паводзін, “захаванне якіх дазволіць дамагчыся экалагічнага, г.зн. «здаровага», са спрыяльным уздзеяннем на чалавека моўнага асяроддзя” [10, с. 5]. Па назіраннях лінгвістаў, вербалізацыя эмоцый аказвае значны ўплыў на псіхічны і фізічны стан носьбітаў мовы, паколькі эмоцыі пранізваюць усе сферы жыцця чалавека, а мова служыць інструментам паўсюднай іх трансляцыі, таму любая камунікацыя з’яўляецца эмацыйнай і эмацыягеннай. Варта карыстацца гэтым інструментам абачліва, каб забяспечыць камфортны эмацыйны клімат і эфектыўнае, канструктыўнае, бяспечнае маўленчае ўзаемадзеянне паміж людзьмі. Агрэсіўнасць сучаснага маўлення выступае паказчыкам не толькі неэкалагічных зносінаў, нізкай маўленчай культуры паводзінаў, зніжэння эмацыйнага інтэлекту носьбітаў мовы, але і дэградацыі самой мовы.

Наступнай тэндэнцыяй інтэрнэт-зносінаў, як і ў цэлым рэальнай пісьмовай і вуснай камунікацыі, з’яўляецца яе інтэнсіўная жарганізацыя і вульгарызацыя – актыўнае ўжыванне нелітаратурных размоўных і прастамоўных слоў і выразаў (*за што ты мяне выпер?; гэта ўсё высокамаральныя чувакі; красава, адназначна; дзякуй за відосы!!!; ну не заўсёды ж тупы кантэнт хаваць; што она несёт??!!!; жиза... люблю эту семейку; просто опубликовала залипательное видео; сколько можно охинею нести!; не картина, а фигня какая-то; зачётно!; угараю; смотрю, ржу!!!; да тут ещё дофига работы!; крутые и клёвые!; отпад; полная чушь!; уважуха* і інш). Такія субстандартныя адзінкі ўспрымаюцца ў сацыяльных сетках як пэўная норма маўленчых паводзінаў і выкарыстоўваюцца нароўні з агульнаўжывальнымі лексемамі, без адчування іх ненарматыўнасці. Як адзначаюць лінгвісты, такая дэтабуізацыя жаргонных, прастамоўных, размоўных і іншых стылістычна зніжаных элементаў з’яўляецца ўстойлівай тэндэнцыяй

у сучасным грамадстве, асабліва актыўна гэтыя працэсы праходзяць ў моладзевым асяроддзі і СМІ: “адбываецца жанрава-стылявая інвалюцыя зносінаў – вяртанне да зніжана-побытавай сферы камунікацыі” [4, с. 123]. Такія адзінкі страчваюць сваю эмацыйнасць і экспрэсіўнасць, перастаюць успрымацца носьбітамі мовы як ненарматыўныя і становяцца часткай актыўнага лексікону людзей рознага ўзросту, прафесійнай прыналежнасці і сацыяльнага статусу.

Праявамі неэкалагічнасці ў інтэрнэт-камунікацыі варта лічыць злоўжыванне запазычаннямі (у асноўным англіцызмамі). Працэс запазычання – натуральны для любой мовы, паколькі садзейнічае яе ўдасканаленню, узбагачэнню, а таксама забеспячэнню ў поўным аб’ёме намінацыйных патрэб яе карыстальнікаў. Калі ж ужыванне іншамойнага элемента не дэтэрмініруецца патрэбамі мовы і грамадства, то мэтазгодна кваліфікаваць яго як шкодную, неэкалагічную адзінку, якая забруджвае іншую моўную сістэму. У сацыяльных сетках запазычанні функцыянуюць у наступных варыянтах:

1) у арыгінальнай графічнай форме, напрыклад: *а при чем тут thrasher?*; *я прям чувствую, что после курсов у меня появились не только hard скиллы, но и soft*; *3 трендовых образа для девушек plus-size*; *эффектная двойка в оттенке Queen blue*;

2) у транслітараванай графічнай форме, напрыклад: *эта не роўдмуві, але пра ровар, дарогу і беларускія сюжэты жыцця*; *Бывае, што я ціха выпільваю з фрэндоў людзей за лайкі*; *а я рэагую на лайце*; *у мяне з’явіўся новы хэйтэр*; *куточак радзімы дэтэктэд*; *выбирайте комфортный джемпер для весенних аутфитов*; *можно узнать прайс?*; *пока мы готовим для вас новый летний дроп, предлагаем взглянуть на бэкстейдж текущей коллекции; это я, комон*); *Что за покерфэйс такой, где эмоции радости?!*;

3) у выглядзе неалагізмаў, утвораных ад запазычаных каранёў і ўласных афіксаў, напрыклад: *і мяне абвінавацяць ва ўсіх смяротных грахах і закансэляць*; *не лічачы лонгрыднасць тэксту, ён правы*); *так смешно наблюдать за чайлфришниками, которые пытаются своё нежелание иметь детей возвести в некий культ!*; *сорян не по теме, а что за песня?*); *многих это тригирит; хейтить за вкус людей* – (((((

Такая варварызацыя мовы можа выклікаць пачуццё дыскамфорту, звязанае з неразуменнем сэнсу паведамлення, што, адпаведна, абуджае негатыўныя эмоцыі і правакуе адмоўнае стаўленне да англійскай мовы.

Яшчэ адным прыкладам неэкалагічнасці анлайн-маўлення з’яўляюцца неалагізмы, якія ствараюцца карыстальнікамі для выражэння ацэнкі, характарызуюцца высокім эматыўным і экспрэсіўным патэнцыялам, на-

прыклад: звычайны **“абіжэнец”** і тэкст яго такі ж; адзін з самых вядомых **фуфламіцынаў**))) ; **Жэншчыны і мушчынышчыны**; **Душнила** грамотная; **Шопопало!!!**; **деградос** полнейшы; **Общество как-то страдануло**, што хто-то **решил не размножаться??**; **Хочу дачу, но без родителей, без папиных горадел с лабиринтами**; **слыш ты, яжемать!**; **ржунимагу!**; **шикардос!!!**; **настаоящий бабушатник** і пад. Адзначым, што многія наватворы застаюцца “аднаразовымі”, кантэкстуальна прывязанымі адзінкамі, аднак некаторыя ўжываюцца больш рэгулярна і нават пастаянна. Лінгвістычная ацэнка такой тэндэнцыі неадназначная. У працэсе такога словаўтварэння, з аднаго боку, назіраецца яўнае парушэнне моўных нормаў, што можна лічыць праявай неэкалагічнасці. Іх з’яўленне не абумоўлена патрэбамі намінацыі, паколькі яны ствараюцца для задавальнення сітуацыйных патрэб аўтара ў самавыражэнні, адлюстроўваюць імкненні быць неардынарным, дэманструюць індывідуальна-суб’ектыўнае ўспрыняцце рэчаіснасці. З другога боку, такія наватворы сведчаць пра фарміраванне новай сістэмы вербальных сродкаў выражэння аксіялагічных значэнняў у інтэрнэт-асяроддзі. Многія з іх даволі трапныя, вобразныя і эстэтычныя лексемы.

Неэкалагічнымі элементамі інтэрнэт-камунікацыі з’яўляюцца эратывы – словы і выразы з наўмысна парушанай граматыкай і арфаграфіяй (*мама ў шоцэ!*, *штош*; *за такие дела – рэспект!*; *это моя большая эстетическая любоф*); *всиравно*; *муЩина*; *иксперд* і пад.). Такія вербальныя элементы ўспрымаюцца не як грубае парушэнне нормы, а як эмацыйна матываваная моўная гульня. Падобныя лексемы ўжываюцца карыстальнікамі глабальнай сеткі свядома для рэалізацыі розных інтэнцый, перадусім жарту і экспрэсіўнай ацэнкі, што выклікае пазітыўныя эмоцыі ў чытачоў. Нягледзячы на станоўчы эмацыйны эффект, эратывы варта кваліфікаваць як неэкалагічныя элементы камунікацыі, паколькі яны разбураюць адэкватнае ўяўленне носьбітаў мовы аб норме.

Да ліку неэкалагічных адзінак, якія прысутнічаюць у інтэрнэт-камунікацыі і адлюстроўваюць імкненне карыстальнікаў да эканоміі моўных сродкаў, варта адносіць акронімы (*лс, хз, лол, имхо* і пад.) і скарачэнні слоў (*спс, норм, комент, інфа, ща* і пад.). Такія адзінкі – гэта не толькі ілюстрацыі моўнай творчасці, але і прыклады таго, як мяняецца моўная норма на прасторах інтэрнэту. Многія з гэтых скарачэнняў становяцца агульнаўжывальнымі, г.зн. прымаюцца як норма ў віртуальных зносінах, некаторыя ўсё актыўней пранікаюць у непасрэдную жывую камунікацыю людзей і выцясяняюць паўнаслоўныя адпаведнікі, што, безумоўна, сведчыць пра зніжэнне культуры маўлення.

Сённяя немагчыма ўявіць сабе інтэрнэт-камунікацыю без такіх графічных элементаў, як смайлы, эмадзі, якія дазваляюць карыстальнікам сусветнай сеткі хутка выбраць шаблон з прапанаванай калекцыі для абазначэння сваёй эмацыйнай рэакцыі і не думаць пра падбор адпаведных слоў і выказаў. “Смайлавая” камунікацыя – неадназначная з’ява віртуальнага свету. З аднаго боку, запас такіх графем даволі разнастайны і пастаянна папаўняецца, таму яны становяцца ўсё больш зручным, а таксама даволі інфарматыўным і яркім сродкам зносінаў, асабліва ў сацыяльных сетках. Смайлы не толькі спалучаюцца з тэкставай інфармацыяй, але часта поўнасьцю замяняюць яе, становяцца самадастатковымі сродкамі перадачы інфармацыі, такімі ж значымымі, як і словы. З другога боку, з пазіцыі лінгваэкалогіі можна канстатаваць дэвербалізацыю інтэрнэт-камунікацыі – выцясненне з тэксту моўных адзінак, што сведчыць пра пэўную дэградацыю і прымітывізацыю маўлення, спрашчэнне камунікацыі, скарачэнне лексічнага запасу носьбатаў мовы, атрафіраванне мысленчай дзейнасці.

Такім чынам, разгледжаныя неэкалагічныя тэндэнцыі ў сучаснай інтэрнэт-камунікацыі сведчаць пра існаванне новага тыпу камунікатыўнай асобы, якая стала прадуктам актыўнай віртуальнай жыццядзейнасці чалавека. Яна не тоесная рэальнаму “я”, а часам і супрацьлеглая яму. У маўленні гэтай асобы адбываецца пераразмеркаванне “дапушчальнага” і “недапушчальнага”: кадыфікаваныя нормы літаратурнай мовы саступаюць месца ўзуальным, якія адлюстроўваюць вербальныя звычкі карыстальнікаў глабальнай сеткі. Дэфармацыя вербальных сродкаў камунікацыі, павышаны градус эмацыйнасці і нястрыманая агрэсія ў сацыяльных сетках з’яўляюцца прыметамі нездаровай мовы і небяспечнай моўнай сітуацыі. Тое, што не адпавядае норме, становіцца ў віртуальнай камунікацыі звыклым і актыўна распаўсюджваецца, прымаецца як стандарт маўленчых паводзінаў. З аднаго боку, нелітаратурныя адзінкі, неалагізмы, запазычаныя, эратывы, скарачэнні і абрэвіятуры, смайлы – гэта неад’емныя атрыбуты інтэрнэт-дыскурсу, характэрныя рысы вербальнага партрэта віртуальнай камунікатыўнай асобы. З другога боку, такія тэндэнцыі, як жарганізацыя, вульгарызацыя, дэтабуізацыя інвектыўнай лексікі, дэвербалізацыя камунікацыі, сведчаць пра зніжэнне ўзроўню маўленчай культуры і дэградацыю маўленчых паводзін, а таксама інвалюцыю моўнай сістэмы. Таму фарміраванне новага напрамку лінгвістычных даследаванняў – лінгваэкалогіі – падаецца лагічнай рэакцыяй гуманітарных навук на трывожную моўную сітуацыю ў грамадстве як у сферы рэальнай, так і віртуальнай камунікацыі.

ЛІТАРАТУРА

1. *Трошина, Н. Н.* Эмотивная лингвоэкология и проблемы русскоязычной речевой коммуникации / Н. Н. Трошина // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6, Языкознание. – 2020. – № 4. – С. 152–164.
2. *Сковородников, А. П.* О предмете эколлингвистики применительно к состоянию современного русского языка / А. П. Сковородников // Экология языка и коммуникативная практика. – 2013. – № 1. – С. 205–233.
3. *Шаховский, В. И.* Эмоциональная коммуникация как модератор модуса экологичности / В. И. Шаховский // Вести РУДН. Сер.: Лингвистика. – 2015. – № 1. – С. 11–19.
4. *Карасик, В. И.* Ценностные параметры лингвоэкологического общения / В. И. Карасик // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2013. – № 15. – С. 120–128.
5. *Шаховский, В. И.* Экологизация современной науки и параметры экологичного общения / В. И. Шаховский, С. Г. Солодовникова // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве : коллективная монография / науч. ред. проф. В. И. Шаховский. – Волгоград : Перемена, 2013. – С. 23–34.
6. *Карасик, В. И.* Языковая кристаллизация смысла / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2010. – 421 с.
7. *Романова, Н. Н.* Агрессия (агрессивность) речевая / Н. Н. Романова // Словарь. Культура речевого общения : этика, прагматика, психология / Н. Н. Романова, А. В. Филиппов. – М. : Флинта : Наука, 2016. – С. 7.
8. *Доўгаль, А. В.* Тыпы і тактыкі вербальнай агрэсіі ў інтэрперсанальнай камунікацыі ў сацыяльных сетках / А. В. Доўгаль // Весці БДПУ. Сер. 1, Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. – 2023. – № 3 (117). – С. 88–91.
9. *Доўгаль, А. В.* Эмацыйная талерантнасць як фактар эфектыўнай камунікацыі / А. В. Доўгаль // На перекрестке культур: единство языка, литературы и образования – III : сб. науч. ст. по материалам III Международ. науч.-практ. интернет-конф., г. Могилев, 12–16 дек. 2022 г. / под ред. А. К. Шевцовой. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2023. – С. 43–46.
10. *Панченко, Н. Н.* Введение / Н. Н. Панченко, А. А. Штеба // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве : коллективная монография / науч. ред. проф. В. И. Шаховский. – Волгоград : Перемена, 2013. – С. 5–8.

Поступила в редакцию 29.04.2024

Зиневич Надежда Васильевна

кандидат филологических наук,
доцент, доцент кафедры
теории и практики
английского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Nadzeya Zinevich

PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Theory and Practice
of the English Language
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
nadzusha@gmail.com

ВОЗДЕЙСТВУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ КАТЕГОРИИ СУБЪЕКТНОСТИ
В АВТОРСКОМ И РОБОТИЗИРОВАННОМ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

PERSUASIVE POTENTIAL OF THE CATEGORY OF SUBJECTIVITY
IN HUMAN AND AI-GENERATED PUBLICISTIC DISCOURSE

Цель статьи – выявление вклада категории субъектности в достижение речевого воздействия в публицистическом дискурсе. Анализ проводится в сопоставительном аспекте на примере публичных выступлений, созданных, с одной стороны, известными ораторами, а с другой, их GPT-сгенерированными аналогами. Результаты исследования демонстрируют достаточно высокую степень сходства в вербализации категории субъектности, что проявляется особенно ярко в отношении имплицитных средств ее языкового выражения. Полученные данные доказывают, во-первых, значительный прагматический потенциал категории субъектности в публицистическом дискурсе независимо от источника его происхождения и, во-вторых, достаточно высокий уровень развития технологий искусственного интеллекта, способного уже сейчас успешно решать реальные творческие задачи.

Ключевые слова: дискурс; публицистический дискурс; категория субъектности; речевое воздействие; роботизированный текст.

The aim of the article is to assess the contribution of subjectivity to the persuasive potential of publicistic discourse. The analysis focuses on the genre of public speeches and seeks to compare the speeches produced by real orators with their GPT-emulated counterparts. The study has shown that both the sources demonstrate a great deal of similarity in how they verbalize subjectivity, which is particularly noticeable in implicit verbal markers of the category. The findings prove a high rhetorical efficiency of subjectivity regardless of its origin as well as a high level of the current AI's development which is already fully capable of solving real creative tasks.

Key words: discourse; publicistic discourse; the category of subjectivity; linguistic persuasion; AI-generated text.

Дискурсивно ориентированные исследования по праву считаются одним из наиболее перспективных направлений анализа в современной лингвистике, поскольку не только дают возможность изучения языковых механизмов в действии, но и позволяют получить достаточно точное представление о структуре коммуникативной ситуации и ее компонентах как основном движущем факторе речевой деятельности. Иными словами, дискурс-анализ помогает не только выявить особенности функционирования языковых единиц, но и объяснить их природу с учетом конкретных параметров реальной коммуникации: ее участников, связывающих их отношений, преследуемых целей и ситуации (контекста) в целом. При всей значимости и неотъемлемости каждого из данных факторов очевидно, что центром и главным стимулом любых дискурсивных практик являются коммуниканты. Это также значит, что участники общения и их коммуникативно релевантные характеристики будут неизменно находиться в фокусе дискурс-анализа.

Одним из эффективных инструментов изучения специфики речевого поведения субъектов в различных коммуникативных ситуациях является категориальный инструментарий. В частности, в данном отношении можно говорить о целесообразности привлечения таких модусных (личностно-ориентированных) категорий, как модальность, эвиденциальность, оценочность, диалогичность, авторизованность и т. п. Однако каждая из этих категорий не столько концентрируется на участниках коммуникации как таковых, сколько указывает на какие-либо дополнительные аспекты их речевой деятельности (отношение друг к другу, к высказыванию или к обсуждаемым объектам, механизмы межличностного взаимодействия, источник сообщаемой в высказывании информации и т. д.). В последнее время к списку субъект-ориентированных дискурсивных категорий исследователями была добавлена категория субъектности, которая, согласно Т. П. Карпилович, предполагает «выражение всех возможных форм проявления участников коммуникации» [1, с. 48]. Сложный характер субъектности учитывает возможность выделения в ней субкатегорий адресанта, адресата, а также других участников сообщения [Там же, с. 9–13]. Таким образом, в отличие от других более частных модусных категорий, субъектность представляет собой категорию широкого плана и комплексно рассматривает различные формы проявления в дискурсивной деятельности ее участников.

Таким образом, можно утверждать, что ввиду актуальности и значительного объяснительного потенциала анализ субъектности целесообразно проводить во всех социально значимых сферах дискурсивной деятельнос-

ти. При этом представляется, что особого исследовательского внимания заслуживает вопрос о прагматическом потенциале данной категории, что может внести определенный вклад в теорию и практику речевого воздействия [2, с. 249].

Целью настоящего исследования является выявление вклада категории субъектности в достижение речевого воздействия в публицистическом дискурсе. В качестве материала исследования используются не только традиционные авторские тексты, но и их роботизированные аналоги, созданные чат-ботом GPT – 3. Интерес к GPT обусловлен колоссальным прорывом в развитии технологий искусственного интеллекта в последние два года и возможностью создания с его помощью достаточно широкого круга различных типов полноценных текстов. В связи с этим интереса заслуживает оценка эффективности (в том числе и прагматической) роботизированных текстов и их потенциальной способности в конечном счете вытеснить авторский текст. В данной статье будут представлены результаты изучения роли категории субъектности в достижении речевого воздействия на материале 10 авторских и 10 роботизированных публичных выступлений. Публичные выступления принадлежат таким выдающимся англоязычным ораторам, как У. Черчилль, М. Тэтчер, М. Ганди, М. Л. Кинг, Дж. Ф. Кеннеди, Б. Обама, Н. Вужичич, Н. Мандела, М. Юсуфзай, Г. Тунберг. Соответствующие роботизированные аналоги были получены путем обращения к чату GPT с запросом о создании речей в стиле вышеперечисленных ораторов.

Дискурсивная категория субъектности вербализуется с помощью широкого круга как эксплицитных, так и имплицитных средств. Начнем анализ публичных выступлений с рассмотрения прагматического потенциала эксплицитных средств выражения субъектов коммуникации. В данной группе средств можно выделить три основные подгруппы: **авторереференция** к автору (*I, my (mine)*), различные формы **обращения к адресату** (*you*, прямые обращения и вопросы к адресату, императив) и **инклюзивные именованья**, охватывающие как автора, так и его аудиторию (*we, us, country, nation*).

Говоря о прагматическом потенциале средств **авторереференции** в публичных выступлениях, авторы сходятся во мнении, что так или иначе регулярные отсылки говорящего к самому себе повышают долю субъективности высказывания. С одной стороны, это позволяет представить говорящего как авторитетную личность и по-своему утвердить его доминирующее положение как источника информации: «*When, a week ago today, I asked the House to fix this afternoon as the occasion for a statement, I feared it would be*

my hard lot to announce the greatest military disaster in our long history. I thought-and some good judges agreed with me – that perhaps 20,000 or 30,000 men might be re-embarked <...>. These were the hard and heavy tidings for which I called upon the House and the nation to prepare themselves a week ago» [WCh]. С другой, автореференция может способствовать некоторой коллоквиализации и диалогизации, сокращая дистанцию между собеседниками за счет «очеловечивания» автора: «If I had no answers from the doctors, and if I had no answers from my parents, I still have a choice, every day in my life, to keep going or give up. You see this book up here? This is my favorite book in the whole wide world. This is my favorite book, the bible. And here I am – and here I am, and for me, that's my full potential in all that I can be here on earth. And so encouragement takes me closer to all that I can be, and discouragement takes me away» [NV]. Как результат, повышается доверительность публичного выступления и его воздействующий потенциал [3, с. 147; 4, с. 125].

Прямые **обращения к адресату** также обладают значительной силой воздействия, поскольку активизируют и при регулярном использовании эффективно поддерживают его внимание [3, с. 124]. Как и средства автореференции, эксплицитные отсылки к адресату способствуют диалогизации и интимизации сообщения: «**You should now wind up your standing committee, and you may declare that you will give up the pen only when India has won her freedom. You may tell Sir Frederick Puckle that he can't except from you a command performance, that his press notes are full of untruth, and that you will refuse to publish them. You will openly declare that you are wholeheartedly with the Congress. If you do this, you will have changed the atmosphere before the fight actually begins» [MG]. Достаточно часто обращения к адресату сопровождают концептуальную (наиболее важную с точки зрения автора) информацию, способствуя ее принятию и запоминанию [3, с. 62–63].**

Последнюю группу эксплицитных маркеров субъектности – **инклюзивные наименования** – по-видимому, можно считать одним из мощнейших способов речевого воздействия в публичной речи. За счет объединения в их семантике субкатегорий адресанта и адресата создается эффект солидаризации, т. е. у аудитории потенциально возникает чувство принадлежности к группе единомышленников, объединенной общими идеями и целями [3, с. 110–111]. Например: «**We are devoted, as we always have been, to the maintenance of peace. We will welcome any initiative from the Soviet Union that would contribute to that goal. But we must also heed the warnings of those, like Alexander Solzhenitsyn, who remind us that we have been fighting a kind of 'Third World War' over the entire period since 1945 – and that we have been steadily losing ground. As we look back over the battles of the past year, over the**

list of countries that have been lost to freedom or are imperilled by Soviet expansion can we deny that Solzhenitsyn is right? We have seen Vietnam and all of Indochina swallowed up by Communist aggression. We have seen the Communists make an open grab for power in Portugal, our oldest ally – a sign that many of the battles in the Third World War are being fought inside Western countries» [MT]. Отсюда можно предположить, что инклюзивные наименования значительно повышают перлокутивный эффект сообщения: осознание аудиторией общности идей со значительной степенью уверенности ведет к общности (необходимых оратору) действий.

Таким образом, можно утверждать что все эксплицитные маркеры субъектности – средства автореференции, прямые обращения к аудитории и инклюзивные наименования – играют важную роль в повышении воздействующей силы публичных выступлений, что достигается за счет эффектов логической акцентуации, диалогизации, интимизации и солидаризации.

Сравним далее авторские и роботизированные публичные выступления с точки зрения представленности в них эксплицитных маркеров субъектности (табл.1 и табл. 2).

Таблица 1

Представленность эксплицитных средств субъектности
в авторских публичных выступлениях

Оратор	Количество слов в речи	Количество маркеров автореференции в речи, %	Количество инклюзивных наименований в речи, %	Количество прямых обращений в речи, %	Общее количество эксплицитных маркеров субъектности, %
1. Г. Тунберг	495	8 (1,6)	12 (2,4)	24 (4,8)	8,9
2. У. Черчилль	3 767	27 (0,7)	74 (2)	1 (0,03)	2,7
3. Б. Обама	1 949	32 (1,6)	50 (2,6)	19 (1)	5,2
4. М. Тэтчер	3 292	11 (0,3)	104 (3,2)	1 (0,03)	3,5
5. Н. Вужичич	2 879	229 (8)	15 (0,5)	160 (5,6)	14
6. Дж. Ф. Кеннеди	2 465	23 (0,9)	35 (1,4)	17 (0,7)	3
7. М. Ганди	2 104	70 (3,3)	4 (0,2)	71 (3,4)	6,9
8. Н. Мандела	3 426	46 (1,3)	51 (1,5)	27 (0,8)	3,6
9. М. Л. Кинг	1 667	17 (1)	37 (2,2)	12 (0,7)	4
10. М. Юсуфзай	1 955	94 (4,8)	21 (1)	22 (1,1)	7
Всего	23 999	557 (2,3)	403 (1,7)	344 (1,4)	1304 (5,4)

Таблица 2

Представленность эксплицитных средств субъектности
в роботизированных публичных выступлениях

Речь в стиле оратора	Количество слов в речи	Количество маркеров автореференции в речи, %	Количество инклюзивных наименований в речи, %	Количество прямых обращений в речи, %	Общее количество эксплицитных маркеров субъектности, %
1. ~Г. Тунберг	492	–	43 (8,7)	3 (0,6)	9,3
2. ~У. Черчилль	628	3 (0,5)	75 (12)	3 (0,5)	12,9
3. ~Б. Обама	522	5 (1)	27 (5,2)	4 (0,8)	6,9
4. ~М. Тэтчер	312	–	27 (8,7)	3 (1)	9,6
5. ~Н. Вужичич	539	31 (5,8)	–	47 (8,7)	14
6. ~Дж.Ф. Кеннеди	410	1 (0,2)	35 (8,5)	2 (0,5)	9,3
7. ~М. Ганди	392	5 (1,3)	22 (5,6)	5 (1,3)	8,2
8. Н. ~Мандела	529	10 (1,9)	30 (5,7)	7 (1,3)	8,9
9. ~М.Л. Кинг	579	2 (0,3)	30 (5,2)	3 (0,5)	6
10. ~М. Юсуфзай	536	16 (3)	12 (2,2)	14 (2,6)	7,8
Всего	4 939	73 (1,5)	301 (6)	91 (1,8)	465 (9,4)

Пошаговое сравнение речей реальных авторов и их роботизированных аналогов показывает достаточно высокую степень несоответствия в использовании эксплицитных маркеров субъектности. В то же время, как видно, некоторое исключение представляют попытки искусственного интеллекта имитировать М. Л. Кинга, М. Юсуфзай и Н. Вужичича, хотя говорить о полной идентичности предпочтений здесь также не приходится. Данный факт может свидетельствовать о достаточно высокой степени автономности и «творческого начала» чат-бота GPT: хотя во многом он пытается воссоздать тематическую направленность оригинала, в выборе конкретных языковых средств может наблюдаться существенная самостоятельность. При этом самое значительное отличие между авторскими и роботизированными речами было обнаружено в использовании эксплицитных маркеров субъектности в целом, как единой группы языковых средств. Как показал анализ, искусственный интеллект прибегает к этим средствам почти в 2 раза чаще, чем реальные ораторы (5,4 % против 9,4 % в авторских и роботизированных речах соответственно). Как представляется, данная разница достигается среди прочего за счет более активного использования инклюзивных наименований (1,7 % против 6 % в роботизированных речах).

Если рассматривать эксплицитные маркеры субъектности в соответствии с выделенными ранее группами и без привязки к конкретным ораторам, то здесь уже будет проследиваться гораздо больше сходств. Так, была выявлена достаточно высокая степень сходства в выборе показателей автореференции (2,3 % и 1,5 % в авторских и роботизированных речах, соответственно) и прямых обращений к аудитории (1,4 % и 1,8 % соответственно).

Таким образом, можно предположить, что как реальные авторы, так и искусственный интеллект «осознают» вклад эксплицитных маркеров субъектности в создание публичных выступлений и достаточно активно к ним прибегают. При этом чат-бот GPT в гораздо большей степени «предпочитает» использовать инклюзивные наименования, что, возможно, связано не только с их клишированностью, но и с «пониманием» искусственным интеллектом мощного прагматического потенциала данных средств в публичных выступлениях.

Подводя промежуточные итоги, подчеркнем, что между авторскими и роботизированными публичными речами наблюдается достаточно высокая степень несоответствия в плане использования эксплицитных маркеров субъектности. Эта тенденция проследивается как при попарном сравнении предпочтений реальных ораторов и их роботизированных аналогов, так и при анализе употребительности средств в целом. Рассмотрим далее, сохранится ли выявленная тенденция при сопоставлении имплицитных маркеров субъектности.

Имплицитно актуализировать субъектность могут стилистические средства, эмоционально-оценочная лексика, вводные слова и конструкции, союзы [1]. Объем данной статьи не позволяет учесть все эти средства, в связи с чем будет проанализирован только персуазивный потенциал стилистических средств как одной из наиболее употребительных групп.

Анализ показал, что как в авторских, так и в роботизированных публичных выступлениях активно используются разноуровневые стилистические средства, что вполне согласуется с заданной жанровой спецификой. Прагматическая эффективность стилистических средств в первую очередь связана с их экспрессивностью, которая достигается за счет усиления эмоционального и/или логического удара. Таким образом, персуазивный потенциал стилистических ресурсов связан в первую очередь с их выдвиганием на фоне более нейтральных компонентов речевой цепи [2, с. 44].

Среди лексических стилистических средств, активно используемых в публичных выступлениях, наиболее употребительны метафоры, эпитеты, гиперболы, аллюзии и метонимия. Роль метафоры в данном контексте трудно переоценить, в том числе в связи с тем, что она чрезвычайно успешно справляется с функцией скрытого оценочного информирования.

Метафора не только сообщает адресату о сложных явлениях на доступном для него языке, но и передает эту информацию сквозь призму авторской личной интерпретации: «*You may write to the Political Department: «The people **are now awake**. How are we **to withstand an avalanche** before which even the large **empires are crumbling**? <...> We **shall sink or swim** with them»* [MG]. Тем самым метафоры способны как формировать картину мира реципиента, так и корректировать уже имеющиеся представления, что придает ей мощный потенциал рационально-эмоционального речевого воздействия [2, с. 127].

По сравнению с метафорой эпитет и гипербола открыто оценочны и по определению специализируются на передаче эмоциональных коннотаций. С прагматической точки зрения это важно для того, чтобы быстро и эффективно привлечь внимание аудитории, а также с большой долей вероятности вызвать планируемый адресантом эмоциональный отклик: «*But the **monumental** work done by Mwalimu Nyerere, former president of Tanzania, was absolutely impressive»* (эпитет) [NM].

В отличие от рассмотренных выше эмоционально-оценочных метафоры, эпитета и гиперболы аллюзия и метонимия связаны в первую очередь с рациональным воздействием, поскольку требуют от адресата определенного интеллектуального усилия и владения фоновой информацией: «*This urgent transformation of Cuba into an important strategic base <...> constitutes an explicit threat to the peace and security of all the Americas, in flagrant and deliberate defiance of **the Rio Pact of 1947**, the traditions of this Nation and hemisphere, **the joint resolution of the 87th Congress**, **the Charter of the United Nations**, and my own public **warnings to the Soviets on September 4 and 13*** (аллюзии) [JFK]. Представляется, что такая форма воздействия (как и эксплицитные инклюзивные наименования) косвенно участвует в реализации упомянутой выше функции солидаризации. Так, успешное декодирование неявных смыслов вызывает у адресата ощущение принадлежности к кругу «избранных», объединенных знанием важной информации. Тем самым повышается статус аудитории в собственных глазах и создается необходимый эмоционально-рациональный фон для восприятия речи.

Рассмотрим далее прагматический потенциал синтаксических стилистических средств. Анализ показал, что в публичных выступлениях активно применяется широкий круг средств синтаксической экспрессии: парцелляция, парентеза, инверсия, повторы, анафора, эпифора, анадиплозис, параллелизм, антитеза, градация, полисиндетон (многосоюзие), асиндетон (бессоюзие), вопросно-ответные комплексы и др. В публицистическом дискурсе их основную функцию, по-видимому, лучше всего описать как

комплексное рационально-эмоциональное воздействие. Как и у всех стилистических средств, прагматическая эффективность здесь в первую очередь связывается с эффектом выдвигания на фоне нейтральных единиц. Также синтаксические повторы облегчают понимание информации и способствуют ее запоминанию [3, с. 112]. И, наконец, что особенно важно в контексте публичного выступления, повторы участвуют в создании ритма, это является одним из инструментов суггестивного воздействия.

Таким образом, все группы разноуровневых стилистических средств активно участвуют в реализации прагматического потенциала публичных выступлений, что достигается с помощью активизации сложного комплекса эмоционально-рациональных компонентов смысла, оказывающих разноплановое влияние на целевую аудиторию. При этом все стилистические средства выражают как субъективную позицию говорящего, так и закономерно ориентированы на реципиента, поскольку всегда преследуют цель воздействия. Таким образом, эту группу имплицитных маркеров субъектности целесообразно считать показателями одновременного присутствия в тексте и адресата, и адресанта.

На заключительном этапе исследования сравним употребительность стилистических ресурсов в авторских и роботизированных речах (табл. 3, табл. 4). Заметим попутно, что ввиду низкой представленности фонетическое средство аллитерации отдельно в статье не описывается.

Т а б л и ц а 3

Представленность стилистических средств
в авторских публичных выступлениях

Оратор	Количество слов в речи	Количество лексических средств, %	Количество синтаксических средств, %	Количество фонетических средств, единиц	Общее количество стилистических средств, %
1. Г. Тунберг	495	20 (4)	15 (3)	–	7
2. У. Черчилль	3 767	102 (2,7)	104 (2,8)	2	5,5
3. Б. Обама	1 949	48 (2,5)	113 (5,8)	7	8,3
4. М. Тэтчер	3 292	98 (3)	83 (2,5)	5	5,5
5. Н. Вужичич	2 879	10 (0,3)	122 (4,2)	1	4,6
6. Дж. Ф. Кеннеди	2 465	26 (1)	64 (2,6)	10	3,7

Окончание таблицы 3

7. М. Ганди	2 104	31 (1,5)	40 (1,9)	4	3,4
8. Н. Мандела	3 426	61 (1,8)	72 (2,1)	4	3,9
9. М. Л. Кинг	1 667	84 (5)	57 (3,4)	3	8,5
10. М. Юсуфзай	1 955	37 (1,9)	82 (4,1)	4	6
	23 999	517 (2,1)	752 (3,1)	40 (0,2)	1 309 (5,5 %)

Таблица 4

Представленность стилистических средств
в роботизированных публичных выступлениях

Речь в стиле оратора	Количество слов в речи	Количество лексических средств, %	Количество синтаксических средств, %	Количество фонетических средств, единиц	Общее количество стилистических средств, %
1. ~Г. Тунберг	492	7 (1,4)	25 (5)	4	7,3
2. ~У. Черчилль	628	19 (3)	30 (4,8)	2	8,1
3. ~Б. Обама	522	24 (4,6)	27 (5,2)	1	10
4. ~М. Тэтчер	312	9 (2,9)	18 (5,8)	1	9
5. ~Н. Вужичич	539	8 (1,5)	19 (3,5)	1	5,1
6. ~Дж.Ф. Кеннеди	410	14 (3,4)	19 (4,6)	–	8
7. ~М. Ганди	392	11 (2,8)	17 (4,3)	–	7,1
8. ~Н. Мандела	529	14 (2,6)	19 (3,6)	3	6,8
9. ~М. Л. Кинг	579	19 (3,3)	24 (4,1)	1	7,6
10. ~М. Юсуфзай	536	12 (2,2)	27 (5)	1	7,5
	4 939	137 (2,8)	225 (4,6)	14 (0,3)	373 (7,6%)

Количественный анализ полученных данных позволяет сделать ряд выводов. Прежде всего, необходимо констатировать достаточно высокую степень сходства в употребительности рассмотренных имплицитных показателей субъектности. Так, примерно у половины реальных авторов и их роботизированных аналогов прослеживаются сходные предпочтения в выборе стилистических ресурсов (Г. Тунберг, Н. Вужичича, Б. Обама, М. Л. Кинг, М. Юсуфзай). Далее общие тенденции наблюдаются и в исполь-

зовании отдельных групп средств, как лексических, так и синтаксических (2,1% против 2,8 % и 3,1% против 4,6 % соответственно). И, наконец, общий показатель употребительности стилистических средств без привязки к конкретным группам также сходен: 5,5 % против 7,6 %.

Подведем заключительные итоги. Как реальные ораторы, так и их роботизированные аналоги, созданные чат-ботом GPT-3, достаточно активно прибегают к использованию всех маркеров субъектности в своих публичных выступлениях, что обусловлено высоким прагматическим потенциалом данных единиц в целом и их важным вкладом в достижение воздействующих целей в частности. При этом если проявляются определенные отличия в употреблении эксплицитных показателей субъектности, то демонстрируется достаточно высокая степень сходства имплицитно-субъектных стилистических ресурсов. Данный факт позволяет сделать важные выводы не только о значительной воздействующей роли категории субъектности в публицистическом дискурсе в целом, но и о достаточно серьезном уровне развития искусственного интеллекта на современном этапе. Анализ убедительно доказывает, что роботизированные системы уже способны успешно имитировать выполнение реальных творческих задач, в том числе в отношении достижения определенного речевого воздействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Карпилович, Т. П.* Коммуникативные категории научного дискурса / Т. П. Карпилович. – М. : МГЛУ, 2018. – 160 с.
2. *Мищук, О. Н.* Речевое воздействие в политическом дискурсе / О. Н. Мищук // Изв. Тул. гос. ун-та. Гуманит. Науки. – 2013. – № 1. – С. 13–18.
3. *Чернявская, В. Е.* Речевое воздействие в политическом, рекламном и интернет-дискурсе : учебник / В. Е. Чернявская. – М. : ЛЕНАНД, 2021. – 176 с.
4. *Клушина, Н. И.* Введение в интернет-стилистику : учебник / Н. И. Клушина, А. В. Николаева. – М. : ФЛИНТА, 2020. – 240 с.

ЦИТИРУЕМЫЕ ПРИМЕРЫ

1. JFK – *Kennedy, J. F.* Cuban missile crisis address [Электронный ресурс] / J. F. Kennedy // John F. Kennedy : Presidential library and museum. – Режим доступа: <https://www.jfklibrary.org/learn/about-jfk/historic-speeches/address-during-the-cuban-missile-crisis#:~:text=In%20his%20spe>

- ech%20the%20President, hope%20C%20around%20the%20world.%E2%80%9D. – Дата доступа: 12.02.23.
2. MG – *Gandhi, M.* The quit India speeches [Электронный ресурс] / M. Gandhi // mkgandhi.org : Gandhi Research Foundation. – Режим доступа: <https://www.mkgandhi.org/speeches/qui.htm>. – Дата доступа: 12.02.23.
 3. MT – *Thatcher, M.* Britain awake / M. Thatcher // Margaret Thatcher Foundation. – Режим доступа: <https://www.margaretthatcher.org/document/102939>. Дата доступа: 12.02.23.
 4. NM – *Mandela, N.* Africa and its position in the world today / N. Mandela // LSE History : London School of Economics and Political Science. – Режим доступа: <https://blogs.lse.ac.uk/lsehistory/2018/08/01/africa-at-lse-full-text-of-nelson-mandela-speech-at-lse-on-6-april-2000/>. – Дата доступа: 12.02.23.
 5. NV – *Vujicic, N.* How to stop a bully / N. Vujicic // English speeches. – Режим доступа: <https://englishspeecheschannel.com/english-speeches/nick-vujicic-speech>. – Дата доступа: 12.02.23.
 6. WCh – *Churchill, W.* We shall fight on the beaches / W. Churchill // International Churchill Society. – Режим доступа: <https://winstonchurchill.org/resources/speeches/1940-the-finest-hour/we-shall-fight-on-the-beaches>. – Дата доступа: 12.02.23.

Поступила в редакцию 10.06.2024

Олейников Томас Владимирович

магистр педагогических наук,
аспирант кафедры языкознания
и лингводидактики
Белорусский государственный
педагогический университет
имени Максима Танка
г. Минск, Беларусь

Tomas Oleinikov

MA in Pedagogy,
PhD Student of the Department
of Linguistics and Linguodidactics
Belarusian State Pedagogical
University named after Maxim Tank
Minsk, Belarus
@kevdeilin@gmail.com

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА YOUTUBE-КОММЕНТАРИЕВ
НА РУССКОМ, ФРАНЦУЗСКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ:
ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF YOUTUBE COMMENTS IN RUSSIAN,
FRENCH AND CHINESE: PRAGMALINGUISTIC ASPECT

В статье представлены результаты сопоставительного анализа трех тысяч YouTube-комментариев на русском, французском и китайском языках с точки зрения их прагмалингвистического потенциала; устанавливаются сходства и различия в комментариях, ранжированных с позиции их объема, адресации, темы, стилистики, композиции, речевой стратегии и используемых в них лингвостилистических средств.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *лингвопрагматика; интернет-дискурс; YouTube-комментарий; речевая стратегия; речевая тактика; лингвостилистические средства.*

The article presents the results of a comparative analysis of three thousand YouTube comments in Russian, French, and Chinese in terms of their pragmalinguistic potential. The author identifies the differences and similarities in the comments, which are classified according to their volume, address, theme, style, composition, speech strategy, and linguistic features used in them.

Key words: *linguopragmatics; Internet discourse; YouTube comment; speech strategy; speech tactics; linguistic stylistic features.*

Интернет, или Всемирная паутина, охватившая весь земной шар, произвела революцию в способах доступа к информации, ее распространения и совместного использования. Имея в настоящее время более пяти миллиардов пользователей по всему миру, согласно данным на 2024 год [1], интернет является одним из глобальных достижений научно-технического прогресса в истории человечества. Он преодолевает географические границы, культурные барьеры и языковые различия, выступая универсальной платформой для общения, сотрудничества и инноваций.

Научные исследования, связанные с интернетом, имеют решающее значение для понимания его влияния на общество, культуру и язык. В области сравнительно-исторического, типологического и сопоставительного языкознания и лингвистики в целом изучение особенностей онлайн-коммуникации и интернет-языка позволяет получить информацию об эволюции моделей коммуникации, языковых норм и дискурсивных практик в цифровой среде [2; 3; 4; 5; 6; 7]. Исследование процессов языковых изменений в результате их цифровизации обеспечивает более глубокое понимание того, как люди конструируют идентичность, формируют сообщества и осмысляют символы внутри виртуального пространства [8; 9; 10].

В рамках настоящего исследования проведен сравнительный анализ трех тысяч YouTube-комментариев на русском (1000), французском (1000) и китайском (1000) языках, извлеченных методом сплошной выборки, которые размещены под видео творческого и образовательного содержания и представлены на платформе не более десяти лет назад. В данной работе показаны различия в использовании языка в разных лингвокультурах, в том, как носители того или иного языка передают смысл, выражают эмоции и взаимодействуют друг с другом в такой онлайн-среде, как YouTube.

На первом этапе исследования все отобранные интернет-комментарии (ИК) были ранжированы в зависимости от их *объема, адресации, темы, стилистики и композиции*. Анализ материала с точки зрения их объема показал, что на всех языках наиболее частотны малые комментарии, насчитывающие не более 50 слов (более 96 % на каждом из заявленных языков). Распространенность небольших интернет-комментариев можно объяснить исходя из теории когнитивной нагрузки и принципов динамики онлайн-коммуникации: люди обладают ограниченными когнитивными ресурсами для обработки информации и в результате, как правило, предпочитают более короткие и сжатые сообщения, которые легче понять и на которые можно быстро отреагировать, например: *это не клип а шедевр*¹; *Très belle interprétation* 'Очень красивая интерпретация'; 用時間成長的女生 'Девочки, которые со временем вырастают'.

В результате анализа ИК выборки, ранжированных по принципу их *адресации*, было установлено, что русскоязычные и франкоязычные авторы комментариев в первую очередь обращают внимание на сам контент (более 30 % комментариев на русском языке и более 44 % на

¹ В примерах полностью сохранена авторская подача интернет-комментариев.

французском), тогда как китайоязычные пользователи YouTube сосредотачивают внимание на отдельных деталях контента – как музыкальных, так и визуальных якорях, например: *Я сейчас посмотрю, буду думать что запомню, но когда зайду в аудиторию... то окажется что я ничего не помню. ;)* (говорящий акцентирует внимание на контенте в целом); *J'adore cette chanson, je la chantais quand j'avais 7 ans et maintenant que je l'ai retrouvée je ne peux plus m'arrêter de chanter* 'Мне нравится эта песня, я пела ее, когда мне было 7 лет, а теперь, когда я ее нашла, я не могу перестать петь' (автор комментария фокусирует внимание на песне – то есть на предоставленном контенте в целом); 有个学长是北京人, 免费师范生。本身是可以拿到北京的教师编制, 但是他去了大别山的高中。真正的马克思主义者, 了不起。 'Один из старшекурсников был из Пекина и учился бесплатно на педагога. Он мог преподавать в Пекине, но он пошел в среднюю школу в Дабешане. Настоящий марксист, потрясающе' (комментатор сосредотачивает внимание на детали контента).

Говорящие дают оценку либо в рамках всего интернет-продукта в целом, либо делают акцент на конкретных субъектах или объектах, что отражает то, как в отдельных лингвокультурах формируется интерес и фокусируется внимание в процессе онлайн-коммуникации. Кроме того русскоязычные, франкоязычные и китайоязычные пользователи зачастую (более 23 % на русском, более 32 % на французском и более 24 % на китайском языке) адресуют свои комментарии авторам видеоролика, рассматривая их фигуры как ключевые в рамках процесса создания контента и получения окончательного продукта, например: *Красивый какой! Побольше бы таких звезд на нашей сцене, красивых и талантливых; Bonjour sympa. J adore votre voix et le plaisir de voir vos vidéos* 'Привет, симпа. Мне нравится ваш голос и удовольствие от просмотра ваших видео'; 真是个诗意般的小姐姐, 哈哈! 'Какая поэтическая барышня, ха-ха!'

Отдельно отмечено, что исключительно русскоязычные YouTube-пользователи небольшую часть интернет-комментариев адресуют самим себе (менее 1 %), тем самым привлекая внимание других пользователей, например: *Совпадение? Нет. Не думаю. Мне и вам, счастья огромного!♥ С новым годом, Лола!*

Изучение комментариев картотеки, ранжированных с позиции их отношения к теме видеоролика, показало, что на материале каждого заявленного языка данные интернет-комментарии преобладают (более 98 %), например: *Я могу бесконечно ее слушать. Она меня спасла, когда я хотела связать свою жизнь с тем, кого не любила. Но богатым. Ушла. Вышла замуж за любимого, но не богатого. Полтора года женаты. Да,*

ишачим оба. Но я счастлива. Ни о чем не жалею; Dans le Canada Anglais la deportation des acadien est fortement minimiser, voir banaliser ‘В английской Канаде депортация академиков значительно сведена к минимуму или даже упрощена’; 一辈子会爱好几个人，也许爱不能持续太久，但那种感觉一辈子也忘不了 ‘Я буду любить нескольких человек в своей жизни, может быть, любовь не может длиться слишком долго, но такое чувство никогда не забудется’.

Из ИК выборки, классифицированных в зависимости от их стилистики, согласно полученным данным, на всех языках самыми распространенными оказались эмоционально окрашенные YouTube-комментарии (более 97 % на русском и китайском языках и более 98 % на французском языке). Такие данные свидетельствуют о том, что эмоции играют значительную роль в формировании человеческого поведения и коммуникации во всех лингвокультурах. Эмоциональные реакции обрабатываются мозгом интуитивно и быстрее по сравнению с нейтральными или рациональными реакциями. Такая эмоциональная вовлеченность может побудить людей с большей готовностью выражать свои чувства, что приводит к более высокой частоте эмоционально окрашенных YouTube-комментариев, например: *Обидно за старую превьюшку. Она была легендарной; Nous cache t'on quelques choses! bien sur que oui depuis 1947* ‘Мы что-то скрываем! конечно, с 1947 года’; 牛蛙多好吃啊. 真不知道评论里某些人高潮些什么。笑死了 ‘Лягушка-бык такая вкусная. Я действительно не знаю, о чем некоторые люди с волнением говорят в комментариях. ржу не могу’.

В результате анализа комментариев картотеки, ранжированных в зависимости от их композиции, было установлено, что на материале всех указанных языков самыми репрезентативными являются двухчастные комментарии (более 59 % русскоязычных, более 50 % франкоязычных и более 46 % китаеязычных ИК), второе по частоте место занимают одночастные (более 24 % русскоязычных, более 47 % франкоязычных и более 40 % китаеязычных). Так, большинство YouTube-комментариев на русском, французском и китайском языках состоят из двух частей (завязка и кульминация или кульминация и развязка), поскольку они, как правило, соответствуют структуре повествования. Этот формат позволяет комментаторам связно и увлекательно излагать свои мысли, доходчиво передавая содержание определенной коммуникативной ситуации, например: *Нашей же системы? Что то я не припомню, чтобы люди планеты Земля эту систему колотили; Je sens que l'Eurovision peut se dérouler à Paris en 2022, allez Barbara tu peux le faire !* ‘Я чувствую, что Евровидение может быть

проведено в Париже в 2022 году, давай, Барбара, ты сможешь!'; 太催淚了 整個mv拍得太好 'Это слишком слезливо, весь фильм снят слишком хорошо'.

На втором этапе исследования были выявлены *речевые стратегии* и *речевые тактики*, которые актуализуют в своих высказываниях YouTube-пользователи, говорящие на русском, французском и китайском языках. Установлено, что на материале всех языков наиболее частотны интернет-комментарии, реализующие речевую стратегию *поддержки* (более 34 % русскоязычных, более 47 % франкоязычных и более 39 % китаеязычных комментариев), например: *Эстетика в каждом кадре, просто ПРЕВОСХОДНО(!); Очень красивая песня. Даже появилось желание выучить украинский язык; Merci de nous faire redécouvrir chacun des mots de cette chanson et de nous la faire vivre de cette manière là. Un réel talent d'interprétation. Très sincèrement bravo et merci* 'Спасибо за то, что заставили нас заново открыть для себя каждое слово этой песни и сделали ее такой живой. Настоящий талант интерпретатора. Очень искренне, браво, и спасибо'; 每次聽到台語部分就必定起雞皮疙瘩... 'Каждый раз, когда я слышу тайваньскую часть, у меня мурашки по коже ...'. Кроме того, было отмечено, что, реализуя данную речевую стратегию, комментаторы зачастую используют комбинацию *речевых тактик позитивно-оценочного мнения, похвалы и комплимента*.

Распространенность YouTube-комментариев с речевой стратегией поддержки на русском, французском и китайском языках можно объяснить социокультурными нормами и ценностями, существующими в указанных сообществах. Так, представители определенных лингвокультур склонны отдавать предпочтение гармонии, сотрудничеству и поддержанию позитивных отношений внутри своих социальных групп, поэтому комментаторы демонстрируют поддержку, согласие, выражают одобрение и позитивные эмоции, направленные на контент или создателя контента, на других пользователей интернет-пространства или косвенных адресатов, которые не присутствуют в процессе коммуникации, чтобы укрепить чувство единства и солидарности с другими.

В свою очередь, речевая стратегия *негативизации*, выступающая в противовес речевой стратегии поддержки, на материале всех языков представлена группами комментариев, которые применяются довольно редко (менее 5 % в русскоязычных, менее 2 % во франкоязычных и менее 1% в китаеязычных комментариях). Так, меньшее количество комментариев, реализующих речевую стратегию негативизации, может быть связано с потенциальными социальными последствиями, обусловленными

выражением критики или несогласия на публичных площадках, таких как YouTube. Люди в этих культурах могут быть более осторожны в высказывании негативных мнений, чтобы избежать конфликта или конфронтации. Однако показатель комментариев, в которых актуализуется речевая ситуация негативизации, демонстрирует, что небольшая группа русскоязычных пользователей YouTube более агрессивно настроена к потребляемому контенту, нежели франкоязычные или китаеязычные комментаторы, о чем свидетельствует значительно большее число выявленных речевых тактик, способствующих реализации данной речевой стратегии на русском языке, например: *Ну мерзкий голос у неё!!!* (автор комментария высказывает отрицательно-оценочное мнение); *4:32 Венера названа в честь РИМСКОЙ богини красоты, а не греческой, в греческой мифологии богиня красоты была Афродита* (говорящий исправляет создателя контента).

На третьем этапе исследования был проведен лингвостилистический анализ отобранных комментариев, что позволило определить наиболее частотные фонетические, лексико-стилистические, морфологические, словообразовательные, а также синтаксические и пунктуационно-графические языковые средства и выявить их особенности в рамках прагмалингвистики. Отмечено, что только в интернет-комментариях на русском языке представлены фонетические языковые средства – рифма и ономотопея, с помощью которых говорящие воздействуют на реципиента. Данный показатель можно объяснить структурой и устройством указанных языков, а также тем, что русскоязычные комментаторы включают в процесс креативного мышления и фонику.

На материале проанализированных языков выявлено более 5000 репрезентативных лексико-стилистических образных средств, среди которых наиболее частотны эпитеты (более 63 % в русскоязычных, более 48 % во франкоязычных и более 49 % в китаеязычных комментариях), что может быть связано со стремлением говорящего создать в сознании других пользователей интернета образ, максимально близкий к тому, который хотел продемонстрировать автор высказывания. Средне-частотными лексико-стилистическими средствами выступают: на русском языке – метафора (более 23 %); на французском и китайском языках – метафора (более 21 % во франкоязычных и более 25 % в китаеязычных) и сравнение (более 14 % во франкоязычных и более 13 % в китаеязычных). Авторы стремятся создать яркие ассоциативные связи между отдельными объектами или концептами, которые будут привлекать внимание других пользователей YouTube. Кроме того, установлено, что среди низко-

частотных средств только в материале на русском языке встречается плеоназм (менее 1 %), тогда как парадокс и гипербола присутствуют в комментариях на всех языках.

В проанализированном материале среди выявленных морфологических языковых средств самым частотным оказалось наречие-интенсификатор (более 33 % в русскоязычных, более 44 % во франкоязычных и китаеязычных комментариях). Частотность наречий меры и степени в онлайн-коммуникации связана с особенностями разговорной речи в сети: наречия служат эмотивными интенсификаторами, позволяющими говорящим выразить эмоцию мгновенно.

Среднечастотными морфологическими языковыми средствами являются междометия (более 15 % в русскоязычных, более 25 % во франкоязычных и китаеязычных), обращения (только во франкоязычных и китаеязычных комментариях более 23 %). Суперлативы и компаративы (более 12 % на каждую группу выявленных языковых средств) среднечастотны в комментариях на русском языке, тогда как на французском обнаружены исключительно компаративы, представленные в малочастотной группе комментариев (более 3 %). В свою очередь, в комментариях на русском языке отмечены опущение личного местоимения первого лица (более 13 %), использование указательного местоимения *это* (более 12 %), контекстуальная замена личного местоимения первого лица (более 11 %). В комментариях на французском и китайском языках перечисленные языковые средства не были выявлены, что связано с их спецификой и структурой.

Среди словообразовательных языковых средств (275 единиц на русском, 317 на французском и 316 на китайском языке) отмечены (полу)кальки (наиболее частотные) и неологизмы/окказионализмы (среднечастотные). В проанализированном материале на русском и французском языках выявлены заимствования из английского, итальянского, немецкого и других языков, тогда как в китайском языке большинство (полу)калек – англицизмы. Это связано с тем, что английский язык широко используется в онлайн-общении. Так, многие интернет-пользователи знакомы с английскими терминами и выражениями, которые могут точно отразить какую-либо современную реалию. Более того, употребление калек и полукалек в комментариях также может служить своего рода сигналом о принадлежности к определенным онлайн-сообществам или субкультурам, которые разделяют общий интерес к англоязычному (и другому) контенту. В то же время неологизмы и окказионализмы применяются, как правило, для придания общению креативности, юмористической окраски или индивидуальности.

Анализ выявленных синтаксических и пунктуационно-графических языковых средств позволил установить, что самым распространенным выступает эмотикон (более 40 % в русскоязычных, более 47 % во франкоязычных и китаеязычных комментариях), используемый, как правило, для передачи эмоций или намерений, которые бывает трудно выразить исключительно с помощью текста; для усиления эмоционального воздействия сообщения; для передачи невербальных сигналов, помогающих прояснить смысл высказываний, и др. Отмечено, что восклицательные (более 18 % в русскоязычных и более 12 % во франкоязычных и китаеязычных комментариях) и вопросительные предложения (более 18 % в русскоязычных, более 10 % во франкоязычных и китаеязычных) являются среднечастотными синтаксическими языковыми средствами отобранных ИК, тогда как побудительные относятся к малочастотным, хотя и репрезентативным приемам (более 5 % в комментариях на всех языках). Посредством употребления различных видов предложений авторы высказываний указывают на ту интонацию, с какой они произносили бы свои комментарии вслух.

В материале на русском и французском языках были выделены ИК, в которых используется капс (более 4 % в русскоязычных и более 10 % во франкоязычных). Такое языковое средство демонстрирует намерение говорящего сделать акцент на каком-либо фрагменте текста, показать интенсивность каких-либо эмоций или выразить их в речи. Капс в материале на китайском языке отмечается исключительно в англицизмах-аббревиатурах, что обусловлено китайской письменностью. В свою очередь, только на материале китайского языка были выделены такие графические языковые средства, как сокращение в соответствии с китайской транскрипцией, дополнительные графические элементы и синтаксический параллелизм (более 2 %). Последний способствует актуализации такого приема, как повтор, на лексическом уровне. Так говорящий апеллирует к памяти реципиента и привлекает его внимание, делая акценты на определенных фрагментах высказывания.

Наконец, исключительно в материале русского и китайского языков отмечены такие пунктуационно-графические языковые средства, как полное отсутствие знаков препинания (более 4 % в русскоязычных и китаеязычных комментариях), что объясняется неформальным и спонтанным характером онлайн-общения. Комментаторы могут опускать знаки препинания для скорости, простоты и лапидарности коммуникации. Более того, отсутствие знаков препинания может имитировать поток разговорной речи

и создавать ощущение неформальности в процессе обмена информацией в разделе комментариев на YouTube, что подтверждает устно-письменную природу интернет-дискурса.

Таким образом, большинство выделенных различий в YouTube-комментариях на русском, французском и китайском языках можно объяснить культурными, лингвистическими и социолингвистическими факторами, которые формируют стили общения, речевые стратегии и языковой выбор представителей разных лингвокультур. Эти различия отражают уникальные нормы, условности и коммуникативные практики каждого языкового сообщества. Однако общее, выделенное в комментариях на заявленных языках, демонстрирует обусловленность YouTube-комментариев природой онлайн-коммуникации, которая сочетает в себе элементы как устного, так и письменного дискурса. Асинхронный и основанный на тексте характер онлайн-взаимодействий часто приводит к сближению определенных моделей общения и лингвистических особенностей, которые выходят за рамки языковых границ. В то время как различия в комментариях русскоязычных, франкоязычных и китаеязычных пользователей можно объяснить специфическими языковыми факторами, на общие черты онлайн-коммуникации влияет гибридная природа онлайн-дискурса и взаимосвязанность онлайн-сообществ в глобальном масштабе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Number of internet and social media users worldwide as of January 2024 (in billions) [Electronic source]. – Mode of access: <https://www.statista.com/statistics/617136/digital-population-worldwide>. – Date of access: 26.02.2024.
2. *Щипицина, Л. Ю.* Компьютерно-опосредованная коммуникация: Лингвистический аспект языка / Л. Ю. Щипицина. – М. : Красанд, 2010. – 296 с.
3. *Васильева, С. Л.* Особенности жанра комментария в русском и английском газетно-публицистическом дискурсе: сопоставительный аспект / С. Л. Васильева // Молодой ученый. – 2013. – № 2 (49). – С. 207–210.
4. *Батурин, В. А.* Комментарии интернет-пользователей к выпускам передачи Н. Михалкова «Бесогон TV»: лингвопрагматический аспект [Электронный ресурс] / В. А. Батурин. – Режим доступа: http://elib.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/135613/baturin_na_sayt.pdf?sequence=1. – Дата доступа: 21.05.2024).

5. *Василенко, Е. Н.* Комментарий в жанровом пространстве интернет-дискурса / Е. Н. Василенко // Вестн. МГЛУ. Сер. 1. – 2019. – № 3 (100). – С. 20–27.
6. *Егорова, М. А.* Отклики и оценочные комментарии при компьютерно-опосредованной коммуникации [Электронный ресурс] / М. А. Егорова. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/otklike-i-otsenochnye-kommentarii-pri-kompyuterno-oposredovan-poy-kommunikatsii>. – Дата доступа: 26.02.2024.
7. *Формановская, Н. И.* Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения / Н. И. Формановская. – М. : Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 1998. – 291 с.
8. *Компанцева, Л. Ф.* Интернет-лингвистика: когнитивно-прагматический и лингвокультурологический подходы : монография / Л. Ф. Компанцева. – Луганск : Знание, 2008. – 527 с.
9. *Чернявская, В. Е.* Лингвистика текста. Лингвистика дискурса / В. Е. Чернявская. – М. : Флинта, 2013. – 208 с.
10. *Crystal, D.* Language and the Internet / D. Crystal. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2001. – 275 p.

Чайка Наталля Уладзіміраўна

доктар філалагічных навук, прафесар,
прафесар кафедры мовазнаўства
і лінгвадыдактыкі
Беларускі дзяржаўны педагагічны
ўніверсітэт імя Максіма Танка
г. Мінск, Беларусь

Natallia Chaika

Habilitated Doctor of Philology, Professor,
Professor of the Department
of Linguistics and Linguodidactics
Belarusian State
Pedagogical University
named after Maxim Tank
Minsk, Belarus

НЯПОЎНЫЯ І ЭЛІПТЫЧНЫЯ КАНСТРУКЦЫІ Ў ПУБЛІЦЫСТЫЧНЫХ
ВЫДАННЯХ ПАЧАТКУ ХХ СТАГОДДЗЯ

INCOMPLETE AND ELLIPTICAL CONSTRUCTIONS IN JOURNAL PUBLICATIONS
OF THE EARLY 20th CENTURY

У артыкуле аналізуюцца канструкцыі з асіметрычнай структурай у публіцыстычных выданнях пачатку ХХ ст., праводзіцца кароткі агляд галоўных сучасных метадалагічных прынцыпаў даследавання сінтаксічных з'яў. Прадстаўлены асноўныя тыпы структурна-сінтаксічных мадыфікацый: няпоўныя сказы, эліптычныя сказы, канструкцыі з імпліцытнай семантыкай. У даследаванні паказаны відавныя класы кожнай варыятыўнай сінтаксічнай адзінкі, іх семантычныя і структурныя віды, спосабы выражэння прэдыкацыйных значэнняў і кампенсаторныя кампаненты.

К л ю ч а в ы я с л о в ы: канструкцыі з эліпсісам дзеяслова; няпоўныя сказы; экспрэсіўная функцыя; канструкцыі з імпліцытнай семантыкай; вытворныя канструкцыі; канструкцыі з асіметрычнай структурай.

The article examines the constructions with asymmetric structure in journalistic editions at the beginning of the 20th century. The author gives a short review of the basic contemporary methodological principles of syntactic phenomena investigation. The main types of structural syntactic modifications – incomplete sentences, elliptical sentences, sentences with implicit semantics – are presented. The research demonstrates specific classes of every varying syntactic unit, their semantic and structural types, means of expressing predicative meanings and the compensatory components.

Key words: constructions with verb ellipsis; incomplete sentences; expressive function; constructions with implicit semantics; derivative constructions; constructions with an asymmetric structure.

На сучасным этапе развіцця лінгвістыкі пільная ўвага даследчыкаў прыцягваецца да значымасці моўных адзінак у працэсе іх ужывання. У гэтай сувязі асабліваю цікавасць уяўляе вывучэнне прагматыкі публіцыстычнага тэксту, а таксама прагматычнага патэнцыялу сінтаксічных

адзінак. Нягледзячы на значную ступень распрацаванасці названай навуковай праблемы, у беларускім мовазнаўстве дадзенае пытанне разгледжана недастаткова, таму існуе неабходнасць даследавання сінтаксічных дэрыватаў у межах структурна-прагматычнага падыходу, якія актуалізуюць інтэнцыі аўтара і вызначаюць ступень уздзеяння на чытача.

Мэта даследавання ў артыкуле – выявіць структурна-семантычныя тыпы няпоўных і эліптычных канструкцый у публіцыстычных выданнях пачатку XX стагоддзя.

У сучаснай лінгвістыцы структурна-сінтаксічныя мадыфікацыі разглядаліся ў розных аспектах – тыпалагічным, структурна-семантычным і прагматычным. Г. П. Кібрык, А. Я. Мельнікаў, Л. І. Бурак, К. Кёрнс, Г. Ліман [1–5] і інш. распрацавалі прынцыпы структурнасці і сістэмнасці, з дапамогай якіх выяўляюцца тыпы і віды сінтаксічных канструкцый з пропускам асобных кампанентаў. Спецыфічныя асаблівасці будовы і семантычнай арганізацыі структурна-сінтаксічных мадыфікацый дазваляюць ім выступаць у якасці сродку экспрэсіі і выконваць прагматычныя функцыі.

Няпоўныя канструкцыі шырока прадстаўлены ў публіцыстычных выданнях XX ст. і выконваюць пераважна экспрэсіўную функцыю. Асаблівасцю структурнай арганізацыі няпоўных канструкцый з'яўляецца той факт, што кампенсаторным у іх выступае кампанент, які дублюецца ў кантэксце. Пропуск выказніка вызначае ступень экспрэсіі канструкцыі, яго змест узнаўляецца на ўзроўні складанага сінтаксічнага цэлага. У кантэксце эліпсаваная лексема дублюецца: *На ўсход ад вёскі ў сажанях сто знаходзіцца старая капліца. Могілкі ў 200 сажанях на паўднёвы ўсход* (Наш край, 1928, № 10, с. 30); *Замгандаць перадаў Музею колекцыю монэт (75 экзemplяраў). Наркамзем – ацалейшыя ў савецкіх гаспадарках абразы, партрэты, зброю і інш.* (Наш край, 1927, № 10, с. 48); *Дзікія гусі трапляюцца каля Кузьмічоў. Далей – дзікія качкі, крукі, чайкі ...* (Наш край, 1928, № 3, с. 34). Апушчаны кампанент можа праецыравацца на змест поўнага сказа: *Дык што ж, дзеўка харошая. ... А як жа на эта жаніх глядзіць? Дык ён-жа во ён. ...* (Наш край, 1926, № 4–5, с. 45); *У апошнія гады перад вайной паны любілі здаваць свае сенажаці «на часць». Тры капы пану, чацвёртая – «людзям», а калі сенажаць дрэнная, трэцяя капа ішла «людзям»* (Наш край, 1926, № 10–11, с. 37). Рэдукцыя кампанентаў сказа надае канструкцыі пэўную ступень незавершанасці.

Экспрэсіўная функцыя няпоўных канструкцый рэалізуецца ў структуры поліпрэдыкатыванай сінтаксічнай канструкцыі: *Малады садзіцца ў павозку, з ім побач – сястра і шафары, на другім кані – музыкі* (Наш край, 1928, № 4, с. 38); *Але вось усё закончана: закуска на стале, самагонка ў бутэльках* (Наш

край, 1928, № 11, с. 38); *Ёсць дзве вітрыны, якія паказваюць барацьбу за існаванне паміж сысунамі і птушкамі: адна група – напад арла на ліса, другая – куратніка на зайца* (Наш край, 1928, № 12, с. 82); *Весялоўка. Адсюль па рэспубліканскай вуліцы экскурсант выходзіць на Людаманскі завулак, дзе пачынаюцца вуліцы, заселеныя абеларушчынымі татарамі, на рагу – мячэць; можна назіраць цікавыя бытавыя малюнкi* (Наш край, 1929, № 4, с. 15). Часам з дапамогай сінтаксічнай непаўнаты рэпрэзентуецца функцыя лаканічнасці. Такія канструкцыі часцей за ўсе маюць семантыку статальнай лакалізацыі: *Вёска Кабылякі ляжыць на правым беразе, ёсць «верхнія» і «ніжнія» Кабылякі, і адны – над самай рэчкай, на першай тэрасе, і другія недзе высака, за равамі, за лесам, на карэнным беразе* (Наш край, 1926, № 4–5, с. 56); *Значыць, вам трэба фурманкай, але заўтра ў нас дзень не рыначны, сялян не будзе...* (Наш край, 1929, № 6–7, с. 61); *Вакол балоты, у сярэдзіне вёска Мглё на беразе вечна вясёлай, светлай, глыбокай Усяжыракі* (Наш край, 1930, № 5–6, с. 27); *І назва паказвае, што навокал – мгла, гразь, балота* (Наш край, 1930, № 5–6, с. 27).

Эліптычныя канструкцыі сустракаюцца ў ранейшых публіцыстычных выданнях. На аснове кампенсаторных здольнасцей кампанентаў ажыццяўляецца іх рода-відавая кваліфікацыя. Функцыя эліптычных канструкцый у публіцыстычным тэксце – экспрэсіўная, рэпрэзентацыя якой рэалізуецца з дапамогай розных сродкаў.

Адасобленыя члены, якія ўваходзяць у склад *у с к л а д н е н ы х* тыпаў канструкцый з эліпсісам дзеяслова, звязваюцца з дапамогай рознай сінтаксічнай сувязі і адносін. Паўпрэдыкатывая сінтаксічная сувязь назіраецца ў канструкцыях з адасобленымі акалічнасцямі: *Адсюль па людаманскай вуліцы, пакідаючы ззаду маляўнічы Менск, з левага боку – найпрыгажэйшыя выкручастыя берагі Свіслачы і з правага – прадмесце* (Наш край, 1929, № 4, с. 15); *Дачка, падаўшы настольнік, барджэй на печ* (Наш край, 1928, № 6–7, с. 47). Атрыбутывая сінтаксічная сувязь звязвае звычайна адасобленае азначэнне са сказам, аднак кампенсаторная функцыя падобных канструкцый паслабленая: *На зваротным з царквы шляху маладых у кожнай вёсцы, праз якую яны праязджаюць, спыняюць у «вешніцы» – ставяць стол, аздоблены кветкамі, на стале – хлеб, пасыпаны соллю, і шклянка, поўная вады – «каб жыццё было поўнае»* (Наш край, 1928, № 6–7, с. 38).

С к л а д а н ы я канструкцыі з эліпсісам дзеяслова часам сустракаюцца і ў публіцыстычных выданнях. Сінтаксічная сувязь паміж часткамі поліпрэдыкатываючай сінтаксічнай адзінкі ў большасці выпадкаў бяззлучнікавая: *У горадзе – два сады, адзін на плошчы Свабоды, другі – на краі ўзгорку, які называецца «Ксяндзоўка»* (Наш край, 1927, № 3 с. 22); *Пасля закускі –*

скокі; на прасторы 16–20 квадратных аршынаў кружацца 8–10 пар; увесь час – размовы гасцей (Наш край, 1928, № 6–7, с. 35); Сам гадаваў, – цяпер хлопчык у лесе з жывёлаю, дзяўчынка жне жыта (Наш край, 1926, № 8–9, с. 64); З хаты – другі выхад у хлеў, заміж дзвярэй – з нячэсаных дошак варотцы (Наш край, 1926, № 8–9, с. 64); На самым куце садзяць яго сястру, па яе левую руку – малады, па правую – сваты (Наш край, 1928, № 6–7, с. 38); Дараванне – самы шумны момант вяселля: дружок крычыць сваё, дзяўчаты спяваюць песні, музыка іграе, сваткі скачуць. І ўсё гэта ў адзін і той самы час (Наш край, 1928, № 6–7, с. 56); Начуем на хутары Холбні, прайшоўшы кіламетры 1,5 ад Дняпра. Хутар старога, «Сталыпінскага» тыпу: чатырохкутны двор, абнесены будоўлямі ды высокім парканам, у вадным куце двара – хата, вокнамі на вуліцу (Наш край, 1926, № 4–5, с. 60); У Шматаве цэлае мора святочна апанутага народу, асабліва жаночая палова старання вынесла на «мір» свае рознаколерныя хустачкі, спадніцы, андаракі (Наш край, 1926, № 4–5, с. 61).

Складаныя сінтаксічныя канструкцыі з пропускам дзеяслова, часткі якога звязваюцца злучнікавай сувяззю, сустракаюцца рэдка. Паміж прэдыкатыўнымі часткамі такой канструкцыі назіраюцца ўмоўна-выніковыя сінтаксічныя адносіны: *Калі вяселле дзе ладзіцца, то гэта вяселле ўсёй вёскі* (Наш край, 1926, № 10–11, с. 38); атрыбутыўныя: *Пад страхю – новы кованы воз – гэта на змену саням, на якіх дагэтуль цэлы год арудаваў* (Наш край, 1926, № 8–9, с. 63).

Семантычныя тыпы канструкцый з эліпсісам дзеяслова больш разнастайныя, часта назіраюцца канструкцыі с семантыкай статальнай лакалізацыі. Колькасць іх ужывання абумоўлена магчымасцю ўжо на ўзроўні сінтаксічных кампанентаў утвараць тыповую сітуацыю. Часцей за іншыя апускаецца дзеяслоў са статальным значэннем, што выклікана камунікатыўным заданнем эліптычнага сказа – паказаць месца размяшчэння аб'екта або проста ўказаць на яго наяўнасць. Дамінуючым кампанентам у рэалізацыі семантыкі выступае лакатыў: *Шызыя туманы над балотам у сырыя ночы...* (Савецкая краіна, 1931, № 8, с. 45); *Морва ў Полаччыне* (Наш край, 1926, № 10–11, с. 23); *Замак у Рагачове* (Наш край, 1926, № 10–11, с. 28); *Рысы калектывізму сярод сялян* (Наш край, 1926, № 10–11, с. 36); *У дарэвалюцыйныя часы* (Наш край, 1926, № 10–11, с. 36); *Тысячагодні дуб у Вазяранскім лясніцтве* (Наш край, 1926, № 10–11, с. 40); *Помнік у Студзенцы* (Наш край, 1926, № 10–11, с. 49); *Менск у дні беларускай эвакуацыі* (Наш край, 1930, № 7–8, с. 5); *Налева – павільёны прамысловасці* (Савецкая краіна, 1930, № 10, с. 11).

Лакатыў са статыльным значэннем часцей за ўсё стаіць у абсалютным канцы сказа: *Бабровая хатка над возерам «Асінка» каля хутара «Дубніцкі»* (Наш край, 1927, № 3, с. 27); *Дрэвастаны сярод палей* (Наш край, 1927, № 3, с. 12); *Правы бераг Прыпяці каля Мазыра* (Наш край, 1927, № 3, с. 17); *Татары на Беларусі* (Наш край, 1926, № 1, с. 19). У выпадку, калі семантычны акцэнт прыпадае на аб'ект, сінтаксічная пазіцыя лакатыва пераносіцца на пачатак сказа: *З дзвярэй у дзверы – павільён паляводства* (Наш край, 1930, № 10, с. 14); *Ад яго ўлева – шафяры* (Наш край, 1928, № 6–7, с. 67) або тэмпаратыў: *На чыгуначнай станцыі пасля віхраслупу* (Наш край, 1927, № 5, с. 51); *Гай ля чыгуначнай станцыі пасля віхраслупу* (Наш край, 1927, № 5, с. 51); *Двор у вёсцы Прудок пасля віхраслупу* (1927, № 5, с. 52); *Вёска Замошша пасля віхраслупу* (Наш край, 1927, № 5, с. 52); *Свіслацкі замак у 1560 годзе* (Наш край, 1927, № 5, с. 62); *У кутку – старасвецкія жаронцы* (Наш край, 1926, № 8–9, с. 64); *У канцы вёскі Кузовічы саматужная цагельня* (Наш край, 1926, № 4–5, с. 62); *На панадворку – кіі, жэрдкі, бяргвенні* (Наш край, 1926, № 8–9, с. 63).

Выражаюцца лакатывы пераважна назоўнікамі або займеннікамі: *Даліна ракі Сіняй у Замоскім сельскім савеце* (Наш край, 1927, № 5, с. 22); *Нацыянальны музей у Гэльсінках* (Наш край, 1928, № 5, с. 15); *Музей на выспе* (Наш край, 1928, № 5, с. 19); *Кірмаш у м. Клічаве Бабруйскае акругі* (Наш край, 1928, № 5, с. 25); *Жалезная руда на Мазыршчыне* (Наш край, 1928, № 1, с. 26); *Цікавы рачок у Горках* (Наш край, 1928, № 1, с. 32); *Аб вывучэнні гісторыі асветы ў Беларусі* (Наш край, 1928, № 1, с. 49); *Слецыя краязнаўцы на возеры Князь-жыд* (Наш край, 1928, № 2, с. 42); *Жалезная руда на Мазыршчыне* (Наш край, 1926, № 8–9, с. 43); *Гарадзішча пры паселішчы Бабынавічы* (Наш край, 1926, № 8–9, с. 56). Відавочна, што эліптычныя канструкцыі са значэннем статыльнай лакалізацыі маюць структурна-семантычны адметнасці, якія вызначаюцца ў характары прэдыката. Уласцівае эліпсаванаму прэдыкату значэнне статыльнай лакалізацыі абумоўлівае характар семантычных кампанентаў. Мадэль эліптычных канструкцый трохкампанентная: уключае аб'ект, статыльны прэдыкат і лакатыў. Кампенсаторным кампанентам можа выступаць лакатыў, які мае спецыфічную граматычную форму – роднага, меснага або творнага склонаў. Такія спосабы выражэння лакатываў спалучаюцца толькі з дзеясловамі з семантыкай статыльнай лакалізацыі (а не з семантыкай руху ці перамяшчэння ў прасторы). Лакатывы з'яўляюцца выразным сродкам рэалізацыі семантыкі статыльнай лакалізацыі.

У публіцыстычных выданнях сустракаюцца эліптычныя сказы з семантыкай перамяшчэння ў прасторы. Мінімальны колькасны склад падобных канструкцый змяшчае тры пазіцыі – прэдыкат (эліпсаваны),

суб'єкт і лакатыў, у якіх атрымліваюць сваё выражэнне кампаненты семантычнай структуры. Лакатыў выконвае ролю кампенсаторнага кампанента і з'яўляецца абавязковай умовай функцыянавання эліптычных канструкцый: эліпіс дзеяслова павінен кампенсаватца іншымі моўнымі сродкамі, якія канкрэтызуюць прыналежнасць эліпсаванага дзеяслова да пэўнай лексіка-семантычнай групы.

Падобныя сказы ўказваюць звычайна на кірунак руху: *За ім у дагонку – дзікі рогат, гіганце, сьвісты* (Наш край, 1930, № 7–8, с. 7); *З кіем па раёну* (Наш край, 1926, № 8–9, с. 62); *А вось з кустоў каля гумна сам гаспадар з касою* (Наш край, 1926, № 8–9, с. 63). Выражаюцца лакатывы звычайна формамі назоўніка або займенніка, набываюць функцыю семантычнай дамінанты.

Рэдка сустракаюцца у публіцыстычных выданнях ХХ ст. эліптычныя канструкцыі з семантыкай маўленчых працэсаў і актыўнага дзеяння. Адзінкаваць ужывання такіх канструкцый можна растлумачыць тым, што ў аналізуемы перыяд яны не набылі рэгулярны характар. Выкарыстоўваюцца канструкцыі са значэннем маўленчых працэсаў пераважна ў дыялогах: *А ім у адказ: – Досыць Вам гаварылі ўжо пра калгасы...* (Наш край, 1930, № 7–8, с. 39), пры гэтым у іх назіраюцца структурна-семантычныя пераўтварэнні (у дадзеным выпадку адддзеяслоўныя). Сказы са значэннем актыўнага дзеяння можна сустрэць ў загалойках артыкулаў: *Музей рэвалюцыі к дзесяцігоддзю Кастрычніка* (Наш край, 1927, № 10, с. 53).

Выражэнне прэдыкатывых значэнняў у выданнях рэгулюецца пераважна структурнымі механізмамі. Напрыклад, у эліптычнай канструкцыі значэнне тэмпаральнасці рэалізуецца з дапамогай дэтэрмінаваных членаў сказа: *Менск у сярэдневечча* (Наш край, 1928, № 1, с. 56); *Структура цэхаў у 19 сталеці* (Наш край, 1927, № 3, с. 6). Выражэнне сінтаксічнай мадальнасці абумоўлена фармальна-грамматычнымі фактарамі і маркіруецца з дапамогай інтанацыі: *Наперад!* (Наш край, 1930, № 10, с. 11); *Ой-жа, Дзівутка! Ды каб жа тое хутчэй у наш калгас!* (Наш край, 1930, № 10, с. 14); *Ну дык Зьмітракову дзеўку?* (Наш край, 1928, № 1, с. 45); *Ну а да выпіўкі як, дзядуля ?* (Наш край, 1928, № 6–7, с. 80). Як можна ўбачыць, сродкі і спосабы выражэння тэмпаральнасці, мадальнасці і персанальнасці не разнастайныя.

Часцей за ўсё эліптычныя канструкцыі сустракаюцца ў назвах артыкулаў: *Пытанні прамысловасці ў 2-й пяцігодцы па Асіповіцкаму раёну* (Савецкая краіна, 1931, № 8, с. 42); *Яшчэ аб ахове прыроды* (Наш край, 1926, № 10–11, с. 39); *Халопеніцкі раён па шляху суцэльнай калектывізацыі*

(Савецкая краіна, 1930, № 7–8, с. 30); *Аб удзеле краязнаўчых арганізацый у выкананні промфінпляну* (Савецкая краіна, 1930, № 10, с. 8); *Некалькі слоў аб Менскіх татарых* (Наш край, 1927, № 5, с. 27); *З гісторыі Аршанскага друку* (Наш край, 1927, № 5, с. 78); *Аб морве і гадоўлі шаўкоўнага вусеня ў Слуцкай акрузе* (Наш край, 1927, № 3, с. 30); *Аб удзеле краязнаўчых арганізацый у справе геабатанічнага даследавання Беларусі* (Наш край, 1927, № 3, с. 31); *Аб летапісах* (Наш край, 1927, № 3 с. 12); *Аб збіранні слоўнікавага народнага матэрыялу ў беларускай мове ў 1926 годзе* (Наш край, с. 57); *Да пытання аб шляхох пералёту птушак* (Наш край, 1927, № 3 с. 60); *З магілёўскага музею* (Наш край, 1926, № 1, с. 63); *Поэма «Тарас на Парнасе» – у краязнаўчым асьвятленьні* (Наш край, 1928, с. 5, 22); *Аб краязнаўстве ў дзяцячым малюнку* (Наш край, 1928, с. 5, 27); *Лютаўская рэвалюцыя ў Магілёве* (Наш край, 1928, с. 5, 43); *Краязнаўства ў працы прафсаюзных арганізацый* (Наш край, 1928, с. 5); *Яшчэ пра біоклімат Беларусі* (Наш край, 1928, с. 5, с. 78); *Аб краязнаўстве ў Фіншчыне* (Наш край, 1928, с. 5, 12); *Да пытання аб вывучэнні фаўны мясцовага краю* (Наш край, 1928, № 1, с. 20); *Аб зборы лекавых траў* (Наш край, 1926, № 4–5, с. 21); *З падарожных запісаў* (Наш край, 1926, № 4–5, с. 56); *Па ўсходніх раёнах БССР* (Наш край, 1926, № 4–5, с. 56); *Апалавыя рэсурсы БССР* (Савецкая краіна, 1933, № 1, с. 59); *Карысныя выкапні ў Шарцінскім і Прысцяцкім сельсаветах Веткаўскага раёну* (Савецкая краіна, 1933, № 1, с. 71).

Спецыфічныя асаблівасці канструкцый з сінтаксічнымі сінанімічнымі пераўтварэннямі былі выяўлены на аснове кампенсаторнай прыкметы ў перыядычных выданнях ХХ стагоддзя. Вызначэнне семантыкі словаформы ў вышэйназваных канструкцыях магчыма з дапамогай трансфармацыйнай парадыгмы, таму і сістэматызацыю мэтазгодна праводзіць у адпаведнасці з гэтай прыкметай. За аснову тыпалогіі канструкцый з сінанімічнымі сінтаксічнымі пераўтварэннямі, на наш погляд, павінен быць узяты характар сінтаксічнай сувязі – канстантны або пераменны. Важным крытэрыем таксама выступае функцыя кампанента – рэляцыйная або прэдыкатыўная. На аснове такіх параметраў канструкцыю *Сцяпан – у салдатах. Тры гады ўжо* (З. Б.) можна кваліфікаваць як канстантна-непераўтваральную прэдыкатыўную, а канструкцыю *То баль, то – ў пострыг. Гэта несур’ёзна* (Бар.) як канстантна-пераўтваральную прэдыкатыўную, канструкцыю *У позірках – ірадасць, і вясна* (Я. Б.) як канструкцыю пераменна-пераўтваральную рэляцыйную. Такая класіфікацыя, на наш погляд, магла б ахапіць усе сінанімічныя сінтаксічныя пераўтварэнні і перафразаванні.

Часцей за ўсё сустракаецца вытворная сінтаксічная канструкцыя *б е з м е н ы к л а с а с л о ў*. У названым тыпе канструкцый суб’ект і прэдыкат захоўваюць свае функцыі, гэта значыць не пераўтвараюцца. Змяняецца

звычайна толькі форма прэдыката. Такія канструкцыі характарызуюцца канстантным характарам сінтаксічнай сувязі і адносін і пераменным характарам граматычных форм.

Сінтаксічныя сінанімічныя пераўтварэнні відазмяняюць выказнік у форму ўскоснага склону, і ў такім выпадку словаформа набывае новыя функцыі, прэдыкат пры гэтым, як правіла, рэляцыйны: *Краязнаўства ў сучаснай графіцы* (Наш край, 1926, № 12, с. 37); *Краязнаўства ў гаспадарчым і культурным будаўніцтве краю* (Наш край, 1926, № 12, с. 5).

Нетыповую форму прэдыката маюць вытворныя канструкцыі з адносінамі тоеснасці. У дадзеным выпадку канструкцыйная парадыгма словаформ уключае прэдыкатыўныя і залежныя кампаненты: *Рэшткі Менскага Замчышча збоку ракі Свіслачы* (Наш край, 1928, № 3, с. 7); *Гароду – тры дзесяціны..., прычым гарод у Чаплях вельмі добры. Пахаці – 16 дзесяцін, санажаці – 7 дзесяцін* (Наш край, 1929, № 4, с. 23).

У канструкцыях са зменай лексіка-граматычнага разраду слоў сустракаюцца сінанімічныя сінтаксічныя пераўтварэнні. Прэдыкат у такіх канструкцыях можа трансфармавацца ў форму назоўніка. Спецыфічнае семантычнае нападзенне некаторых канструкцый дазваляе залежнаму кампаненту ўтвараць значны функцыянальны дыяпазон. Такія выпадкі некаторыя даследчыкі адносяць да якаснага прэдыцыравання [1], на што ўказвае нерэфэрэнтны характар кампанента. У названых канструкцыях залежны кампанент страчвае рэфэрэнтныя якасці і набывае прэдыкатыўныя. Гэта дазваляе ім утвараць аманімічныя формы з эліптычнымі сказамі, а словаформы набываюць поліфункцыянальны характар. Пераўтварэнне кампанентаў «дзеяслоў – назоўнік у форме назоўнага склону» звычайна назіраецца ў канструкцыях з экзістэнцыяльнымі прэдыкатамі з часовай суаднесенасцю: *А вось на агародах жудасны плач дзяцей* (Наш край, 1930, № 7–8, ст. 7). Сказы з названымі канструкцыямі адносяць да эліптычных з пропускам экзістэнцыяльнага прэдыката.

Сустракаюцца канструкцыі са структурнымі пераўтварэннямі, якія абумоўлены спецыфікай публіцыстычнага стылю: *Краязнаўства на выкананне праграмы пабудовы сацыялізму* (Савецкая краіна, 1932, № 1, с. 8); *Краязнаўцы на барацьбу за выкананне пляну прамысловасці 1932 году заключнага году пяцігодкі* (Савецкая краіна, 1933, № 2, с. 4); *Польскія працоўныя масы ў сацыялістычным будаўніцтве БССР* (Савецкая краіна, 1932, № 10, с. 41); *Нацыянал-дэмакраты «за працай»* (Савецкая краіна, 1930, № 1–2, с. 17); *Краязнаўства – на службу сацыялістычнага будаўніцтва ў вёсцы* (Савецкая краіна, 1930, № 1–2, с. 38).

На прэдыкатыўны характар іменных словаформ указвае трансфармацыйная парадыгма канструкцый: *Краязнаўства выконвае – Краязнаўства на выкананне* і інш. Падобныя канструкцыі могуць уступаць у адносіны канструкцыйнай аманіміі з эліптычнымі сказамі тыпу *Дзеці ў хату*. Функцыянальны дыяпазон словаформ будзе наступным: прэдыкат (акцыянальны) – лакатыў.

Пераўтварэнне ў канструкцыях з акцыянальным прэдыкатам *Спасіба, кум. Гарэлка яшчэ наперадзе* (Наш край, 1928, № 6–7, с. 47); *Войска – з народамі* (Наш край, 1928, № 6–7, с. 45); *У адказ гулкае «ўра», марсельеза, абяцанні салдат абараняць рэвалюцыю* (Наш край, 1929, № 3, с. 45) ускладняецца структурай прэдыката. У яго склад уваходзяць кампаненты з пераносным значэннем. У якасці кампенсаторнага кампанента тут выступаюць семантыка-сінтаксічныя адносіны паміж кампанентамі сказа.

Такім чынам, ў публіцыстычных выданнях ХХ ст. назіраюцца канструкцыі з асіметрычнай структурай – няпоўныя і эліптычныя канструкцыі, сінтаксічныя сінанімічныя пераўтварэнні. Няпоўныя канструкцыі ў якасці кампенсаторнага змяшчаюць кампанент, які дублюецца ў кантэксце. У большасці выпадкаў апускаецца дзеяслоўны выказнік, змест якога ўзнаўляецца на ўзроўні складанага сказа або складанага сінтаксічнага цэлага. Семантыка няпоўных канструкцый не характарызуецца разнастайнасцю: гэта пераважна сказы, што ўказваюць на статальную лакалізацыю аб'екта, актыўнае дзеянне, перадачу матэрыяльных аб'ектаў.

Структурныя тыпы эліптычных канструкцый у публіцыстычных выданнях сустракаюцца ў абмежаванай колькасці. Назіраюцца эліптычныя канструкцыі ўскладненай будовы з адасобленымі азначэннямі і акалічнасцямі. Кампенсаторная функцыя названых кампанентаў ажыццяўляецца на аснове паўпрэдыкатыўнай сінтаксічнай сувязі. Выяўлены складаныя паводле будовы эліптычныя канструкцыі: кампенсаторная функцыя ў іх ажыццяўляецца на аснове бяззлучнікавай або злучнікавай (рэдка) сінтаксічнай сувязі паміж часткамі.

У публіцыстычных выданнях ХХ ст. сустракаюцца эліптычныя канструкцыі з семантыкай статальнай лакалізацыі, перамяшчэння ў прасторы, маўленчых працэсаў і актыўнага дзеяння. Часцей за ўсё гэта канструкцыі з семантыкай статальнай лакалізацыі, што звязана з якасным складам семантычных кампанентаў: яны ўказваюць на тыповую сітуацыю. Падобныя канструкцыі складаюцца з наступных кампанентаў: аб'ект, прэдыкат (эліпсаваны) і лакатыў. Кампенсаторным кампанентам можа выступаць ла-

катыў, які выражаецца рознымі формамі назоўнікаў і займеннікаў, а таксама прыслоўямі. Канструкцыі з семантыкай статальнай лакалізацыі часцей за ўсё ўжываюцца ў назвах артыкулаў.

Вызначаны канструкцыі з семантыкай перамяшчэння ў прасторы. Кампанентны склад названых сказаў змяшчае аб'ект, прэдыкат, лакатыў. Кампенсаторным кампанентам выступае лакатыў, які выражаецца назоўнікамі, займеннікамі і прыслоўямі. Эліптычныя сказы з семантыкай маўленчых працэсаў і актыўнага дзеяння сустракаюцца ў выданнях надзвычай рэдка, што тлумачыцца іх нерэгулярным характарам у аналізуемы перыяд. Ужываюцца названыя канструкцыі пераважна ў дыялогах.

Прэдыкатыўныя значэнні эліптычных канструкцый у публіцыстычных выданнях выражаюцца традыцыйным спосабам: з дапамогай інтанацыі, формаўтваральных часціц і дэтэрмінаваных членаў сказа.

У публіцыстычных выданнях XX ст. выяўлены канструкцыі з сінанімічнымі сінтаксічнымі пераўтварэннямі. Найбольш часта назіраюцца сінтаксічныя трансфармацыі без змены лексіка-граматычнага класа слоў. Сінтаксічная сувязь у падобных сказах канстантная, а граматычныя формы набываюць пераменны характар. У канструкцыях са зменай лексіка-граматычнага класа слоў адбываецца пераўтварэнне дзеяслоўнага прэдыката ў іменны. Пры гэтым сінтаксічныя сувязі і адносіны характарызаюцца канстантным характарам. Выкарыстоўваюцца вытворныя канструкцыі пераважна ў назвах артыкулаў.

ЛІТАРАТУРА

1. *Кибрик, А. Е.* Константы и переменные языка / А. Е. Кибрик ; Моск. гос. ун-т, филол. Фак-т. – СПб. : Алетейя, 2005. – 719 с.
2. *Мельников, Г. П.* Системная типология языков: принципы, методы, модели / Г. П. Мельников ; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 2003. – 393 с.
3. *Бурак, Л. І.* Далучэнне ў сучаснай беларускай мове / Л. І. Бурак ; навук. рэд. М. А. Жыдовіч. – Мінск : Выд-ва БДУ, 1975. – 256 с.
4. *Kearns, K.* Epistemic verbs and zero complementizer / K. Kearns // *English Language and Linguistics*. – 2007. – Vol. 11, № 3. – P. 475–505.
5. *Lehman, H. M.* Zero subject relative constructions in American and British English / H. M. Lehman // *New frontiers of corpus research* / ed. P. Peters. – Amsterdam, 2002. – P. 163–177.

КРЫНІЦЫ ПРЫКЛАДАЎ

Я. Б. – *Брыль, Я.* Запаветнае / Я. Брыль. – Мінск : Беллітфонд, 1999. – 442 с. – (Беларускі кнігазбор).

З. Б. – *Бядуля, З.* Збор твораў : у 5 т. / З. Бядуля ; рэдкал.: У. В. Гніламёдаў [і інш.]. – Мінск : Маст. літ., 1985–1989. – 5 т.

Бар. – *Баравікова, Р.* Рамонкавы бераг : вершы / Р. Баравікова. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1974. – 80 с.

РОМАНСКОЕ И ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ**УДК 81.112.2'42 (045)****Куценко Надежда Владимировна**

кандидат филологических наук, доцент
кафедры теории и практики немецкого языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Nadzeja Kutsenka

PhD in Philology,
Associate Professor of the Department
of Theory and Practice
of the German Language
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
nwkutsenko@gmail.com

**РЕАЛИЗАЦИЯ КОСВЕННОГО РЕЧЕВОГО АКТА ПРИГЛАШЕНИЯ
В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ****IMPLEMENTATION OF THE INDIRECT SPEECH ACT
OF INVITATION IN GERMAN**

В статье рассматривается специфика реализации косвенного речевого акта приглашения в немецком языке. Важную роль в процессе формирования и интерпретации приглашения играют экстралингвистические факторы, которые позволяют адресанту актуализировать интенцию косвенного приглашения. К таким факторам относятся наличие информации о предстоящем событии, установки говорящего и слушающего, позиции в диалоге, перлокутивные эффекты, условия успешности, а также коммуникативные ходы для осуществления намерения. Учет данных факторов позволяет говорящему сформировать успешную стратегию коммуникации.

К л ю ч е в ы е с л о в а: директивный речевой акт; приглашение; интерпретация; степень настоятельности; языковые средства; иллокуция.

The article examines the specifics of the implementation of the indirect speech act of invitation in the German language. An important role in the process of forming and interpreting an invitation is played by extralinguistic factors that allow the addressee to realize the intention of an indirect invitation. Such factors include the availability of information about the upcoming event, the attitudes of the speaker and listener, positions in the dialogue, perlocative effects, success conditions, as well as communicative moves to implement the intention. Taking these factors into account allows the speaker to form a successful communication strategy.

Key words: directive speech act; invitation; interpretation; degree of urgency; linguistic means; illocution.

В процессе общения говорящий оказывает воздействие на слушающего посредством использования директивных речевых актов различной степени настоятельности. Рассматривая директивы, исследователи выделяют классы побуждений в зависимости от степени настоятельности высказывания. Фокусом исследования в данной статье является косвенный речевой акт приглашения. Е. И. Беляева и А. В. Дорошенко относят приглашение к реквестивным речевым актам, которые характеризуются неприоритетной позицией говорящего [1, с. 8; 2, с. 20–21]. А. Носрати и Т. В. Тарасенко рассматривают приглашение как экспрессивный речевой акт, направленный на установление, поддержание и регулирование отношений между собеседниками [3, с. 128; 4, с. 5]. Иллокутивная цель этого действия коммуникации заключается в том, «чтобы выразить психологическое состояние, задаваемое условием искренности относительно положения вещей, определяемого в рамках пропозиционального содержания» [5, с. 183]. Данные действия называются также актами, регулирующими межличностные отношения [6, с. 42].

Задачей данного исследования является рассмотрение факторов, играющих важную роль в процессе реализации косвенного приглашения в немецком языке.

Материалом для исследования послужили 115 контекстов, содержащих речевые акты приглашения. Данные контексты были отобраны из произведений художественной литературы на немецком языке начала XXI века.

К косвенным способам выражения приглашения относятся репрезентативные и интеррогативные высказывания, в которых интенция побуждения выводится на основе логического анализа языковых средств и контекста ситуации, например:

Ich werde mich freuen, Sie morgen bei unserer Feier zu sehen ‘Я буду рада видеть Вас на нашем празднике’ [RH, S. 56].

В данном случае формально фиксируется радость касательно определенного намерения. Вместе с тем ситуация общения позволяет интерпретировать данное высказывание и как приглашение.

Вопросительные конструкции обращены к собеседнику, побуждая его к вербальному взаимодействию и предоставлению ответной информации:

Kommst du heute zu dieser Veranstaltung, von der ich dir erzählt habe? ‘Ты сегодня придешь на это мероприятие, о котором я тебе рассказывала?’ [GG, S. 78].

На первом плане в вопросительной конструкции находится эпистемическая модальность предположения, но ситуация общения в данном случае такова, что доминировать начинает приглашение. Таким образом,

при интерпретации повествовательных и вопросительных конструкций с семантикой косвенного приглашения для правильного вывода смысла высказывания необходимо рассмотрение лингвистических средств и экстралингвистических факторов в комплексе. В этой связи исследователи отмечают, что «анализ коммуникативной ситуации порождает ожидания относительно вероятных целей участников и возможных речевых действий», однако «окончательная интерпретация высказывания в плане его стратегического назначения должна основываться на анализе самого высказывания» [7, с. 130].

Анализ стратегического аспекта речевых актов позволил О. С. Иссерс выделить факторы, важные для описания различных речевых тактик оказания влияния. К данным факторам относятся следующие: наличие информации о предстоящем коммуникативном событии, позиции участников, установки говорящего и слушающего на тип общения (кооперативное/конфронтационное), условия успешности избранной речевой тактики, перлокутивные эффекты, свидетельствующие об успехе либо неудаче речевой тактики, возможные коммуникативные ходы для реализации намерения. Учет данных факторов влияет на выбор языковых средств для реализации конкретной интенции [7, с. 128–129].

Рассмотрение практического материала показывает, что многие из данных факторов играют большую роль в реализации косвенного речевого акта приглашения в процессе общения. Так, параметр наличия информации о коммуникативном событии включает пресуппозицию, являющуюся предварительным знанием [7, с. 128]. Особенность косвенной реализации речевого акта приглашения заключается в том, что во многих случаях адресант посредством лексических средств эксплицирует событие, в котором предполагается участие собеседника, например:

Morgen ist mein Geburtstag. Wollen wir feiern? 'Завтра мой день рождения. Отпразднуем?' [RH, S. 56].

Сообщая о предстоящем дне рождения, говорящий указывает на релевантность данной информации для собеседника. В таком случае репрезентатив (*Morgen ist mein Geburtstag*) в сочетании с вопросом (*Wollen wir feiern?*) обозначает приглашение отпраздновать данное событие.

Позиции участников в диалоге, которые являются важным параметром при выборе языковых средств выражения приглашения, зависят от статуса коммуникантов. Необходимо отметить, что языковые средства, используемые в коммуникации между людьми с разной социальной позицией, универсальны. Статус коммуникантов влияет прежде всего на интерпретацию настоятельности косвенного приглашения.

В данной связи Л. А. Азнабаева выделяет эгоцентричные и адресатоцентричные речевые акты на основе того, в чьих интересах происходит коммуникация – адресата или говорящего, т.е. на основе фактора бенефактивности действия. Согласно данной концепции, приглашение соотносится с пограничными речевыми актами, так как оно соответствует интересам и адресата, и говорящего [8, с. 50].

В большинстве случаев приглашение реализуется в процессе общения между людьми с равным статусом (90 %), например:

Ich werde froh sein, wenn du morgen kommst. Ich will mit dir etwas besprechen ‘Я буду рад, если ты завтра придешь. Я хочу с тобой кое-что обсудить’ [GG, S. 78].

Повествовательное высказывание (*Ich werde froh sein, wenn du morgen kommst*) является приглашением. Такую интерпретацию обеспечивает глагол *kommen*, показывающий характер ожидаемого действия. Вместе с тем семантика высказывания указывает на то, что данную структуру можно также интерпретировать как просьбу, так как здесь присутствует семантический компонент заинтересованности говорящего в реализации побуждения (*Ich will mit dir etwas besprechen*). Однако ситуация общения и конвенциональная структура выражения радости по случаю возможного прихода собеседника (*Ich werde froh sein, wenn...*) дают больше оснований квалифицировать это косвенное побуждение как приглашение.

При обращении к собеседнику, имеющему более низкий социальный статус, даже вежливая форма речи воспринимается как достаточно настоятельное приглашение (7 %), например:

Zum Gründungstag unserer Firma wird es einige Veranstaltungen geben. Alle Mitarbeiter sind gern als Gäste zu sehen ‘Ко дню основания нашей фирмы будут проводиться некоторые мероприятия. Будем рады видеть всех сотрудников в качестве гостей’ [IM, S. 125].

Высокий статус адресанта – речь идет об обращении главы фирмы к сотрудникам – контрастирует с вежливостью формулировки. В официально-деловой коммуникации такое приглашение можно рассматривать как настоятельное побуждение. В отличие от ситуации требования, когда неподчинение слушающего может вызвать какие-либо санкции, в данном случае неповиновение не предполагает наказания, однако оно может быть расценено как неуважение.

Приглашение, адресованное собеседнику с более высоким социальным статусом, встречалось в выборке изредка (3 %), например:

Es wäre für mich eine Ehre, Sie in meinem Haus zu sehen ‘Это была бы честь для меня увидеть Вас в моем доме’ [RH, S. 98].

При обращении используется конструкция, которая относится к высокому стилю. Форма конъюнктива *es wäre* ‘было бы’ и существительное

Ehre 'честь' усиливают вежливый характер побуждения, что свидетельствует о заинтересованности говорящего в реализации действия. Данная структура является клишированным способом выражения приглашения.

Важным параметром описания речевой тактики является установка говорящего и слушающего на тип общения. Исследователи выделяют кооперативную и конфронтационную установку, отмечая при этом, что если установки совпадают, дополнительных коммуникативных ходов не требуется [7, с. 128].

Анализ выборки свидетельствует, что приглашение реализуется только в процессе кооперативного общения, например:

Ich bin sehr glücklich, Sie zu meinem Jubiläum einladen zu dürfen 'Я очень счастлив иметь возможность пригласить Вас на мой юбилей' [RH, S. 245].

Лексема *glücklich* 'счастливый' входит в состав вводной конструкции, которая конвенциональным способом реализует косвенное приглашение.

Положительный ответ собеседника создает позитивный фон коммуникации, например:

„*Wie wäre es mit einem Spaziergang heute?*“ – „**Eine gute Idee**“
'«Как насчет прогулки сегодня?» – «**Хорошая мысль**»' [GG, S. 67].

В качестве положительной реакции в материале встречаются высказывания со следующими маркерами: *ein guter Gedanke* 'хорошая мысль', *sehr gern* 'с удовольствием', *ich habe auch daran gedacht* 'я тоже об этом подумала', *deine Einladung ist für mich sehr angenehm* 'твое приглашение для меня очень приятно', *wunderbar* 'замечательно', например:

„*Gehen wir ins Cafe?*“ – **Die Freunde waren froh und sagten: „Sehr gern.“**
'«Пойдем в кафе?» – **Друзья обрадовались и сказали: «С удовольствием»** [IM, S. 178].

Реакция коммуникантов свидетельствует о согласии, выраженном клишированной формой (*sehr gern*). Кроме вербальной репрезентации согласия в авторской ремарке присутствует также положительная эмоциональная реакция (*die Freunde waren froh*).

В редких случаях при реализации приглашения фиксировался конфронтационный характер отношений, обусловленный реакцией собеседника, например:

„*Sie kommen heute?*“ – „**Nein. Das ist ausgeschlossen**“ '«Вы придете сегодня?» – «**Нет. Это исключено**»' [GG, S. 90].

Адресат в данном примере не настроен на кооперативное общение, он категорично выражает свое нежелание встретиться. Данное высказывание создает негативный фон общения и разрушает дальнейшую коммуникацию.

Исследователи указывают на важность соответствия речевых актов условиям успешности, которые обеспечиваются уместностью использования тех или иных языковых средств в конкретной ситуации общения. Так, при официальном общении, предполагающем дистанцию между коммуникантами, обычно употребляются конвенциональные вводные конструкции: *es ist sehr angenehm für uns* 'нам очень приятно', *ich wäre glücklich* 'я был бы счастлив', *es freut mich sehr* 'меня очень радует', *es wird eine angenehme Überraschung für mich sein* 'это будет для меня приятным сюрпризом':

Es wird eine angenehme Überraschung für mich sein, wenn Sie kommen
'Это будет приятным сюрпризом, если Вы придете' [IM, S. 154].

В большинстве случаев такие высказывания можно рассматривать как клишированные способы выражения приглашения. Для языкового оформления конвенциональных вводных конструкций используются формы конъюнктива и лексические маркеры передачи положительных эмоций, например:

Ich möchte Sie herzlich einladen, mich zu besuchen 'Я хотел бы Вас сердечно пригласить посетить меня' [GG, S. 34].

Сослагательное наклонение модального глагола усиливает вежливость высказывания, а лексема *herzlich* позволяет подчеркнуть положительный фон коммуникации, что способствует кооперативному общению.

При неофициальном общении могут использоваться общие вопросы без маркеров вежливости, например:

Kommst du heute? 'Ты сегодня придешь?' [IM, S. 45].

Gehst du mit? 'Ты пойдешь с нами?' [GG, S. 204].

В повседневной речи такие вопросы с семантикой приглашения вполне уместны, однако в более официальной обстановке они могут восприниматься как невежливые.

Рассматривая перлокутивные эффекты реализации косвенного приглашения, отметим, что в большинстве случаев (96 %) намерение адресанта интерпретируется правильно и говорящий достигает своей цели, о чем свидетельствует реакция адресата, например:

„*Kommst du zu uns?*“ – „*Ja, mit Vergnügen*“ «Ты придешь к нам?» – «**Да, с удовольствием**»' [IM, S. 12].

Перлокутивный эффект здесь состоит в том, что собеседник не только соглашается принять приглашение, но и выражает радость по поводу предстоящего события.

Если адресат не может принять приглашение, он обычно называет причины, препятствующие этому, например:

„Warum fährst nicht mit mir?“ – „**Ich kann nicht jetzt. Ich habe Probleme mit Dokumenten**“ ‘«Почему ты не едешь со мной?» – «**Я сейчас не могу. У меня проблемы с документами**» [IM, S. 178].

Из контекста следует, что специальный вопрос здесь одновременно является и приглашением. Собеседник не принимает его, однако называет причину своей неготовности. Таким образом, основания для конфликта исключены и кооперативное общение может быть продолжено.

Анализируя вопрос о возможных коммуникативных ходах реализации определенной тактики, исследователи отмечают, что «в сознании говорящего имеется фрейм, включающий некоторое количество вариантов поведения в данной ситуации – своего рода парадигма коммуникативных ходов, репрезентирующих некую речевую тактику» [7, с. 129].

Для реализации приглашения достаточно одной вопросительной или повествовательной структуры, хотя в некоторых случаях говорящий использует различные коммуникативные ходы для выражения своего намерения, например:

„Welche Pläne hast du für heute?“ – „Ich gehe heute einkaufen. Warum fragst du mich?“ – „Wenn du Zeit hättest...“ – „Willst du etwas vorschlagen?“ – „**Ja, ich möchte dich zu mir einladen, um diese neue Situation zu besprechen**“ – „Meinst du mit der Firmagründung?“ – „Ja“. – „Gut“ ‘«Какие планы у тебя на сегодня?» – «Я иду за покупками. Почему ты меня спрашиваешь?» – «Если бы у тебя было время...» – «Ты хочешь что-то предложить?» – «**Да, я хочу пригласить тебя к себе, чтобы обсудить эту новую ситуацию**». – «Ты имеешь в виду основание фирмы?» – «Да». – «Хорошо» [IM, S. 89].

Реализация приглашения начинается с вопроса о намерениях и планах адресата (*Welche Pläne hast du für heute?*). Такой вопрос дает слушающему понять, что говорящий интересуется этим с какой-то целью, предполагающей, возможно, совместное времяпровождение. После прямого ответа адресат спрашивает о цели вопроса, побуждая собеседника более эксплицитно выразить свое намерение (*Warum fragst du mich?*). Говорящий использует эллиптическую конструкцию с придаточным предложением условия (*Wenn du Zeit hättest...*), показывая, что рассчитывает на наличие времени у собеседника. Причиной реализации нескольких речевых ходов для выражения приглашения является, по-видимому, нежелание услышать отказ, а также неуместность оказания более сильного давления на коммуниканта. Реплики адресата показывают, что он настроен на кооперативное общение и побуждает собеседника эксплицитно выразить свое намерение.

Если адресант прогнозирует возможность отказа, он может усилить настоятельность приглашения, например:

Sie kommen bestimmt zur Jubiläumsfeier unserer Firma 'Вы, конечно, придете на праздник в честь юбилея нашей фирмы' [RH, S. 56].

Несмотря на то, что приглашение является мягким речевым актом, посредством повествовательной структуры с лексическим маркером *bestimmt* 'конечно' говорящий оказывает давление на слушающего, обеспечивая восприятие им побуждения как достаточно категоричного, не допускающего отказа. В данном случае присутствуют также контрастивные отношения между вежливостью интенции приглашения и настоятельной формой выражения данной интенции.

Усилить настоятельность помогают также конструкции с эпистемическими предикатами *hoffen, glauben, meinen*, например:

Ich hoffe, du kommst zu seinem Geburtstag. Ich will mit dir reden.
'Я надеюсь, ты придешь на его день рождения. Я хочу поговорить с тобой' [GG, S. 15].

Эксплицируя желание поговорить с собеседником, адресант тем самым усиливает настоятельность приглашения.

Усилению настоятельности может также служить упрек, например:

Ich werde sehr froh sein, dich zu sehen. Du kommst so selten zu mir 'Я буду очень рад тебя видеть. Ты так редко приходишь ко мне' [IM, S. 92].

Говорящий стремится сформулировать упрек таким образом, чтобы побудить слушающего к принятию приглашения, сохранив при этом позитивный фон общения.

Параметр использования языковых средств свидетельствует о важности их конвенционального характера, а также уместности в конкретной речевой ситуации.

Таким образом, проведенное исследование позволяет заключить, что приглашение является побуждением невысокой степени настоятельности и относится к группе реквестивных речевых актов. Косвенное приглашение, хотя и представляет собой позитивный речевой акт, все же предполагает оказание некоторого давления на собеседника. Для обеспечения успешности приглашения значимы позитивный фон общения, а также совокупность экстралингвистических факторов. Параметр наличия информации демонстрирует важность знания пресуппозиций общения; позиция в диалоге, связанная со статусом адресанта, определяет степень настоятельности побуждения; установки говорящего показывают фон общения. Условия успешности предполагают соответствие речевого акта традициям его языкового оформления. Наличие перлокутивного эффекта свидетельствует о результативности директивного намерения приглашения. Коммуникативные ходы для реализации интенции связаны с обстоятельствами общения, готовностью собеседника к принятию приглашения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беляева, Е. И.* Модальность и прагматические аспекты директивных речевых актов в современном английском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / Е. И. Беляева ; Акад. наук СССР. – М., 1988. – 33 с.
2. *Дорошенко, А. В.* Побудительные речевые акты и их интерпретация в тексте: на материале английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. В. Дорошенко ; Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. – М., 1985. – 26 с.
3. *Носрати, А.* Речевые акты, комбинирующие в себе разные экспрессивные интенции / А. Носрати // Карповские научные чтения : сб. науч. ст. / Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2013. – Вып. 7, ч. 2. – С.128–130.
4. *Тарасенко, Т. В.* Этикетные жанры русской речи: благодарность, извинение, поздравление, соболезнование : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Т. В. Тарасенко. – Красноярск, 1999. – 19 с.
5. *Сёрль, Дж. Р.* Классификация иллокутивных актов / Дж. Р. Сёрль // Новое в зарубежной лингвистике : сб. ст. – М., 1986. – Вып. 17 : Теория речевых актов. – С. 170–194.
6. *Шиленко, Р. В.* Регулирование равновесных межличностных отношений в коммуникативном пространстве / Р. В. Шиленко // Языковое общение: процессы и единицы: [Сб. науч. тр.]. – Калинин : КГУ, 1988. – С. 40–44.
7. *Иссерс, О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – Изд. 4-е, стер. – М. : КомКнига, 2006. – 284 с.
8. Этика речевого поведения / Л. А. Азнабаева // Коммуникация: этико-лингвистический аспект / Л. А. Азнабаева [и др.]. – Уфа, 2011. – С. 10–59.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

RH – *Heidenreich, E.* Rudernde Hunde / E. Heidenreich, B. Schröder. – München ; Wien : Carl Hanser Verl., 2002. – 398 S.

GG – *Remin, N.* Neue Romane. Gondeln aus Glas: Commissario Trons dritter Fall / N. Remin. – München ; Reinbek bei Hamburg : Kindler, 2007. – 365 S.

IM – *Kleinst, A.* Irren ist menschlich (Erinnerungen und Geschichten) / A. Kleinst. – Frankfurt am Main : Lang, 1998. – 330 S.

Поступила в редакцию 19.02.2024.

Петракова Юлия Игоревна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории
и практики немецкого языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Julia Petrakova

PhD in Philology,
Associate Professor
Department of German Speech Theory
and Practice
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
juliapetrakova0887@gmail.com

РЕАЛИЗАЦИЯ ДЕРИВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА СЛОВА
СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПРОФИЛИРОВАНИЯ

IMPLEMENTATION OF THE DERIVATIONAL POTENTIAL
OF THE WORD THROUGH THE PRISM OF PROFILING

В статье раскрывается роль механизма профилирования при конструировании смысловых связей между производящей и производной единицами. На материале наименований частей тела немецкого языка составлен перечень семантических компонентов, профилируемых в деривационных процессах; установлены различия в степени выделенности элементов концептуальной структуры, репрезентируемой производящим словом.

Ключевые слова: *деривация; производящая единица; производная единица; семантический компонент; салиентный признак.*

The paper reveals an important role of the profiling mechanism in the construction of semantic links between underlying bases and derivatives. On the basis of body part terms of German, a list of semantic components profiled in the derivational processes is compiled; the study identifies the different degree of prominence among the components of the conceptual structure represented by the producing word.

Key words: *derivation; underlying base; derivative; semantic component; salient feature.*

Развитие когнитивной науки в конце XX – начале XXI вв. отмечено повышенным вниманием исследователей к роли сознания, участвующего в обработке опыта взаимодействия человека с окружающим миром. Когнитивный подход сосредоточен, по меткому выражению Е. С. Кубряковой, на «получении знания о знании» и выдвигает на первый план проблемы получения, обработки, хранения и передачи информации. Принимая во внимание междисциплинарный характер когнитивной науки, следует признать, что одним из важнейших источников информации

о классификационно-познавательной деятельности человека является анализ содержательной стороны языкового знака. Вместе с тем сама идея о наличии «третьего звена» между вещью и ее названием высказывалась задолго до возникновения когнитивистики. Не ставя своей задачей полный обзор имеющихся по данному вопросу мнений, отметим лишь некоторые, наиболее значимые, положения.

Так, уже Платон ввел в диалоге «Кратил» понятие «законодателя», или установителя имен, который при выборе имени *руководствуется* (выделено нами – Ю. П.) «природой вещи» и в соответствии с ней дает «правильное» имя [1, 389a]. Примечательно, что Платон также обращает внимание себе-седников на избирательную работу сознания человека при порождении имен: «Вовсе не нужно воссоздавать все черты, присущие предмету, чтобы получить образ» [1, 432b]. Аристотель, развивая идеи своего учителя, подчеркивает категоризирующую роль языка, связанную со способностью человека фокусироваться на отдельных признаках объекта: представления человека о «существенном и значимом» закрепляются посредством имени, которое далее может быть приложимо к любому члену категории [2]. В лингвистической концепции А. А. Потебни вводится понятие внутренней формы слова, которая закрепляет в языковых единицах некоторые признаки обозначаемого, выделяемые человеком в ходе познавательной деятельности: «Внутренняя форма слова есть отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль» [3, с. 98].

Дальнейший поиск принципов, которые определяют роль языка как средства экстерииоризации мышления и опыта взаимодействия с окружающим миром, получил развитие в современной философии «эмпирического реализма». Так, исходя из причастности человека к окружающему миру, когнитивисты Дж. Лакофф и М. Джонсон отмечают ключевую роль телесно-чувственного опыта в мышлении, что определяет его «воплощенный» (embodied) характер [4, р. xi–xv]. Иными словами, в своей познавательной деятельности человек руководствуется не внешней, а внутренней перспективой [Там же, р. 261], отсеивая при необходимости одни свойства объектов и высвечивая другие [5, с. 190].

Данная мысль, в несколько измененном и дополненном виде, находит свое отражение в когнитивной грамматике Р. Лангакера, который фактически постулирует субъективистский подход к проблеме значения. Отмечая конструируемый характер значения языкового выражения, Р. Лангакер подчеркивает важную роль способности человека фокусироваться на тех или иных гранях обозначаемой ситуации, активируя определенные

фрагменты опыта, или когнитивных областей (substructures of cognitive domains) [6, p. 66–70]. Так, метонимический сдвиг слова *church* ‘церковь’ в предложении *The church he belongs to has very odd beliefs* сопровождается профилированием знания о церкви как религиозной организации [Там же, p. 70].

Выделение отдельных квантов знаний об обозначаемом явлении и одновременное «затемнение» других характеристик проявляется в феномене салиентности, или выделенности. В когнитивной лингвистике к салиентным относятся те фрагменты содержательного диапазона языкового выражения, которые получают наибольшую активацию при его порождении и интерпретации. Универсальный характер данного феномена определяется возможностью конструировать образ в языке как на уровне отдельных лексем, так и на уровне текстов (см., например, исследование процессов (де)фокусирования в семантике, синтаксисе и дискурсе О. К. Ирисхановой [7]).

Поиск значимых для пользователя языка фрагментов опыта, закрепленных за языковыми единицами, несомненно, относится к важнейшим вопросам когнитивной лингвистики. В качестве возможного пути решения можно предложить анализ семантики наименований, которые возникли в результате вторичной номинации – селективного по своей сути процесса создания единиц на базе уже имеющихся языковых знаков. Вне зависимости от того, являются ли наименования формально маркированными, как слово-образовательные производные, или представляют собой новые значения слов, как итог семантической деривации, их порождение сопровождается опорой на некоторую содержательную связь между именуемыми и уже названными сущностями. Более того, лингвистами неоднократно высказывалось мнение о том, что выбор конкретной деривационной процедуры является завершающим этапом номинации и во многом определяется номинативными возможностями конкретного языка [8, с. 30–34; 9; 10, p. 214–216].

Итак, номинация сопряжена с выделением на базовом фоне некоторого фрагмента действительности, на котором сфокусировано внимание именуемого субъекта. Описывая реализацию данного механизма на языковом уровне, Р. Лангакер отмечает сходство с общекогнитивным феноменом распределения внимания, что позволяет предположить существование некоторой единой способности, «проявляемой во всех областях и на всех уровнях организации, а именно: динамической эксплуатацией асимметрично выделенных сущностей, служащих для структурирования опыта» [11, p. 36].

Цель данного исследования состоит в установлении салиентных компонентов лексического значения производящей единицы на основании частотности их актуализации в словообразовании и семантической деривации. Языковой материал исследования составляют 238 наименований частей тела, представленных в соответствующей тематической группе идеографического словаря немецкого языка «Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen» [12], а также их дериваты: 3 342 субстантивных словообразовательных производных и 269 вторичных значений, извлеченных из словообразовательного словаря «Deutsches Wortfamilienwörterbuch» [13] и толкового словаря «Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache» [14] соответственно.

Прежде чем перейти к описанию результатов исследования, отметим, что определение деривационно салиентных компонентов проводилось на основе анализа словарных дефиниций соответствующих вторичных наименований, приведенных в толковом словаре «Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache» [14]. Выбор метода компонентного анализа в дефиниционной версии обусловлен тем, что словарные дефиниции через описание семантики производной единицы, как правило, фиксируют и ее связь с производящей базой, указывая прямо или косвенно на те признаки, которые послужили основой для номинации. Так, семантический дериват *der Finger 2*. ‘палец перчатки’, представляющий вторичное значение единицы *der Finger* ‘палец’, определяется в словаре «Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache» [Там же] следующим образом: ‘Teil des Handschuhs, der einen Finger (1) umschließt’ – ‘часть перчатки, которая облегает палец’, что позволяет сделать вывод об объективации пространственной связи между указанными сущностями и актуализации компонента «регион взаимодействия» в структуре лексического значения исходной единицы. Дефиниция слова *das Spielbein* ‘(спорт.) «игровая», действующая нога’ эксплицирует функциональный, или утилитарный, компонент исходной единицы *das Bein* ‘нога’: ‘Bein, das bei einer sportlichen Übung zum Balltreten, Schwungholen o. Ä. dient’ – ‘нога, которая задействована в спортивном упражнении для удара по мячу, разбега и т. п.’.

На материале семантических и словообразовательных дериватов наименований частей тела немецкого языка было установлено, что реестр салиентных признаков при всем многообразии знаний о данных объектах представлен достаточно ограниченным набором и насчитывает до 11 компонентов. Профилируемые семантические компоненты объективируют перцептивные, пространственные, конструктивные, утилитарные, коли-

чественные признаки частей тела, а также их состояние, способность перемещаться или выступать объектом воздействия, принадлежность и материал.

Повторяющийся характер профилируемых семантических компонентов косвенно подтверждает идею о моделируемой структуре лексического значения имен разных классов, сформулированную в работах А. Вежбицка, Дж. Пустейовски, З. А. Харитончик, М. И. Олейник, Е. И. Будниковой и др. В контексте нашей исследовательской задачи следует отметить неравномерную активизацию данных компонентов в процессах вторичной номинации, что позволяет говорить о разной степени выделенности тех или иных структур знания.

Результаты вторичной номинации, осуществляемой на базе наименований частей тела, свидетельствуют о высокой значимости **перцептивного** компонента как в словообразовании, так и в семантической деривации. Так, информация о форме и/или размере носа, головы, глаза, пальца используется при образовании таких наименований, как *die Nase* 3. 'крючковидный выступ (на черепице, на рубанке и т. п.)' ('hakenförmiger Ansatz (z. B. an einem Dachziegel, einem Hobel)'); 5. 'потеки краски' ('herablaufender Farb-, Lacktropfen'); *der Kopf* 3. 'кочан капусты' ('essbarer, rundlicher (форма) Teil bestimmter Gemüse- und Salatpflanzen, der etwa die Größe eines Menschenkopfes (размер) hat'); *der Nagelkopf* 'шляпка гвоздя' ('breites (размер) Ende eines Nagels, das nicht in das Material eindringt, in das der Nagel geschlagen wird'), *der Pfeifenkopf* 'шарообразная часть курительной трубки'; *das Auge* 2. «глазок» на карто-феле', 3. 'око тайфуна', 4. 'очко на игральной кости'; *das Fingerkraut* 'лапчатка (растение с пальчатыми листьями)' ('Rosengewächs mit meist fingerförmigen Blättern und kleinen gelben oder weißen Blüten; *Potentilla*').

Следует отметить, что при порождении производных наименований перцептивные признаки выступают не только как постоянная характеристика объекта (например, округлая форма головы, глаза, вытянутая форма носа, пальца и др.), которая служит опорой при установлении сходства между двумя объектами. Именуемый субъект также уточняет, или модифицирует, данный тип знаний о называемой сущности по таким параметрам, как форма, размер, цвет или другие особенности внешнего вида: *das Mandelauge* 'миндалевидные глаза', *blauäugig* 'голубоглазый', *die X-Beine* 'х-образные ноги', *der Hohlfuß* 'вогнутая стопа', *der Bauch* 2. 'толстый живот', *das Blassgesicht* 'бледное лицо', *die Sattelnase* 'седло-

видный нос'. Таким образом, знание о перцептивных характеристиках частей тела предстает в деривационных процессах и как постоянная (прототипическая), и как варьируемая величина.

Следующий семантический компонент, востребованный в словообразовании и семантической деривации, фиксирует информацию о контакте частей тела с другими сущностями, т. е. выделенный характер приобретает информация о возможных **«регионах взаимодействия»** исходной сущности (regions of interaction в терминологии Л. Талми): *der Armreif* 'браслет (надеваемый на руку)', *der Augenzahn* 'глазной зуб (растущий вблизи от глаз)', *der Beinling* 'брючина (часть одежды, облегающая ногу)', *der Fingerling* 'напальчник', *die Zungenmandel* 'язычная миндалина (находящаяся над языком)'. Высокая активность данного семантического компонента вполне согласуется с важной ролью частей тела как удобной «точки отсчета», относительно которой именуемый субъект определяет и называет другие сущности.

Утилитарный компонент, охватывающий сведения о цели, условиях, способе использования частей тела, представлен в ряде следующих производных: *der Waffenarm* 'рука, в которой держат оружие', *äugen* 'смотреть, высматривать', *die Augensprache* 'язык взглядов', *das Spielbein* '«игровая» нога, с помощью которой спортсмен выполняет необходимые удары, прыжки и т. д.', *der Zeigefinger* 'указательный палец', *die Hand 2.* '(спорт.) игра рукой'. Регулярную востребованность в деривационных процессах демонстрирует и конструктивный семантический компонент, описывающий особенности строения или отдельные элементы той или иной части тела: *der Handknochen* 'запястье', *der Halswirbel* 'шейный позвонок', *das Fußgelenk* 'сустав стопы', *die Nasenflügel* 'крылья носа'.

Поскольку объектом анализа выступают наименования частей тела, то «сквозной» характер для их дериватов имеют сведения о **состоянии** именуемых сущностей (речь идет преимущественно о возможных патологиях): *das Triefauge* 'слезящийся глаз', *die Fingerentzündung* 'воспаление пальца', *die Beinleiden* 'боли в ногах', *fußkrank* '(человек) с больными ногами', *die Gesichtslähmung* 'паралич лица', *die Herzbeklemmung* 'защемление сердца', *der Zungenkrampf* 'спазм языка'.

Актуализация некоторых семантических компонентов является факультативной. Так, в дериватах наименований *das Bein* 'нога', *die Hand* 'кисть руки', *der Kopf* 'голова', *die Zunge* 'язык' профилируется информация о **движении** соответствующих частей тела: *das Beinkreisen* 'вращение ног', *beineln* 'семенить (совершать быстрые движения ногами с малой амплитудой)', *die Handbewegung* 'движение кисти', *die Kopfwendung* 'поворот

головы', *die Zungenakrobatik* '(шутл.) языковая акробатика – сложные движения языка при произнесении непривычных слов'. Для таких наименований, как *das Gesicht* 'лицо', *die Nase* 'нос', *das Herz* 'сердце', данный компонент не является салиентным и не получает реализации в производных наименованиях, поскольку именуемый субъект не владеет информацией о возможном движении соответствующих частей тела.

Аналогично, знания о возможном **воздействии** на ту или иную часть тела «подсвечиваются» лишь в некоторых производных единицах: *die Augenspiegelung* 'исследование глаз с помощью офтальмологического зеркала', *die Fußpflege* 'уход за стопами', *die Gesichtsmassage* 'массаж лица', *die Gesichtsplastik* 'пластическая операция лица', *der Handkuss* 'воздушный поцелуй (досл.: поцелуй руки)', *die Nasendusche* 'промывание носа'. Среди производных единиц, образованных на базе наименований *das Bein* 'нога', *die Zunge* 'язык' данный компонент не профилируется, т. е. знание о том, что на соответствующие части тела может быть оказано воздействие, вероятно, не является достаточным для возникновения номинативного запроса.

Перечень семантических компонентов, востребованных в деривационных процессах, может быть представлен в виде ранжированного списка (таблица), основанного на частоте объективации того или иного компонента лексического значения исходной единицы в словарных дефинициях слово-образовательных и семантических дериватов.

Профилирование семантических компонентов наименований частей тела в деривационных процессах

№ п/п	Семантический компонент	Деривационная активность
1	Перцептивный	21,4 %
2	Утилитарный	19,2 %
3	Регион взаимодействия	16,3 %
4	Конструктивный	14 %
5	Состояние	8,4 %
6	Объект воздействия	7,2 %
7	Перемещение	4,9 %
8	Владелец	4,4 %
9	Местоположение	3 %
10	Количество	0,9 %
11	Материал	0,3 %
	Итого:	100 %

Тот факт, что представления носителей языка о частях тела объективируются языковыми единицами с разной частотой, т. е. одни структуры знаний «эксплуатируются» в деривационных процессах чаще других, свидетельствует о динамическом характере самого процесса профилирования и асимметричной организации концептуальных элементов в семантике исходных лексических единиц.

Набор деривационно салиентных семантических компонентов может быть составлен не только для определенного лексического класса единиц, но и для отдельной единицы, представляя некоторое (открытое или замкнутое) множество когнитивных областей (ср. [15, p. 56]). Так, матрица когнитивных областей для единицы *die Zunge* 'язык', составленная на основе деривационных данных немецкого языка, имеет следующий вид:

- типичная форма языка;
- объекты, расположенные рядом с языком или контактирующие с ним;
- составные части языка;
- движения языка;
- функции языка;
- патологические состояния языка;
- воздействие на язык и т. д.

Таким образом, составление подобных матриц наглядно демонстрирует, какие именно свойства исходных сущностей (перцептивные, конструктивные, локативные и др.) выполняют роль когнитивных аттракторов при порождении наименований в деривационных процессах и обеспечивают выполнение разнообразных номинативных запросов человека.

Перспективным представляется описание деривационных когнитивных аттракторов для единиц разных лексических классов и разных частей речи, что позволит определить характер взаимодействия между системой знаний человека об обозначаемом и порождающим потенциалом лексической системы. В заключение отметим, что именно знания, закрепляемые в содержании лексической единицы, становятся тем внутренним ресурсом, который позволяет носителю языка обращаться к уже имеющимся языковым знакам вновь и выводит деривационные процессы в статус ведущих механизмов порождения новых имен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Платон. Кратил / Платон // Платон. Избранные диалоги. – М. : Эксмо, 2007. – С. 265–345.
2. Аристотель. Категории / Аристотель. – М. : ГСЭИ, 1939. – 84 с.
3. Потебня, А. А. Слово и миф / А. А. Потебня. – М. : Правда, 1989. – 624 с.
4. Lakoff, G. Women, fire, and dangerous things : What categories reveal about the mind / G. Lakoff. – Chicago : University of Chicago Press, 1987. – 632 p.
5. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
6. Langacker, R. W. Cognitive grammar : A basic introduction / R. W. Langacker. – Oxford : Oxford University Press, 2008. – 562 p.
7. Ирисханова, О. К. Игры фокуса в языке : Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования / О. К. Ирисханова. – М. : Языки слав. культуры, 2004. – 320 с.
8. Торопцев, И. С. Ономаσιологический аспект деривации и проблема интеграции деривационных форм / И. С. Торопцев // Деривация и полисемия : межвуз. сб. науч. тр. / Тамб. гос. пед. ин-т ; под ред. В. Г. Руделева. – Тамбов, 1984. – С. 24–44.
9. Адливанкин, С. Ю. Модели словообразовательного процесса и способы словообразования / С. Ю. Адливанкин // Деривация и семантика: слово – предложение – текст : межвуз. сб. науч. тр. / Перм. гос. ун-т ; редкол.: Л. Н. Мурзин (гл. ред.) [и др.]. – Пермь, 1986. – С. 6–13.
10. Štekauer, P. Onomasiological Approach to word-formation / P. Štekauer // Handbook of word-formation / ed. : P. Štekauer, R. Lieber. – Dordrecht, 2005. – P. 207–232.
11. Langacker, R. W. Reference-point constructions / R. W. Langacker // Cognitive Linguistics. – 1993. – Vol. 4. – № 1. – P. 1–38.
12. Dornseiff [Electronic resource] : der dt. Wortschatz nach Sachgruppen. – Berlin : W. de Gruyter, 2004. – 1 electronic optical disk (CD-ROM).
13. Splett, J. Deutsches Wortfamilienwörterbuch : in 19 Bd. / J. Splett. – Berlin : W. de Gruyter, 2009. – 19 Bd.
14. Duden [Electronic resource] : das große Wörterbuch der dt. Sprache. – Berlin : W. de Gruyter, 2012. – 1 electronic optical disk (CD-ROM).
15. Langacker, R. W. A view of linguistic semantics / R. W. Langacker // Topics in Cognitive Linguistics ; B. Rudzka-Ostyn (ed.). – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 1988. – P. 49–90.

Поступила в редакцию 27.03.2024.

Романкевич Марина Николаевна

кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой
итальянского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Maryna Romankevich

PhD in Philology, Associate Professor,
Head of the Department
of the Italian language
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
romankevich_marina@mail.ru

**СООТНОШЕНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ И ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОЙ
ИНФОРМАЦИИ В СЛОВАРНЫХ ДЕФИНИЦИЯХ ЗООНИМОВ**

**BALANCE OF LINGUISTIC AND ENCYCLOPEDIA INFORMATION
IN THE DICTIONARY DEFINITIONS OF ZOONYMS**

Данная статья посвящена анализу информации, фиксируемой в словарной дефиниции зоонимов французского языка. Выявлено, что зарегистрированные в словаре значения, как правило, отражают узвальное употребление зоонима, тогда как важная в лингвосоциокультурном смысле информация представлена в виде энциклопедического комментария, в сжатом виде. Информационный, коннотативный, модальный потенциал зоонимов реализуется в речи благодаря ситуативному развертыванию дополнительной информации, хранящейся как наслоения значимых для данной лингвокультуры смыслов, образов, обусловленных культурной памятью. Это приводит к формированию новых образно-ассоциативных связей и возникновению новых окказиональных метафорических и метонимических значений, что определяет тем самым динамику семантики зоонима.

Ключевые слова: зооним; значение; словарная дефиниция; энциклопедическая информация; информационный потенциал.

This article is devoted to the analysis of information recorded in the dictionary definition of zoonyms in the French language. The limited space does not allow lexicographically fixing the huge information potential of the zoonym. The meanings fixed in the dictionary reflect the usual use of the zoonym, while the linguo-socio-cultural information is presented in the form of an encyclopedic commentary.

Key words: zoonym; meaning; dictionary definition; encyclopedic information; information potential.

В широком понимании семантика зоонимической лексики, включенной в состав фразеологических единиц и/или используемой в качестве номинаций персонажей в сказках, баснях, анималистических притчах

и др., характеризуется многослойностью, которая обусловлена многочисленными речевыми реализациями зоонимической единицы. Соглашаясь с Ю. Д. Апресяном в том, что «современная семантика выделяет в языковом значении несколько разных слоев смысла – пресуппозиции, ассерции, модальные рамки, рамки наблюдения и т. п.» [1, с. 40], отмечаем вместе с тем, что тот огромный информационный, а также модальный, коннотативный потенциал, «прячущийся» за зоонимом, не всегда находит свое закрепление в словарной дефиниции зоонима как «единицы хранения знаний» ввиду ограниченности пространства и многослойности смыслового содержания. Что касается зоонимической лексики, то та часть информации, «которая не вошла в “основное”, исходное значение (или ассертивную часть значения)» [2, с. 38], представляет наибольший интерес с лингвосоциокультурной точки зрения, поскольку она является значимой в дискурсивных практиках.

В данной статье объектом исследования послужили зоонимические номинации французского языка; предметом – представленность лингвистической и энциклопедической информации в словарных дефинициях зоонимов французского языка. Цель статьи заключается в выявлении особенностей соотношения лингвистической и энциклопедической информации в словарных дефинициях зоонимов французского языка.

Лексикографический анализ 1230 зоонимов показывает, что в толковом словаре французского языка Larousse закреплено в первую очередь узуальное употребление данных единиц. Так, например, у зоонима *le loup* ‘волк’ зафиксировано 9 значений, которые отражают употребление данной единицы как в прямом значении (п. 1), так и в метонимическом (п. 2) и метафорических (п. 3–5). Далее в словарной статье фиксируется употребление зоонима в качестве терминологической единицы разных профессиональных областей (зоологии, военной сферы и др.).

1. Mammifère carnivore, à pelage gris jaunâtre, vivant en meutes dans les forêts d'Europe, d'Asie et d'Amérique, appelé aussi loup gris ou loup commun. (Son cri est le hurlement. La femelle est la louve, le petit le louveteau. Famille des canidés.) [Exterminé en France au début des années 1930, le loup y est revenu, depuis l'Italie, au début des années 1990.]

2. Fourrure de cet animal.

3. Homme malfaisant et cruel.

4. Malfaçon, chose loupée.

5. Familier. Terme d'affection : Mon loup !

Armement

6. Machine de guerre permettant de saisir et d'enlever les béliers employés par l'ennemi pour démolir les murailles (Moyen Âge).

Histoire du costume

7. Demi-masque de velours ou de satin noir (XVIe siècle) encore porté au bal masqué.

Textiles

8. Machine qui, grâce à l'action d'un tambour garni de grosses dents métаллиques et tournant rapidement, ouvre la laine avant cardage.

Zoologie

9. Nom donné à divers poissons téléостéэнs marins voraces, notamment au bar [3].

Вся информация, ассоциируемая с данной номинацией («телом знака»), остается свернутой, но ситуативно проявляется в конкретных контекстах, например: (1) «*J'ai eu **la peur de ma vie.**» Romain Ferrand, 16 ans, clame dans la presse régionale **le danger** que représentent les loups. L'adolescent affirme **avoir été attaqué**, vendredi soir, par une meute à Seyne-les-Alpes, à la lisière de la Forêt Blanche '«Я испугался больше всего в своей жизни». 16-летний Ромен Ферран заявляет в региональной прессе об опасности, которую представляют волки. Подросток утверждает, что в пятницу вечером на него напала стая в Сейн-ле-Альп, на краю Белого леса' (Le Figaro, 2015), где особым образом подчеркивается характеристика волка *menaçants* посредством использования лексики, передающей переживания и эмоциональное состояние говорящего (*la peur de ma vie* 'самый большой страх в моей жизни', *le danger* 'опасность' и др.). В журнале «Французская этнология» указывается на то, что волки как опасные животные затрудняют работу заводчиков скота: *les «loups **menaçants mangeurs de bétail**» qui viennent compliquer le travail d'éleveurs* [4]. Эта характеристика закреплена в культурной памяти не только носителей французского языка и культуры, но и других лингвокультур (например, *La faim chasse le loup du bois; On fait le loup plus grand qu'il n'est; Le loup mange de toute chair, excepté de la sienne; Qui se fait bête le loup le mange* [5]; *Видя козу, волк забывает грозу; Один волк гоняет овец полк; Воўк сабаку не радня; Баючыся воўка, у лес не ісці; Няма лесу без воўка, а сяла без злодзея*).*

Образ волка часто встречается во французской литературе: так, в средневековом «Романе о Лисе» (*Le Roman de Renart*) дядя Лиса (=волк) представлен как жестокий, но довольно глупый (*un seigneur brutal (ou comme une bête féroce, selon le cas), et assez bête*), в легендах и сказках волк также представлен злым, опасным (*les loups-garous, le loup dans le Petit Chaperon Rouge, le loup des Trois Petits Cochons*), как и позднее в баснях (*Le Loup et l'agneau*). Аккумулируемая в одном ключе негативная информация о волке начинает предопределять отношение человека к нему, даже если он никогда не сталкивался с этим хищником. Вместе с тем современная ценностная парадигма, включающая бережное отношение к природе и защиту животных как особую ценность, вносит определенные коррективы

в традиционное восприятие данного зверя. Так, в следующей статье французского ежедневного издания Le Figaro отмечается необходимость защищать волков: (2) *Présentés tantôt comme **des animaux menaçants** dont il faut **se protéger**, tantôt comme des animaux menacés à protéger, les loups s'immiscent dans la vie publique sous des formes ambivalentes, plurielles et discordantes* (досл. 'Представленные иногда как опасные животные, от которых мы должны защитить себя, иногда как находящиеся под угрозой животные, которых нужно защищать, волки вмешиваются в общественную жизнь в амбивалентных, множественных и противоречивых формах'). Исходя из сказанного, можно предположить, что лексикографам «придется» снять информацию об опасности волка в дефиниции.

«Свернутая» дополнительная информация, получаемая, как правило, в результате познания окружающего мира, понимается как «энциклопедическая», статус которой в семасиологии до сих пор остается дискуссионным. В частности, Е. В. Падучева считает данную информацию равной другим типам лингвистически релевантной информации, поскольку она – «это то, что человек знает о данной ситуации, эта дополнительная информация является результатом познания внешнего мира» [6, с. 38], т.е. это как бы информация по умолчанию. В то же время мало у кого в XXI веке есть опыт столкновения с волком, значит, это кодовая, генетическая информация, извлекаемая из культурной памяти носителей языка. Вместе с тем разграничить информацию лингвистическую, которую необходимо включать в толкование значения слова, и энциклопедическую довольно сложно. Сравнение фрагментов некоторых дефиниций зоонимов, приведенных ниже, показывает разное соотношение между лингвистической и энциклопедической информацией:

ours

nom masculin

(latin ursus)

1. Mammifère carnivore (ursidé), à denture peu spécialisée, queue courte et marche plantigrade.

2. Familier. Personne qui fuit le monde : Un vieil ours solitaire.

panda

nom masculin

(mot népalais)

Nom donné à deux mammifères des forêts d'Inde et de Chine, le grand panda (*Ailuropoda melanoleuca*, famille des ursidés) de Chine centrale, très rare, qui se nourrit de tiges et de feuilles de bambou, et le petit panda (*Ailurus fulgens*, famille des ailuridés ou des procyonidés) des forêts de l'Himalaya, qui se nourrit principalement de végétaux [3].

Можно предположить, что более развернутое описание панды обусловлено тем, что информация об этом животном не входит в европейскую картину мира. В частности, вторая дефиниция представляет собой скорее энциклопедическую статью о панде, в которой сообщается об ареале обитания, особенностях питания и видах панд. Вместе с тем следует отметить, что энциклопедическая информация «может быть и лингвистической в том смысле, что она необходима для понимания и порождения некоторых выражений с данным словом. И именно такая лингвистическая информация должна включаться в толкование» [6, с. 38]. Энциклопедически насыщенными являются словарные статьи зоонимов, обозначающих, как правило, экзотических и диких животных:

koala – ‘Mammifère marsupial (phalangéridé) d’Australie, dépourvu de queue, à la fourrure dense, arboricole et nocturne. (Les koalas **se nourrissent** des bourgeons d’eucalyptus. Décimés au xixe s. pour leur **fourrure**, ils font aujourd’hui **l’objet d’un élevage**.)’;

antilope – ‘Nom commun à de nombreux bovidés sauvages de la savane ou de la steppe chaude, au régime herbivore, vivant en troupes et de couleur souvent brune. (**Principaux types** : céphalophe, coudou, dik-dik, éland du Cap, gazelle, gérénuк, gnou, oryx, saïga, etc.)’;

lynx – ‘Mammifère carnivore, haut sur pattes, à queue courte et aux oreilles terminées par un pinceau de poils. (L’espèce **européenne** est le loup-cervier. Le lynx a presque complètement **disparu de France**. Sa fourrure est appréciée. Il **se nourrit** de ruminants et notamment de cerfs.)’;

В данных словарных статьях дополнительная информация об особенностях питания, ареале обитания животного и др. предложена отдельно от дефиниции – в скобках. Представление энциклопедической информации, логично включенной в дефиницию зоонима, влияет на ее восприятие носителем языка как необходимой для идентификации данного животного:

autruche – ‘Très grand oiseau ratite (struthionidé) d’Afrique et du Proche-Orient, ne volant pas mais courant très vite sur des pattes à deux doigts, **couvant en groupes polygames et élevé autrefois pour ses plumes**’;

lion – ‘Grand mammifère félin carnivore, au pelage fauve orné d’une crinière chez le mâle, confiné aujourd’hui **dans les savanes d’Afrique et dans une réserve au nord-ouest de l’Inde, après avoir vécu au Proche-Orient et en Europe**’;

aigle – ‘Grand rapace diurne (accipitridé) au vol puissant et souvent plané, capturant de ses griffes (serres) des proies vivantes : **serpents, mulots, lapins, très rarement agneaux**, et édifiant en un lieu peu accessible un nid grossier (aire) où le couple n’élève qu’un seul petit par nichée’ и др.

В речи актуализация конкретного значения зависит от многих факторов, среди которых можно выделить и языковую компетенцию говорящего, и контекст, и дискурсивные характеристики высказывания и др., а также специфику национального языкового сознания. Разграничение уровней смысла отражено и «в структуре импликационала», где выделяют «две зоны – околоядерную и периферийную. Околоядерную зону образуют потенциальные семы, которые возникают в результате отражения сознанием реальных линейных связей, зависимостей, взаимодействий предметов и их признаков. Периферийная зона состоит из “скрытых” сем. Их порождают различные образно-ассоциативные связи, устанавливаемые мышлением между предметами первичной и вторичной номинации» [7, с. 201]. Такая семантическая емкость зоонима обусловлена наслаиванием исходных культурно значимых смыслов (извлекаемых из религиозных текстов, представлений и образов в искусстве и др.) и находит реализацию в многокомпонентной структуре семантики зоонима, характеризующейся динамичностью, многоуровневостью, нелинейностью.

Закрепленные в словаре значения зоонима можно охарактеризовать как значения конвенционального типа. Договорной характер дефиниций зоонима говорит о том, что лингвисты, составители словарей при поддержке зоологов институционально закрепили некоторые признаки как семные компоненты значения зоонима. Знания о животном структурируются определенным образом в дефиниции, и считается, что эти конвенциональные смыслы – обыденные, относящиеся к ассерции и выраженные в словарных дефинициях, – приходят сразу же на ум при восприятии лексемы и являются общепринятыми.

Вместе с тем вторичные значения зоонима – метафорические, отражающие характеристику качества или поведения человека, можно охарактеризовать как более глубокие, абстрагированные, объективирующие связь между объектами как закономерную в данной лингвокультуре. Данные значения можно классифицировать как «важный и непреходящий, информационно чрезвычайно емкий компонент словесной коммуникации, дополняющий и модифицирующий конвенциональные значения» [8, с. 159]. Однако в лингвистике не выработано единого подхода к вопросу соотношения имплицативных, конвенциональных, пресуппозиционных смыслов ввиду невозможности проведения четкой границы между соотносимой информацией.

Интересно, что при использовании зоонимических единиц в отрыве от контекста дополнительные смыслы актуализируются довольно часто. Так, данные ассоциативных экспериментов показывают, что на слово-стимул **НОМИНАЦИЯ ЖИВОТНОГО** часто предлагаются слова-реакции, номинирующие пресуппозиционные элементы, например: **ЛИСА** < *хитрая* (21), *рыжая* (5), *Алиса* (9), *волк* (7), *животное* (5), *заяц* (5), *хвост* (3) ...; **ВОЛК** < *серый* (29), *заяц* (7), *злой* (4), *голодный* (3), *тамбовский* (3), *хищник* (3) ...; **СЛОН** < *большой* (32), *и Моська* (8), *Моська* (4), *розовый* (4) ... и др. [9].

В пользу антропоцентрического подхода при анализе зоонимических единиц говорит их интерпретация в каждом конкретном случае в зависимости от коммуникативного намерения говорящего и включение в дефиницию имплицативных смыслов. По мнению Г. И. Кустовой, импликации «определяют семантические связи лексемы (в самом широком смысле), например, ее вхождение в различные семантические классы, взаимодействие с элементами контекста, а также набор и характер производных значений» [2, с. 119]. Иными словами, зоонимическая единица при сохранении формы («тела знака») может включаться к лексико-семантический класс единиц, называющих 1) животное или 2) человека, 3) абстрактное понятие, 4) неодушевленные предметы:

colombe

nom féminin

(latin columba)

1. Autre nom du pigeon, appliqué surtout aux variétés blanches et à la tourterelle d'élevage.
2. Terme d'affection à l'adresse d'une jeune fille, d'une femme.
3. Symbole de la paix, de la douceur.
4. Dans un gouvernement, une organisation politique, partisan de la paix, d'une attitude de conciliation, de détente [3].

Указанная способность строится на включении фонового компонента значения, который имеет как эксплицитный, так и имплицитный характер. Так, в дефиниции зоонима *renard* – ‘Mammifère carnivore voisin du chien, à la queue touffue, aux grandes oreilles, au museau pointu et au pelage roux, **qui passe pour un chasseur très rusé**’ [3] и зоонима *cheval* – ‘Mammifère herbivore de grande taille, à un seul doigt par membre, coureur rapide des steppes et prairies, **dont la domestication a joué un grand rôle dans l'essor des civilisations asiatiques et européennes**’ [3] включаются семантические компоненты ‘qui passe pour un chasseur très rusé’ ‘которого считают хитрым охотником’ и ‘dont la domestication a joué un grand rôle dans l'essor des

civilisations asiatiques et européennes' 'одомашнивание которого сыграло огромную роль в развитии восточных и европейских цивилизаций', отсылающие к информации, хранящейся в культурной памяти.

Появление вторичного значения часто строится на активизации неявных смыслов, когда «в новом значении используются старые компоненты смысла, которые уже содержались в исходном значении в качестве импликаций». Итак, имплицатуры и коннотации, понимаемые как «ассоциативные смыслы, связанные с некоторой ситуацией и ее языковым обозначением» [2, с. 161], становятся источниками семантического развития языковой единицы. Так, дефиниции двух зоонимов (*tortue* – '1. Reptile de forme ovale, entouré **d'une double carapace osseuse et écailleuse**, dont sortent une tête munie d'un bec corné, **deux paires de courtes pattes** et de nageoires, une très courte queue' [3] и *lièvre* – 'Mammifère lagomorphe **au corps élancé, aux pattes postérieures très longues**, aux oreilles allongées, **rapide à la course**' [3]) содержат следующие семантические компоненты: 'd'une double carapace' 'двойной панцирь', 'de courtes pattes' 'короткие лапы' и 'au corps élancé' 'вытянутое туловище', 'aux pattes postérieures très longues' 'длинные задние лапы', 'rapide à la course' 'быстрый бег', которые при переосмыслении стали основой вторичного значения, используемого для характеристики человека, в первом случае – 'медлительный', во втором – 'быстрый'.

Подобные формулировки толкования зоонима содержательно являются выражением понятия. Наличие развитого лексического фона типа 'aux pattes postérieures très longues, aux oreilles allongées, rapide à la course' обеспечивает основания для семантического развития зоонима. Лексический фон, состоящий, по словам Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, из непонятных семантических долей – дополнительных, необязательных для узнавания и именованного соответствующего предмета или явления, способен транслировать национально-культурную специфику [10], которая закрепляется потом во вторичном метафорическом значении зоонима, например, *lièvre* 'заяц' – 'Athlète chargé de mener la première partie d'une course, afin de favoriser la performance d'un autre concurrent' 'Спортсмен, ответственный за лидерство в первой части гонки, чтобы способствовать удачному выступлению другого участника' [3] (ср. в русском языке: заяц – безбилетный пассажир); *corbeau* 'ворон' – 'Auteur de lettres anonymes' 'Автор анонимных писем', 'Prêtre' 'священник' [3].

Кроме того, отмечаем, что носители языка интуитивно используют в речевой практике зоонимические единицы в прямом, переносном значении, не выделяя сознательно систему правил употребления слов. В частности, вторичные метафорические значения зоонима, которые чаще всего обобщают отношение человека к другому и терминологически обозначаются термином *зооморфизм*, актуализируются во вторичных для имени существительного синтаксических позициях – именного сказуемого, приложения.

Таким образом, словарная дефиниция зоонима отражает его узуальное употребление носителями языка и включает в разном соотношении лингвистическую и энциклопедическую информацию. Разница лексикографического представления зоонима обусловлена в первую очередь внелингвистическими факторами: принадлежность представителя фауны к числу домашних/диких животных, его значимость во французской культуре, что определяет объем фоновых знаний носителей языка о животном и др. Зоонимы, будучи семантически насыщенными единицами, способны реализовать огромный информационный, коннотативный потенциал в речи, сложность лексикографического закрепления которого в полном объеме объясняется недостаточностью пространства. Актуализация ассоциативных созначений в определенной мере ограничена стереотипностью восприятия животного (лиса – хитрая, рыжая, быстрая, воровка...), обусловленной культурной памятью. Вместе с тем активизация новых образно-ассоциативных связей, основанных часто на старых смысловых связях, обеспечивает семантическое развитие зоонимических единиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апресян, Ю. Д.* Отечественная теоретическая семантика в конце XX столетия / Ю. Д. Апресян // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1999. – Т. 58. – № 4. – С. 39–53.
2. *Кустова, Г. И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения / Г. И. Кустова. – М. : Языки славян. культуры, 2004. – 472 с.
3. Larousse [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais>. – Дата доступа: 12.08.2023.

4. *Doré, A.* Attention aux loups ! L'ambivalence de la menace et de sa mesure [Электронный ресурс] / A. Doré // *Ethnologie française*. – 2015. – Vol. 45. – P. 45–54. – Режим доступа: <https://www.cairn.info/revue-ethnologie-francaise-2015-1-page-45.htm>. – Дата доступа: 12.08.2023.
5. Les proverbes avec *loup* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.proverbes-francais.fr/proverbes-loups/>. – Дата доступа: 12.08.2023.
6. *Падучева, Е. В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; семантика нарратива / Е. В. Падучева. – М. : Языки рус. культуры, 1996. – 464 с.
7. *Алефиренко, Н. Ф.* Спорные проблемы семантики : монография / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Гнозис, 2005. – 324 с.
8. *Никитин, М. В.* Основы лингвистической теории значения : учеб. пособие / М. В. Никитин. – М. : Высш. шк., 1988. – 165 с.
9. Русский ассоциативный словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://thesaurus.ru/dict/>. – Дата доступа: 12.08.2023.
10. *Верещагин, Е. М.* Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Рус. яз., 1980. – 320 с.

Поступила в редакцию 21.12.2023

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ**УДК 821.133.1**

Иванова Наталья Сергеевна
аспирант кафедры
зарубежной литературы
Белорусский государственный
университет
г. Минск, Беларусь

Natallia Ivanova
PhD Student of the Department
of Foreign Literature
Belarusian State University
Minsk, Belarus
natalie_ivanova33@mail.ru

ПОСТИМПРЕССИОНИЗМ И ФРАНЦУЗСКАЯ ПОЭЗИЯ КУБИЗМА**POST-IMPRESSIONISM AND FRENCH CUBIST POETRY**

Статья посвящена роли постимпрессионистской живописи в формировании французской кубистической поэзии. Художники-постимпрессионисты (в особенности П. Сезанн), отрицая академические каноны и взаимодействуя с философами и писателями-символистами на рубеже XIX–XX вв., оказывают влияние на искусство авангарда, в том числе на творчество поэтов-кубистов (Г. Аполлинер, Б. Сандрар и П. Реверди). Во французской лирике 1910-х гг. реализуется многомерный пространственно-временной континуум, симультанно представленный разрозненными фрагментами, образами, мотивами, цветолексемами. Результаты исследования позволяют не только раскрыть специфику кубистического метода, но и уточнить генезис кубизма во французском искусстве, в том числе обозначить преемственность постимпрессионистских тенденций в поэзии кубизма.

К л ю ч е в ы е с л о в а: визуальность в поэзии; интермедиальность; категория цвета; постимпрессионизм; поэзия кубизма; симультанность в литературе; французский авангард.

The article is devoted to the role of post-impressionist painting in the formation of French cubist poetry. Post-impressionist artists (especially P. Cezanne), rejecting academic canons and interacting with philosophers and symbolist writers at the turn of the 19th and 20th centuries, influenced avant-garde art, including the work of cubist poets (G. Apollinaire, B. Cendrars and P. Reverdy). In French poetry of the 1910s, a multidimensional space-time continuum is realized, simultaneously represented by disparate fragments, images, motifs, color lexemes. The results of the study make it possible not only to reveal the specifics of the cubist method, but also to clarify the genesis of cubism in French art, including identifying the continuity of post-impressionist tendencies in the poetry of cubism.

Key words: visuality in poetry; intermediality; category of color; post-impressionism; Cubist poetry; simultaneity in literature; French avant-garde.

Кубизм – художественное течение, представители которого концентрируются на восприятии сознанием истинной сущности объекта, его видимых и невидимых граней в геометризованных формах – возник во французском авангардистском искусстве (в первую очередь, в живописи, скульптуре и поэзии). В становлении кубистической эстетики можно выделить три периода: 1) протокубизм (ок. 1905-х–1910-х гг. – хронологически совпадает с формированием фовизма, феноменологии Э. Гуссерля, интуитивизма А. Бергсона и математических концепций четырехмерного времени-пространства, с активным развитием хронофотографии и кинематографа), собственно кубизм 1910-х гг. разделяется на 2) аналитический (1910–1912 гг., фрагментация объекта, поиск истины посредством интеллекта) и 3) синтетический (1913–1914 гг., создание в технике коллажа различных комбинаций элементов).

Зарождение авангарда непосредственно связано с постимпрессионистскими тенденциями в искусстве рубежа XIX–XX вв., поэтому для уточнения генезиса кубизма необходимо обратиться к предшествующим художественным течениям, представители которых закладывают основы неклассической эстетики. Кубизм как в живописи, так и в литературе развивает общие философско-эстетические концепции: «Кубисты прокламировали право художника и поэта на изобретательство, на построение художественного произведения как замкнутого в себе индивидуального мира [...] Эти тенденции перешли от живописи и на поэзию французских новаторов – Аполлинера, Жакоба, Сандрара, Сальмона, Реверди, Кокто и др., которых принято называть поэтами-кубистами» [1, с. 111–112]. В связи с интермедийальным характером поэтик французской живописи и литературы начала XX в. целостное представление о поэзии кубизма создается через обращение к творческому методу известных художников того времени.

Протокубизм имеет еще одно название – *сезаннистский* период – по имени французского живописца П. Сезанна (Paul Cézanne, 1839–1906), работавшего в жанрах портрета, пейзажа, натюрморта. Его новаторская художественная концепция заключается в немиметическом представлении окружающей действительности посредством умозрительных конструктов: «Чистый рисунок – это абстракция»¹ [2, р. 135], «Живопись стремится не буквально скопировать объект, а уловить гармонию многочисленных отношений ... раскрывая их согласно новой и оригинальной логике» [2, р. 138]. Кроме того, художник обращает внимание на эмотивный аспект

¹ Здесь и далее перевод с фр. наш. – Н. И.

искусства и индивидуальный чувственный опыт творца: «Метод выявляется при соприкосновении с природой [...] Он заключается в поиске выражения чувств, в организации своих ощущений в собственную эстетику» [Там же]. Соотнося специфику вербального и визуального языков, П. Сезанн отмечает отвлеченный характер средств выражения первого: «Художник конкретизирует свои ощущения через рисунок и цвет, тогда как литератор выражает себя абстракциями» [2, р. 88]. Поздние работы П. Сезанна отличаются обобщением форм и динамикой линий, усилением цветовых контрастов, что, в свою очередь, отражает аналитическое, конструктивистское видение реальности и намечает путь к кубизму и шире – к абстракционизму.

Впоследствии французские поэты-кубисты также концентрируются на цветовых ощущениях, на семантически важных визуальных эффектах и композиции (например, каллиграммы Г. Аполлинера (Guillaume Apollinaire, 1880–1918), типографические эксперименты П. Реверди (Pierre Reverdy, 1889–1960), взаимодействие лирики и живописи у Б. Сандрара (Blaise Cendrars, 1887–1961)). В их поэзии реализуется синестезия (чаще всего как сочетание зримого и слышимого): «Цвет есть чувственный элемент. Чувства есть реальность. Вот почему мир красочный [...] каждое произведение содержит элемент чувственный, иррациональный, абсурдный, лирический...» [3, р. 187], что вторит тезису П. Сезанна «в природе все красочно» [2, р. 135]. Стихотворение Б. Сандрара «Натюрморты» (Natures mortes), посвященное художнику-кубисту Р. де ла Френе, вызывает в сознании реципиента цветовой спектр из зеленого, желтого, черного, синего, красного и белого цветов; окружающий героя мир фрагментируется и окрашивается чистыми цветами-ассоциациями: *...Bleu / Rouge / Puis il y a aussi un litre, un litre de sensualité / Et cette haute nouveauté / Blanc / Des feuilles de papier blanc* [4, р. 98] **‘Синий / Красный / Также еще есть литр, литр чувственности / И эта последняя новинка / Белый / Листы белой бумаги’**. Так, начиная с эпохи (пост)импрессионизма, понятие зрительной перцепции расширяется, категория цвета оказывается амбивалентой с точки зрения соотношения понятий *искусство/реальность, относительность/абсолютность, абстрактное/конкретное, индивидуальное/универсальное*.

Об увлечении творческой манерой П. Сезанна говорят художники и теоретики кубизма А. Глез (Albert Gleizes, 1881–1953) и Ж. Метценже (Jean Metzinger, 1883–1956) в манифесте «О кубизме» (Du Cubisme, 1912): «Он [Сезанн] учит нас владению всемирным динамизмом ... живопись является теперь искусством не имитации объекта посредством линий

и цветов, а придания нашему наитию возможности пластического осознания» [5, р. 33–34], «Кто понимает Сезанна, тот предчувствует кубизм. Теперь мы можем сказать, что между школой кубизма и предшествующими течениями разница заключается только в интенсивности» [5, р. 66]. Еще до непосредственного зарождения кубизма П. Сезанн выдвинул концепцию геометризации окружающей реальности, понимая природу как «цилиндр, шар, конус в перспективе» [5, р. 64]. Кроме того, живописец обладает и поэтическим даром: в письме своему близкому другу Э. Золя он пишет (на тот момент начинающему художнику было девятнадцать лет): *Вот так понимаю я / Геометрию! / Изучая ее, я чувствую, как все мое тело / Исчезает в воде, мои усилия слишком тщетны* [6, р. 284], – в этом стихотворении предощущаются будущие эстетические воззрения П. Сезанна, его поэтика геометризованной, многомерной живописи.

Пространственная перцепция лирического героя в стихотворении в прозе «Линии и фигуры» (Traits et figures) П. Реверди также основывается на формальной обобщенности видимого в сознании субъекта: *...mais dans la ville où le dessin nous emprisonne, l'arc de cercle du porche, les carrés des fenêtres, les losanges des toits [...] Dans ma tête des lignes, rien que des lignes* [7, р. 35] ‘в городе, где рисунок нас захватывает, круговая арка портала, квадраты окон, ромбы крыш [...] В моей голове линии, ничего, кроме линий’. Абстрактный характер художественной реальности реализуется и в сборнике «Кровельные плитки» (Les ardoises du toit, 1918). Образы неба, окна и облака зашифрованы в строках: *Entre quatre lignes / Un carré où le blanc se joue* ‘Между четырех линий / Квадрат где белое резвится’¹ [7, р. 213], *Je regardé le ciel par cet œil en losange* ‘Я смотрю на небо сквозь этот ромбовидный глаз’ [7, р. 244]. Это оказывается близким эстетике «Каллиграмм» Г. Аполлинера: фрагментация неба, состоящего из *квадратов покрытых синей эмалью* [8, р. 37], заполнение пространства сплошным цветом в строках *Des musettes bleues des casques bleus des cravates bleues des vareuses bleues / Morceaux du ciel tissus des souvenirs les plus purs* ‘Синие вещмешки синие каски синие галстуки синие куртки / Кусочки неба ткани самых чистых воспоминаний’ [8, р. 119]. В стихотворении «Конструкция» (Construction) Б. Сандрара реализуются концепты мироощущения авангардной эпохи: обилие цвета (*Цвет, цвет и цвета...*), фрагментированное (*Облачная геометрия*) и динамическое представление реальности (*L'esprit s'anime soudain [...] / La peinture devient cette chose énorme qui bouge / La roue / La vie* ‘Сознание внезапно оживает [...] / Живопись становится

¹ В поэзии кубизма практически отсутствует пунктуационное оформление, что сохранено в подстрочном переводе.

этой огромной движущейся вещью / Колесо / Жизнь) [4, с. 104]). Категория цвета у постимпрессионистов и впоследствии кубистов предельно субъективизируется, наделяется не декоративной, а семантической функцией, отражая сущность созерцаемых объектов.

Представители постимпрессионизма отходят от импрессионистского стремления зафиксировать мгновение, они обращаются к длительности переживаемого художником бытия. Идеи о движении жизни, о непрерывном развитии всего сущего, в свою очередь, соотносятся с идеями французского философа А. Бергсона, изложенными им в ту же эпоху в книге «Опыт о непосредственных данных сознания» (*Essai sur les données immédiates de la conscience*, 1889). Динамика пространственно-временного континуума, его вечное движение и множественность проявлений, субъективность представления становятся основными принципами эстетики кубизма, являющегося «художественным языком бергсонизма» [9, с. 74]. В результате живопись рубежа XIX–XX вв. стремится преодолеть свою временную «статичность». При этом литература, наоборот, обращает внимание на пространственный аспект, который проявляется теперь не только на уровне содержания (как неотъемлемый структурный компонент художественного мира), но и на уровне формы (как визуально-пластический элемент).

Бергсоновское понимание длительности («изобретение, создание форм, непрерывная разработка абсолютно нового» [10, с. 47]) соотносится с концепцией созерцания окружающей реальности, выдвинутой П. Сезанном, и задает в искусстве начала XX в. ориентир для представителей «нового сознания» в плане обнаружения новых форм художественной выразительности. Особая темпоральность кубизма появляется не только в живописи («кубизм, по сути, является одновременной репрезентацией на плоской поверхности упрощенных аспектов различных объектов...» [11, р. 148]), но и в поэзии. Так, симультанность реализуется на уровне содержания (когда многомерный художественный континуум создается посредством множества разрозненных временных и пространственных категорий) и формы произведения (когда плоскость страницы предполагает единовременное представление своего визуально-звукового и смыслового потенциалов).

Новаторская «естественно чувственная» концепция искусства П. Сезанна была осмыслена в экзистенциальной феноменологии М. Мерло-Понти (*Maurice Merleau-Ponty*, 1908–1961), который стремится найти универсальный язык, общий для всех видов искусства. Французский философ сопоставляет творчество художника, чей «безмолвный мир

красок и линий обращается к нам благодаря способности к неформулируемой расшифровке», и писателя, который «обосновывается в мире уже созданных знаков» [12, с. 50]. М. Мерло-Понти приходит к выводу, что в кажущейся тишине или незримости скрываются новые грани бытия. В результате диалог субъекта с объектом посредством длительного созерцания приводит к истинному познанию реальности, что также соотносится с философско-эстетическим аспектом поэзии кубизма. Авторские интенции направлены главным образом на погружение реципиента в особое эмоциональное состояние, возникающее как феноменологическое переживание в акте непосредственного созерцания. Исследование в работах М. Мерло-Понти творческого метода П. Сезанна и его современников помогает понять истоки кубизма и в целом течение художественной мысли эпохи.

В первых теоретических трудах, посвященных специфике кубизма, личность П. Сезанна рассматривается в контексте генезиса авангардистских тенденций. Так, Г. Аполлинер в книге «Художники-кубисты. Эстетические размышления» (*Les peintres cubistes. Méditations esthétiques*, 1913) отмечает, что французский художник «оказал влияние на творчество первых кубистов» [13, р. 49]. П. Реверди в статье «Кубизм, пластическая поэзия» (*Le Cubisme, poésie plastique*, 1919) также упоминает о влиянии художника: «С пластической точки зрения Сезанн является предшественником» [14, р. 145]. И первые страницы трактата художника А. Глеза «О кубизме и способах его понять» (*Du Cubisme et des Moyens de le Comprendre*, 1920) посвящены постимпрессионисту: «Сезанн стал указательной стрелкой для обновления живописи...» [15]. Поэты и художники-кубисты выстраивают общую линию развития западноевропейского искусства, отходящего от строгих академических принципов еще до появления авангардистских течений.

Знаменательным для французского искусства становится 1886 г.: в мае–июне проходит последняя (восьмая) выставка импрессионистов (следовательно, можно говорить о начале эпохи постимпрессионизма), в сентябре публикуется «Символизм» (*Le Symbolisme*) Ж. Морёаса (*Jean Moréas*, 1856–1910) – манифест одноименного художественного течения. Представители символизма в литературе (А. Казалис, С. Малларме, А. Рембо, А. Орье и др.) обращаются к субъективному началу, освобождают текст от правил пунктуации и линейности, посредством суггестивной природы символа усиливают разрыв между конкретным и абстрактным в произведении. В эссе «Кризис стиха» (*Crise de vers*, 1897) С. Малларме не только развивает концепцию музыкальной силы поэтического

искусства, но и рассуждает об идее, фрагментированной «на несколько равных по значению мотивов» [16], а также о «чистом» произведении, автор которого растворяется в художественном языке. Французский художник А. Лот, творчество которого в 1910-х гг. также относится к кубизму, пишет о третьем измерении в живописи, создаваемом посредством глубины видения. Он называет П. Сезанна и А. Рембо «братьями по духу» и в своем эссе «Учение Сезанна» (*L'enseignement de Cézanne*, 1920) отмечает, что «великий художник конструирует на пластическом уровне то же, что Рембо конструировал на поэтическом уровне: новую иерархию, в которой эмоция служит основой, а метафора – средством» [17]. Наряду с развитием постимпрессионистских тенденций в искусстве символизм (как в живописи, так и в поэзии) также влияет на формирование художественной парадигмы авангарда, обновляя концепцию художественной формы. Стоит отметить, что в искусствоведении границы постимпрессионистского периода точно не определены: некоторые исследователи рассматривают кубизм, орфизм, фовизм, экспрессионизм как продолжение тенденций постимпрессионизма, другие же считают концом постимпрессионизма смерть П. Сезанна (1906) – время расцвета фовизма и начало оформления кубистической эстетики.

В основе генезиса кубизма лежит интерес к местным культурам Азии, Африки и Океании, что направляет деятелей искусства к поиску обобщенных визуальных форм и линий, к раскрытию естественности первобытной цивилизации, ее глубокой связи с природой. Важную роль здесь играет примитивизм (А. Руссо, Л. Виван, С. Луи, А. Бошан и др.) и творчество еще одного французского художника-постимпрессиониста П. Гогена (*Paul Gauguin*, 1848–1903), который переносит в живописные произведения собственный опыт путешествия по миру, проживания в далеких странах и на экзотических островах. Кроме того, П. Гоген, творческий метод которого относят в том числе к живописному символизму, вдохновляет других художников на синтетизм (одно из постимпрессионистских течений). Впоследствии кубизм на синтетическом этапе своего развития характеризуется фрагментацией реальности и ее реконструкцией в целостное многообразие посредством коллажной техники, многомерностью плоскости, цветовыми контрастами.

Кубистическое понимание кризиса (в отличие от триумфа у футуристов) научно-технической цивилизации направляет деятелей искусства к поиску природного начала, «естественных» онтологических законов. Пафос обеспокоенности современным мироустройством более всего проявляется в поэзии Б. Сандрара. В стихотворении «Мой танец»

(Ma danse) обнаруживается мотив вечного странствия человека, всемирного движения: *Juif errant / Don Juan métaphysique* [4, p. 81] 'Бродячий еврей / Метафизический Дон Жуан', *Va-et-vient continuel / Vagabondage spécial / Tous les hommes, tous les pays* [Там же] 'Взад-вперед без остановки / Особое скитание / Все люди, все страны'. Личность героя в этой динамичной, распадающейся реальности также утрачивает свой целостный и индивидуальный характер: *Tu n'as plus de coutumes et pas encore d'habitudes [...]* / *Masque [...]* / *C'est ainsi que tu n'es plus à charge / Tu ne te fais plus sentir...* [Там же] 'У тебя больше нет обычаев и пока нет привычек [...] / Маска [...] / Вот ты уже не обуза / Тебя больше не чувствуют...'. Лирический герой – поэт-путешественник: *Je suis un monsieur qui en des express fabuleux traverse les toujours mêmes Europes et regarde découragé par la portière / Le paysage ne m'intéresse plus / Mais la danse du paysage* [4, p. 82] 'Я месье который на сказочных экспрессах пересекает одни и те же Европы и уныло смотрит сквозь дверцу / Пейзаж меня больше не интересует / Но танец пейзажа' – его интересует сама форма, ритм, движение и конструктивные основы мироздания. Эти же проблемы смысла человеческого бытия ставит П. Гоген в своей картине «Откуда мы пришли? Кто мы? Куда мы идем?» (*D'où venons nous? Que sommes nous? Où allons nous?*), написанной на Таити в 1898 году. Полотно является образцом живописного символизма, реализует синтетический и симультанный подходы и свидетельствует о характерной для рубежа эпох экзистенциальной неопределенности.

На рубеже XIX–XX вв. в Париже возникает постимпрессионистское художественное объединение «Наби» (Nabis), в которое входят М. Дени, П. Боннар, Э. Боннар, Ж. Э. Вюйар, Э. Террюс и др. Вдохновленные идеями и формальными экспериментами П. Сезанна и П. Гогена, набида, активно взаимодействуя с французскими поэтами-символистами и участвуя в театральных постановках, создают синтетические художественные произведения, наделяя их чистым чувственным цветом, динамикой композиции, декоративными узорами, символикой и отходя тем самым от объективного миметического подобия. Набид П. Серюзье (Paul Sérusier, 1864–1927), называя себя «отцом кубизма» [11, p. 148], в теоретических работах задает интеллектуальное начало постимпрессионистскому искусству (в частности, синтетическому варианту своего наставника П. Гогена).

Таким образом, в искусстве начала XX в. складывается новаторская семиотическая конфигурация пространства, основанная на антимимесисе и нелинейном взаимодействии знаков. Живопись постимпрессионизма оказывает значительное влияние на становление художественной пара-

дигмы авангарда и, в частности, на генезис французской поэзии кубизма. П. Сезанн и его последователи устремляются к созданию целостного объекта через обобщенную, геометрически конструированную форму, цветовые контрасты и эксперименты с перспективой. Это наряду с символизмом и философией длительности А. Бергсона подготовит почву для кубистической эстетики. Трансформация средств выражения в поэзии авангарда является результатом поиска новых (чаще интермедийных, абстрактно-конструктивных, визуально-пластических) способов выражения авторских интенций. Как следствие, французской поэзии кубизма присущи simultaneity и фрагментарность представления пространственно-временного континуума, обилие «чувственных» цветолексем, синтез визуального и музыкального, акцент на пластической композиции текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Харджиев, Н. И. От Маяковского до Крученых : Избранные работы о русском футуризме / сост. С. Кудрявцев. – М. : Гилея; 2006. – 557 с.
2. Languier, L. Le dimanche avec Paul Cézanne : souvenirs / L. Languier. – Paris : L'Édition, 1925. – 167 p.
3. Cendrars, B. Aujourd'hui / B. Cendrars // Oeuvres complètes : en 8 vol. – Paris : Denoël, 1962. – Vol. 4. – P. 139–240.
4. Cendrars, B. Du monde entier, poésies complètes : 1912–1924 / B. Cendrars. – Paris : Gallimard, 1967. – 188 p.
5. Golding, J. Cubism: a History and an Analysis (1907–1914) / J. Golding. – New York : George Wittenborn, 1959. – 207 p.
6. Paul Cézanne : Letters / ed.: J. Rewald. – 3rd ed. – Oxford : Brune Cassirer, 1946. – 308 p.
7. Reverdy, P. Plupart du temps, 1915–1922 / P. Reverdy. – Paris : Gallimard, 1969. – 254 p.
8. Apollinaire, G. Calligrammes. Poèmes de la paix et de la guerre (1913–1916) / G. Apollinaire. – Paris : Gallimard, 1966. – 188 p.
9. Духан, И. Н. Становление пространственно-временной концепции в искусстве и проектной культуре XX века / И. Н. Духан. – Минск : БГУ, 2010. – 223 с.
10. Бергсон, А. Творческая эволюция / А. Бергсон ; пер. с фр. В. Флеровой ; вступ. ст. И. Блауберг. – М. : ТЕРРА-Книжный клуб; КАНОН-пресс-Ц, 2001. – 384 с.
11. Guicheteau, M. Paul Sérusier / M. Guicheteau, P. H. Boutaric. – Paris : Editions Side, 1976. – 289 p.

12. Мерло-Понти, М. Знаки / М. Мерло-Понти ; пер. с франц., коммент. и послесловие И. С. Вдовиной. – М. : Искусство, 2001. – 429 с.
13. Apollinaire, G. Les peintres cubistes, méditations esthétiques / G. Apollinaire. – Genève : Pierre Cailler, 1950. – 140 p.
14. Reverdy, P. Le Cubisme, poésie plastique / P. Reverdy // Nord-Sud, Self-défense et autres écrits sur l'art et la poésie (1917–1926). – Paris : Flammarion, 1975. – P. 142–148.
15. Gleizes, A. Du Cubisme et des moyens de le comprendre [Ressource électronique] // Duke University Libraries. – Paris : Éditions La Cible, 1920. – Mode d'accès: <https://archive.org/details/ducubismeetdesmo00glei>. – Date d'accès: 10.02.2024.
16. Mallarmé, S. Crise de vers [Ressource électronique] / S. Mallarmé // Divagations. – Paris : Eugène Fasquelle, 1897. – 377 p. – Mode d'accès: <https://archive.org/details/divagations00mall>. – Date d'accès: 27.02.2024.
17. Lhote, A. L'enseignement de Cézanne [Ressource électronique] / A. Lhote // La Nouvelle Revue française. – Paris : Gaston Gallimard, 1920. – 978 p. – Mode d'accès: <https://archive.org/details/lanouvellerevuef15pariuoft>. – Date d'accès: 28.02.2024.

Поступила в редакцию 25.03.2024.

УДК: 821.161.3

Леська Лілія Пятроўна

кандыдат філалагічных навук,
дацэнт кафедры беларускай
і замежнай літаратуры
Беларускі дзяржаўны педагагічны
ўніверсітэт імя Максіма Танка
г. Мінск, Беларусь

Liliya Leska

PhD in Philology, Associate Professor
of the Department of Belarusian
and Foreign Literature
Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank
Minsk, Belarus
leska.l5@yandex.ru

**МАДЫФІКАЦЫІ АРХЕТЫПОВАГА ВОБРАЗА КУЛЬТУРНАГА ГЕРОЯ
Ў ТВОРАХ ЯДВІГІНА Ш.**

**MODIFICATIONS OF THE CULTURAL HERO ARCHETYPICAL IMAGE
IN THE WORKS OF YADVIGIN SH.**

У артыкуле вызначана форма аўтарскай міфалагізацыі: актуалізацыя архетыповага вобраза культурнага героя; абазначаны два шляхі яе рэалізацыі: міфапаэтычная інтэрпрэтацыя міфалагічных уяўленняў пра культурнага героя як татэмнага продка ў апавяданнях “Заморскі звер”, “Падласенькі”, “Бярозка” і трансфармацыя вобраза гаспадара як міфапаэтычнага інварыянта вобраза культурнага героя (апавяданне “Тамашыха”, “Раман Золата”).

Заўважана сумеснае існаванне вобраза культурнага героя і трыкстэра, міфапаэтычны дыяпазон якога ўтрымлівае ў сабе рысы камічнасці, дзівацтва і дэманічнасці (раман “Золата”, апавяданне “Заморскі звер”)

Адметным момантам літаратурнай міфалагізацыі Ядвігіна Ш. з’яўляюцца мадыфікацыі ўніверсальнага архетыповага вобраза культурнага героя як выяўленага сродку міфапаэтычнай аксіялогіі пісьменніка.

К л ю ч а в ы я с л о в ы: *Ядвігін Ш.; міфапаэтычны; інтэрпрэтацыя; трансфармацыя; мадыфікацыя; архетып; культурны герой; трыкстэр.*

The article defines the form of the author’s mythologization: actualization of the archetypal image of a cultural hero; two ways of its realization are outlined: the mythopoetic interpretation of mythological representations of a cultural hero as a totemic ancestor in the stories *Overseas Beast*, *Padlasenki*, *Birch* and the transformation of the image of the host as a mythopoetic invariant of the image of a cultural hero (the story *Tamashikha*, the novel *Gold*).

The joint existence of the image of a cultural hero and a trickster is noted, whose mythopoetic range contains some features of the comical, strange and demonical (the novel *Gold*, the story *Overseas Beast*).

A distinctive feature of the literary mythologization of Yadvigin Sh. is modifications of the universal archetypal image of the cultural hero as a visual means of the writer’s mythopoeic axiology.

К e y w o r d s: *Yadvigin Sh.; mythopoeic; interpretation; transformation; modification; archetype; a cultural hero; trickster.*

Мастацкая творчасць Ядвігіна Ш. з'яўляецца своеасаблівым пераходам ад літаратуры XIX ст. да літаратуры XX стагоддзя. Пералом эпох у гісторыі Беларусі, паводле тлумачэння С. Даніленкі, “вызначыўся шэрагам драматычных падзей, якія часта пагражаючы самому існаванню беларускага этнасу, прымушалі яго альбо шукаць дзейсныя адказы на выклікі часу, грунтуючыся на ўжо назапашаным вопыце існавання ў зменлівым свеце, альбо карэнным чынам мяняць саму традыцыйную карціну свету, адаптуючы яе да новых рэалій грамадскага жыцця” [1, с. 5]. У адказ на зменлівасць часу, на сацыякультурныя метамарфозы ў міфапаэтычным свеце Ядвігіна Ш. адбываюцца сімвалічныя ператварэнні архетыповых вобразаў, у прыватнасці, істотна змянілася аблічча культурнага героя.

Даследчык М. Эпштэйн дакладна вызначыў асаблівасці трансфармацыі культурнага героя ў найноўшай заходняй міфалогіі, заўважыўшы, што замест “культурнага героя, які прыносіў людзям даброты цывілізацыі, пачынае дзейнічаць тып «прыродна-аргіястычнага або экзістэнцыяльна-абсурднага героя» (з кананічнага пункту гледжання – антыгероя), які рве пугі цывілізацыі, парушае агульназначныя прадпісанні маралі і розуму (Дыяніс у Ф. Ніцшэ, Эдып у З. Фрэйда, Сізіф у Камю, а таксама міфалагізаваныя вітальныя персанажы Т. Мана і Д. Лорэнса)” [2, с. 224].

Задача дадзенага артыкула – раскрыць новыя мадыфікацыі архетыповага вобраза культурнага героя ў мастацкім свеце Ядвігіна Ш., прасачыць яго асноўныя інтэрпрэтацыі і трансфармацыі, тым самым, асвятліць адметнасць аўтарскай міфалагізацыі.

Актуальнасць дадзенага даследавання абумоўлена разуменнем архетыповага вобраза культурнага героя як універсальнага правобраза, як матрыцы, першасэнсаў, што з вызначанай заканамернасцю паўтараюцца ў новых гістарычных абставінах.

Архетып “культурны герой”, з аднаго боку, знак міфалагічнай даўніны ў творах беларускай літаратуры XIX – пачатку XX ст., а, з другога – аснова для праектавання будучых герояў-упарадкавальнікаў, абаронцаў.

Метадалагічнай асновай для дадзенай працы сталі слушныя заўвагі Д. Нізаміндзінава. Даследчык прадставіў вызначэнне першай формы міфалагізацыі ў літаратуры XX ст. як выкарыстанне традыцыйных міфалагічных вобразаў і сюжэтаў. У межах першай формы, на думку вучонага, выкарыстоўваюцца два шляхі: 1) “інтэрпрэтацыя традыцыйных вобразаў і сюжэтаў (разбурэнне міфалагічных паралелей, актуалізацыя асобных архетыпаў і міфалагем, увядзенне традыцыйнага сюжэта ў нетрадыцыйны кантэкст; 2) трансфармацыя традыцыйных міфалагічных сюжэтаў і вобразаў (асучасніванне, парадыванне, стварэнне антыміфа, травесціраванне)” [3, с. 31].

Міфапаэтычны аналіз твораў Ядвігіна Ш. закліканы ўзнавіць архаічныя абстрактна-лагічныя схемы, якія свядома або несвядома засвойваліся мастаком і аднаўляліся ў канкрэтных міфапаэтычных мадэлях. Архетыповы вобраз “культурны герой” з’яўляецца дамінантным у міфапаэтычнай сістэме твораў Ядвігіна Ш.

Мадыфікацыі архаічнага вобраза ў мастацкім свеце пісьменніка не сталі прадметам асобнага даследавання, хаця айчынныя літаратуразнаўцы прама або ўскосна звярталіся да разгляду гэтага пытання¹.

Даследчыкі В. Каваленка і А. Лойка звярнулі ўвагу на міфапаэтычны дыяпазон архетыповага вобраза культурнага героя, змест якога вар’іруецца ад трыкстэра (якога ў свой час вядомы рускі міфатэарэтык Е. Меляцінскі назваў “родным братам культурнага героя”) [4, с. 39]) да гаспадара як адной з мадыфікацый архаічнага героя.

Айчынны літаратуразнавец В. Каваленка ў манаграфічным даследаванні “Міфа-паэтычныя матывы ў беларускай літаратуры” заўважыў, што Ядвігін Ш. “свядома або несвядома ступае за міфалагічнай традыцыяй” [5, с. 132]. У творах пісьменніка, на думку вучонага, побач з архетыповым вобразам гаспадара (інварыянтам культурнага героя) раўназначнае месца займае дзівак, які ў адрозненне ад прагматычных братоў, што цанілі разлік, меў магчымасць улаўліваць сэрцам незвычайнае, і таму пры сустрэчы з самым таемным і неверагодным ён выходзіць пераможцам” [5, с. 134]. В. Каваленка слушна тлумачыў, што некаторыя дзівацтвы вясковых жыхароў – гэта адыход ад спрадвечнага побыту. Героі Ядвігіна Ш., паводле бачання даследчыка, свядома, аддаюць перавагу ўнутранаму жыццю перад практычным. “Таму і той занятак, які дае герою кавалак хлеба на пражыццё, – асаблівы, іншы, чым у большасці сялян. Часта гэта паляванне, як больш лёгкая праца, чым ворыва зямлі, і таму чалавек мае шырэйшую магчымасць на ўнутранае прылучэнне да жыцця прыроды, г.зн. шырэйшую магчымасць развіваць сябе як індывідуальнасць і асобу. Такі дзед Завала з аднайменнай паэмы Ядвігіна Ш. Ён – паляўнічы. Але паляванне для Завалы не самамэта. Не ўсякага сустрэтага звера ён б’е. Для яго галоўная мэта быць у лесе, жыць там, бо лесу аддадзена ўся яго душа. Ён не любіць сваёй гаспадаркі, затое ў лесе ўвесь загараецца ўнутрана” [Там жа]. Гаспадар, паводле трактоўкі В. Каваленкі, – гэта не толькі земляроб, араты, а “натуральны” чалавек, які тонка адчувае прыроду, жыве з “прыродай зліўшыся душой”. Такімі па сваёй “натуры” з’яўляюцца рыбак Родзька (апавяданне “Рыбак Родзька” Я. Баршчэўскага)

¹Нацыянальны міф у мастацкіх творах пісьменніка асвятляўся у працах А. Белай, П. Васючэнкі, В. Каваленкі, А. Лойкі, А. Рагулі, Т. Шамякінай, І. Чырына.

і Павел Кабыцкі – прынёманскі рыбак з аповесці “Хам” Э. Ажэшкі. Тонка і глыбока ўслухоўваецца ў жыццё пушчы і паляўнічы Грышка ў славутай паэме “Паляўнічыя акварэлькі з Палесся” Я. Лучыны.

“Натуральны” чалавек у міфапаэтыцы Ядвігіна Ш. – гэта не адзіная вобразная мадыфікацыя культурнага героя. Сімвалічную, але канцэптуальна важную міфапаэтычную падмену архаічнага героя трыкстэрам заўважыў А. Лойка. Даследчык слушна патлумачыў, што герой з апавядання “Жывы нябожчык” “жывы” Максім вымушаны перад нападзвар’яцэлай паняй удаваць нябожчыкам. “Залішняя даверлівасць сялян у невялікіх апавяданнях Ядвігіна Ш. (“Вучоны бык”, “З маленькім білецкікам”, “Пазыка”, “Заморскі звер”, “Цырк”) ставіць іх у камічныя сітуацыі, якія ў той ці іншай ступені іх прыніжаюць. З мудрацоў, гаспадароў становішча яны ператвараюцца ў прастакоў, наіўных дзяцей вёскі” [6, с. 293].

Новае аблічча гаспадара, паводле бачання А. Лойкі, выразна праявілася ў “моцным” апавяданні “Тамашыха”, дзе аўтар ўдакладніў: “І вось яна ўжо стала Тамашыхай-гаспадыняй. Бяда толькі, што не было надта над чым гаспадарыць” [6, с. 291]. Безумоўна, літаратуразнавец перакананы, што жаночае гаспадаранне стала няўдалым не па прычыне гендарнай прыналежнасці, а ў выніку нешчаслівага замужжа і цяжкага сацыяльна-эканамічнага становішча ў краіне.

Зыходзячы з вышэйназванага, у айчынным літаратуразнаўстве зроблены першыя спробы разгляду міфапаэтычных трансфармацый культурнага героя ў творах Ядвігіна Ш., якімі сталі *гаспадар, натуральны чалавек, трыкстэр*. Нягледзячы на слушнасць трактовак айчынных вучоных, праблема асэнсавання мадыфікацый архетыпа “культурны герой” у мастацкіх творах Ядвігіна Ш. вымагае больш грунтоўнага даследавання.

У міфапаэтыцы Ядвігіна Ш. маюць месца моманты інтэрпрэтацыі і трансфармацыі міфалагічных уяўленняў аб культурным герою. У мастацкіх тэкстах пісьменніка знайшлі адлюстраванне розныя абліччы культурнага героя (у сінтэтычным адзінстве): як татэмнага продку, як здабытчыка даброт прыроднага і сацыяльнага свету, неабходных для нармальнага існавання, як стваральніка прыродных і культурных аб’ектаў.

Згадкі аб культурным герою – татэмным продку вылучаюцца ў шэрагу апавяданняў Ядвігіна Ш. (“Вучоны бык”, “Заморскі звер”, “Падласенькі”, “Рабы”, “Дачэсныя”, “Варона”, “Бярозка”, “Дуб-дзядуля”), дзе непадзельнасць жывёльнага, расліннага і чалавечага свету па-мастацку інтэрпрэтавана пісьменнікам. Ядвігін Ш. узнавіў моманты татэмізму і антрапамарфізму як важныя ўласцівасці міфалагічнай свядомасці, калі прадставіў чытачу вобраз бацькі (быка) Падласага (апавяданне “Падласенькі”),

які складам думак, разважлівым розумам вельмі падобны да чалавека. Але ў адрозненне ад архаічных міфаў, дзе ператварэнне чалавека ў жывёлу давала яму сілу і магутнасць, у апавяданні Ядвігіна Ш, наадварот, “аблічча быка – гэта знак ніжэйшасці, адкрытае падкрэсліванне жывёльнага пачатку ў жыццёвым ладзе: «З практыкі жыццёвай добра ведаў стары падласы, што цяперашнім часам з бычачым розумам далёка не зойдзеш»” [7, с. 130]. Прыніжанасць, недахоп інтэлектуальных магчымасцей “вялікага чалавека” падкрэсліваецца яго падабенствам да малпы (апавяданне “Заморскі звер”). Дзіўным “заморскім зверам” здаўся сялянам Рыгору і Гаўрылу ледзьве не першы чалавек у горадзе.

Яўныя і ўяўныя ператварэнні-прыпадабненні ў апавяданнях Ядвігіна Ш. сталі сведчаннем такіх праблем, як недаступнасць навукі для сялян (апавяданне “Падласенькі”), распад сямейна-родавых адносін, маральная дэградацыя чалавека (апавяданне “Дачэсныя”).

У апавяданні “Дачэсныя” пісьменнік прасачыў, як гаспадарлівая няўдзячнасць ператварыла адданага вартаўніка і абаронцу чалавека – ваўка ў ворага, прагавітага і помслівага драпежніка. Падрабязнае апісанне гэтага ператварэння скіроўвае думкі чытача на роздум аб тым, як жа выправіцца чалавеку, стаць спагадлівым і шчырым. Чалавечая дабрыня патрэбна і гераіні апавядання “Бярозка”, у якім “праводзілася думка аб чалавечай сапсаванасці, жорсткасці. Нават дрэва спарохнела ад спагады да гора беднай Марыські, а вось людзі не паспачувалі ёй, не дапамаглі” [8, с. 41].

У апавяданні “Бярозка” Ядвігін Ш. зафіксаваў распад чалавечай супольнасці, вызначыў прычыны разбурэння роднасных чалавечых узаемаадносін, галоўнай сярод якіх стала страта сапраўдных каштоўнасных арыенціраў. Нельга не пагадзіцца са слушнаю заўвагай І. Чыгрына, што “не матэрыяльны, дакладней, не так матэрыяльны, як маральны бок чалавечага быцця з’яўляецца першапрычынай людскіх трагедый. <...> Чысціня сумлення – тое золата, той грунт, на якім павінен узводзіцца будынак чалавечага шчасця” [8, с. 17].

Ядвігін Ш. – пісьменнік-мысляр – тлумачыць чытачу, што такое сапраўдны скарб, а не нейкі прывідны, ілюзорны, як у апавяданні “Шчаслівая”. Галоўная гераіня гэтага твора Тадора Сухавеіха ўсё жыццё берагла гаршочак, дзе, як пераконваў яе муж Юрка, знаходзяцца скарбы яго бацькі. Гэты гаршочак, у якім нешта звінела, быў адзінай уцехай у жыцці Тадоры. “Як кот з салам, лётала Юрчыха з гаршочкам, каб лепш яго захаваць, урэшце ўпіхнула яго сабе пад сяннік” [8, с. 158]. Памірае Тадорыха шчаслівай: “І заснула Тадорыха, заснула моцна: навекі, па яе збыле-

лым твары было відаць, што ўмірала радасная, шчаслівая – умірала багатая” [8, с. 159]. Юрка дастаў з-пад яе неастылага цела гаршочак, напоўнены металічнымі гузікамі, абрыўкамі газет, разбіў яго аб камень [8, с. 159]. Так разбілася ўяўнае шчасце Тадорыхі. Сапраўдным шчасцем, згодна з аўтарскай канцэпцыяй, з’яўляецца шчырае каханне, сям’я, пабудаваная на ўзаемным пачуцці. Шчасце асобных сем’яў, на думку Ядвігіна Ш., становіцца падмуркам шчаслівага грамадства.

Сям’я, паводле пераканання аўтара, павінна быць андрацэнтрычнай, дзе галоўную ролю выконвае мужчына, а не генацэнтрычнай, дзе своеасаблівым камандзірам выступае жанчына, што нават смешным здаецца і пеўню (апавяданне “Што сказаў певень” (Казка)) [8]. Недахоп цеплыні і сапраўдных пачуццяў ва ўзаемаадносінах сямейнікаў прыводзіць герояў Ядвігіна Ш. да напавар’яцкага стану, што і сталася з Прузынай, дачкой Васіля і Зосі, да самазнішчэння, як адбылося ў сітуацыі з Васілём Дубінскім.

Вобраз Васіля Дубінскага (раман “Золата”) першапачаткова быў заяўлены аўтарам як станоўчы персанаж, добравыхаваны, працавіты, разважлівы. Правільная ўстаноўка героя матывавалася пісьменнікам тым фактам, што гадаваўся Васіль у поўнай сям’і, побач з трыма братамі, меў шчырую сімпатыю да Зосі, узрастанне якой “падагравалася” марай аб добрым кавалку зямлі і будучым вольным гаспадаранні. Але такім спадзяваннем не суджана было ажыццявіцца, бо Зося зусім не кахала Васіля. Дзяўчына з дзяцінства не спазнала мацярынскай любові (маці Зосі была цыганкай, выхоўвалася дзяўчынка толькі бацькам – Міколам Стрончыкам) і была апантана дэманічным пачуццём да Алёксы. Яна фактычна выступіла падбухторшчыкам, своеасаблівым трыкстэрам, які перашкодзіў рэалізацыі планаў “культурнага героя” Васіля Дубінскага, што так прагна марыў стаць гаспадаром, стваральнікам гарманічнага жыцця.

Моманты гармоніі, згодна з міфапаэтычнай канцэпцыяй пісьменніка, можна адчуць не толькі дзякуючы каханню – важнай умове зладжанага сямейнага жыцця, цэласнасці роду, добрай гаспадарцы, дагледжанай зямлі (раман “Золата”). Поўным задавальненнем перапаўняецца душа чалавека, захопленнага любімым заняткам, але і такога высокага запалу не перажываюць героі Ядвігіна Ш. Аўтар заўважае, што Мікола Стрончык не толькі дрэнны гаспадар, ён і бондар не па закліку душы, а дзеля практычных патрэб. Міколу Стрончыка (раман “Золата” Ядвігіна Ш.) ніяк нельга параўнаць з майстрам з апавядання “Бондар” М. Гарэцкага. У мастацкіх творах Ядвігіна Ш. адсутнічаюць вобразы сапраўдных майстроў. Няма тут той шчырай урачыстасці і перажыванняў, якія перажывае майстар-бондар

у апавяданні М. Гарэцкага. Мэтай жыцця Данілы (апавяданне “Бондар” М. Гарэцкага) былі не заробкі, а сама праца-творчасць, калі ён працаваў, то забываў аб усім на свеце. І калі Даніла атрымаў заказ ад пані, ён думаў, што нарэшце па-сапраўднаму ацэняць яго майстэрства, а калі гэтага не адбылося, чалавек загінуў. Герой славурых “Малахітавай шкатулкі” і “Гаспадыні меднай гары” П. Бажова, уральскі рабочы, таксама становіцца сапраўдным майстрам, стваральнікам, які імкнецца да поўнай дасканаласці, і не дасягнуўшы яе, знікае.

Архетыповая сітуацыя самазнішчэння або разбурэння/знішчэння майстрам уласнага стварэння, сэнсу свайго жыцця раскрываецца на прыкладзе герояў М. Гарэцкага, П. Бажова. Так, падкрэслівалася праблема маральнай адказнасці майстра за лёс свету. Ідэя “высокага” майстэрства як рэалізацыя ў жыцці чалавека ўсіх яго таемных планаў і задум, як здзяйсненне духоўных патэнцый не знаходзіць увасаблення ў рамане “Золата” Ядвігіна Ш. Майстар у міфапаэтычным свеце пісьменніка застаецца толькі рамеснікам, а не таленавітым мастаком, далёкім ад меркантильнасці і блізім да маральнага абсалюту, якім ён намалюваны ў творах М. Багдановіча (апавяданне “Аб іконніку і залатару”), М. Гарэцкага (апавяданне “Бондар”), М. Гоголя¹ (зборнік “Вечары на хутары ля Дзіканькі), М. Ляскова (апавяданне “Ляўша”), М. Булгакава (раман “Майстар і Маргарыта”). У рамане “Золата” Ядвігіна Ш. толькі гіпатэтычна згадваецца духоўная выключнасць майстра-сталяра, чалавека добрага, таму што гэта ён дае апошні прытулак беднай Прузыне².

Вобраз майстра як мадыфікацыя архетыповага вобраза культурнага героя ў рамане “Золата” мае толькі эскізнае, гіпатэтычнае напайненне, паўнакроўнае існаванне ён атрымае ў творах М. Багдановіча, М. Гарэцкага.

Такім чынам, аналіз мастацкіх тэкстаў Ядвігіна Ш. дае магчымасць вылучыць зыходную матрыцу, міфатэктанічны ўзровень, універсальны архетыповы вобраз культурнага героя. Разгляд яго мадыфікацый прыводзіць да высновы, што міфатворчы шлях Ядвігіна Ш. у значнай ступені ўзнаўляе на свой лад “антагенетычны” шлях трансфармацыі архетыпаў ад міфа да апавядання і да рамана; звужае касмічнае да сацыяльнага (апавяданні “Дачэсныя”, “Заморскі звер”) і індывідуальнага і адначасова фіксуе распад “эпічнай” агульнасці людзей (апавяданне “Бярозка”), адчужэнне асобы, прадстаўленай на канечным этапе ў вобразе маленькага чалавека (раман “Золата”).

¹У зборніку “Вечары на хутары ля Дзіканькі” – каваль Вакула быў не толькі добрым кавалем, але і славіўся як мастак-жывапісец.

²Ядвігін Ш. удакладняе: “Прыцягнулася – от, як цягаюцца па свеце дурныя, звар’яцелыя людзі: іх ніхто не пытае, скуль і чаго, сталяр з ласкі, абы мела які прытулак, пусціў яе ў пустую лазню” [7, с. 13].

ЛІТАРАТУРА

1. *Даніленка, С. І.* Спецыфіка адлюстравання сацыяльных стэрэатыпаў ў творах пісьменнікаў XIX–XX стст. : манаграфія / С. І. Даніленка. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2007. – 258 с.
2. *Эпштейн, М.* Мифологизм в литературе XX в. / М. Эпштейн // Литературный энциклопедический словарь ; под общ ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М. : Совет. энцикл., 1987. – 751 с.
3. *Низаминддинов, Д. Н.* Мифологическая культура / Д. Н. Низаминддинов. – М. : Гелиос, 1993. – 48 с.
4. *Мелетинский, Е. М.* О литературных архетипах / Е. М. Мелетинский. – М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 1994. – 133 с. – (Чтения по истории и теории культуры; вып. 4).
5. *Каваленка, В. А.* Міфа-паэтычныя матывы ў беларускай літаратуры / В. А. Каваленка ; рэд. І. Я. Навуменка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1981. – 320 с.
6. *Лойка, А. А.* Гісторыя беларускай літаратуры: дакастрычніцкі перыяд : падручнік : у 2 ч. / А. А. Лойка. – 2-е выд., дап. – Мінск : Выш. шк., 1989. – Ч. 1. – 319 с.
7. *Ядвігін, Ш.,* Выбраныя творы / Ш. Ядвігін ; уклад. і камент. Кастуся Цвіркі ; прадм. Івана Саверчанкі. – Мінск : Беларуская навука, 2023. – 524 с.
8. *Чыгрын, І. П.* Станаўленне беларускай прозы і фальклор: дакастрычніцкі перыяд / І. П. Чыгрын. – Мінск : Выш. шк., 1971. – 165 с.

Поступила в редакцию 15.04.2024

Чарота Уладзімір Іванавіч

кандыдат філалагічных навук,
старшы навуковы супрацоўнік
Цэнтр даследаванняў беларускай
культуры, мовы і літаратуры
Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі
г. Мінск, Беларусь

Uladzimir Charota

PhD in Philology,
Senior Researcher
Centre of Studies of Belarusian
Culture, Language and Literature
of the National Academy of Sciences
Minsk, Belarus
vladimir.charota@gmail.com

ІТАЛЬЯНСКІ СЛЕД У ЖЫЦЦІ І ТВОРЧАСЦІ СЫМОНА БУДНАГА

THE ITALIAN TRACE IN THE LIFE AND WORKS OF SYMON BUDNY

Артыкул прысвечаны рэцэпцыі італьянскай літаратуры ў творчасці Сымона Буднага (каля 1530–1593). Аналіз яго прадмовы да перакладу Новага Запавету (1574) і тэалагічнага трактата “Аб асноўных артыкулах хрысціянскай веры” (1576) дазваляюць меркаваць, што іх аўтар быў знаёмы з працамі “Пра вынаходнікаў рэчаў” (1499) Палідора Вергілія, “Заўвагі да Новага Запавету” (1505) Ларэнца Вала і, відаць, з трактатам “Гептапл(ус): пра сем падыходаў да тлумачэння шасці дзён тварэння” (1489) Джавані Піка дэла Мірандалы. Факты, якія пацвярджалі бы пашыраную ў беларускіх крыніцах інфармацыю, што С. Будны валодаў італьянскай мовай і вучыўся ў Італіі, на дадзены момант намі не выяўлены.

К л ю ч а в ы я с л о в ы : *публіцыстычная літаратура Беларусі; Сымон Будны; прадмова; трактат; пераклад; П. Вергілій; Л. Вала; Дж. Піка дэла Мірандала.*

The article is devoted to the reception of Italian literature in the works of Symon Budny (c. 1530–1593). The analysis of his preface to translation of New Testament (1574) and of his theological treatise “O przedniejszych wiary chrystyjańskiej artykulech” (1576) gave us a reason to suppose that their author read the works “De inventoribus rerum” (1499) by Polidoro Virgilio, “Adnotationes in Novi Testamenti” (1505) by Lorenzo Valla and, apparently, the treatise “Heptaplus: de septiformi sex dierum Geneseos enarratione” (1489) by Giovanni Pico della Mirandola. By now we have not discovered the facts that would confirm the information which can be found in Belarusian sources that S. Budny spoke Italian and studied in Italy.

К e y w o r d s : *publicistic literature of Belarus; Symon Budny; preface; treatise; translation; P. Virgilio; L. Valla; G. Pico della Mirandola.*

Сымон Будны (каля 1530–1593) – пісьменнік, перакладчык, філосаф, асветнік, адзін з буйнейшых дзеячаў рэфармацыйнага руху на Беларусі ў другой палове XVI стагоддзя. Мяркуючы па літаратурнай спадчыне, быў добра адукаваным, меў ґрунтоўныя веды па гісторыі, філасофіі, тэалогіі, літаратуры, на высокім узроўні валодаў лацінскай, старажытнагрэчаскай, старажытнаўрэйскай мовамі.

У шэрагу навуковых прац, а таксама падручнікаў і вучэбных дапаможнікаў па гісторыі беларускай літаратуры старажытнага перыяду, якія выйшлі ў 1950–1980-х гг., можна знайсці інфармацыю, што Сымон Будны валодаў італьянскай мовай [1, с. 35; 2, с. 229; 3, с. 210; 4, с. 73] і вучыўся ў Італіі [3, с. 210; 5, с. 177; 6, с. 12]. Цікава, між тым, што Я. І. Парэцкі [7] і І. В. Саверчанка [8], аўтары манаграфій пра гэтага актыўнага ўдзельніка рэфармацыйнага руху на Беларусі, у сваіх працах нічога не згадваюць ні пра яго веданне мовы Дантэ, ні пра яго навучанне на Апенінскім паўвостраве. Гэтыя звесткі адсутнічаюць і ў энцыклапедычных даведніках, і ў тых прысвечаных Сымону Буднаму даследаваннях, якія з’явіліся ў канцы XX–XXI стагоддзі. Тут можа быць, напэўна, і наступнае тлумачэнне: звесткі, якія выкарыстоўваліся раней, дакументальна так і не былі пацверджаны. Але паспрабуем асэнсаваць гэта канкрэтней.

Наколькі мы змаглі высветліць, першым, хто дапусціў, што Сымон Будны мог валодаць італьянскай мовай, быў вучоны-славіст М. А. Янчук. У “Нарысах па гісторыі беларускай літаратуры” (1922) ён выклаў вось якую інфармацыю: “Уроджаны на Беларусі, паводле адных вестак мазур, паводле другіх – беларусін, Будны атрымаў адукацыю ў Кракаўскай Акадэміі, дзеля чаго добра ведаў як польскую, гэтак і беларускую мовы й зусім лёгка пісаў на гэтых мовах. Апрача гэтага ён ведаў чэскую й лацінскую мовы, здаецца, італьянскую, а гэтак сама грэцкую й гэбрайскую” (Падкрэслена намі. – У. Ч.) [9, с. 16]. Цяжка сказаць, што навяло даследчыка на меркаванне, падкрэсленае намі: знойдзеныя доказы знаёмства Сымона Буднага з працамі і вучэннем італьянскіх антытрынітарыяў, аналіз лексікі яго ўласных прац і перакладаў, спасылкі ў іх на творы італьянскіх пісьменнікаў ці нешта іншае? Мовы, якімі валодаў асветнік XVI ст., у той жа паслядоўнасці, што і М. А. Янчук, пералічваюць У. І. Пічэта ў “Гісторыі Беларусі” (1924) і В. Ластоўскі ў “Гісторыі беларускай (крыўскай) кнігі” (1926). Працытуем іх: “Ураджэнец Беларусі, Сымон Будны атрымаў адукацыю ў Кракаўскай Акадэміі, гаварыў і пісаў на беларускай і польскай

мовах. Ён ведаў гэтак сама мовы: чэскую, лацінскую, італьянскую, а гэтак сама грэцкую і жыдоўскую” (Падкрэслена намі. – У. Ч.) [10, с. 126]; “Будны быў высока адукаваным чалавекам, акром добрага знаньня крыўскай і польскай, ён роўна добра валадаў мовамі чэскай, лацінскай і італьянскай, а таксама знаў мовы грэцкую і гэбрайскую” (Падкрэслена намі. – У. Ч.) [11, с. 388]. Як бачым, у працах абодвух згаданых гісторыкаў пабочнае слова *здаецца*, як у М. Янчука, альбо штосьці падобнае не ўжыта, і пра веданне італьянскай мовы гаворыцца як пра бясспрэчны факт. Больш таго, В. Ластоўскі робіць яшчэ і дзіўнае заключэнне: “Знаньне італьянскай мовы пацвярджае, што Будны акром Кракаўскай Акадэміі, вучыўся яшчэ і заганіцай у Італіі і Швайцарыі” [Там жа]. Заканамерна ўзнікае сумненне: няўжо толькі незразумела чым пацверджаная інфармацыя пра веданне Сымонам Будным італьянскай мовы дала В. Ластоўскаму падставу зрабіць вывад наконт таго, што рэфармацыйны дзеяч атрымліваў адукацыю на Апенінскім паўвостраве? А ці ўсё ж такі ён абапіраўся на звесткі, якія прыводзілі замежныя даследчыкі? Аднак пошукавая праца ў гэтым кірунку станоўчых вынікаў не дае. Хіба што польскі філолаг Ян Камянецкі ў манаграфіі “Szymon Budny – zapomniana postać polskiej reformacji” (2002) згадвае пра версію наконт вучобы Сымона Буднага ў адным з італьянскіх гарадоў, пры гэтым у зноскы удакладняючы, што яе прапанаваў Вацлаў Ластоўскі ў “Гісторыі беларускай (крыўскай) кнігі” (1926) [12, s. 14]. Такі вось парадокс: кола замыкаецца. Між тым і польскі даследчык заўважыў, што “не маючы пацвярджэння інфармацыя пра веданне італьянскай мовы службыць Ластоўскаму аргументам для падмацавання тэзіса пра замежнае навучанне Буднага...” (Тут і далей пераклад з польскай і лацінскай моў наш. – У. Ч.) [12, s. 14].

Калі ж весці гаворку пра знаёмства С. Буднага з італьянскім прыгожым пісьменствам, то ў шэрагу выпадкаў па спасылках можна вызначыць, якія творы і працы італьянскіх мастакоў слова ён ведаў. Так, выдадзены ў 1574 г. яго пераклад на польскую мову Новага Запавету суправаджаўся грунтоўнай прадмовай “Да ўсіх верных чытачоў...”. А ў гэтай прадмове адзначаецца, што друкарства пачалося толькі каля 1443 г., і побач на палях указваецца крыніца гэтай інфармацыі: *Vergilij Polydo: De inuēt: li:2. ca:7.* [13, s. 19]. Мяркуючы па ўсім, Будны меў на ўвазе кнігу “De inventoribus rerum” (“Пра вынаходнікаў рэчаў”, 1499) гісторыка, літаратара і энцыклапедыста Палідора Вергілія (італ. Polidoro Virgili(o) лат. Polydorus

Vergilius; каля 1470–1555). Бо ў сёмай главе (Cap. VII. Qui primi libros ediderint, et de prima bibliotheca, et a quo aut ubi usus imprimendarum literarum primo inventus) другой кнігі сваёй працы італьянскі вучоны паведамляе пра нямецкага пачынальніка кнігадрукавання Іагана Гутэнберга, які ў горадзе Майнц вынайшаў спосаб друкавання літар і першым пачаў яго там выкарыстоўваць (*Itaque Ioannes Cuthenbergus natione Theutonicus... primus omnium in oppido Germaniae, quam Moguntiam vocant, hanc imprimendarum literarum artem excogitavit, primumque ibi ea exerceri coepit...* [14, p. 108]). Далей Палідор Вергілій піша, што праз шаснаццаць гадоў пасля гэтага, у 1458 г., нейкі немец Конрад “прынёс гэта” ў Рым (*Decimosexto deinde anno, qui fuit salutis humanae MCCCCLVIII. quidam nomine Conradus, homo itidem Germanus, Romam primo in Italiam attulit...* [Там же]). Відаць, засноўваючыся на пачэрпнутай з “De inventoribus rerum” інфармацыі і на сваіх падліках, Сымон Будны пачатак кнігадрукавання датуе прыблізна 1443 годам. Адпаведна, мы маем права лічыць, што Будны сапраўды чытаў кнігу Палідора Вергілія і што праца італьянца распаўсюджвалася не толькі ў Заходняй Еўропе, але і на беларускіх землях. Бо, як вядома, крыху пазней яна паслужыла асновай для твора, які “часта называюць першай у Рэчы Паспалітай вершаванай энцыклапедыяй” [15, с. 26], – “Inventores rerum, альбо Кароткае апісанне, хто што вынайшаў і ва ўжытак людзям даў” (Вільня, 1608) шляхціца з-пад Пінска Яна Пратасовіча (2-я пал. XVI ст. – пасля 1608). З іншага боку, нельга цалкам выключаць і таго, што Сымон Будны ўзяў гэтую дату з публікацыі нейкага іншага аўтара, у яго ж запазычыўшы і спасылку.

Прадмова да Новага Запавету змяшчае таксама звесткі пра тое, як Будны працаваў над сваім перакладам і на якія крыніцы абапіраўся: *Ono też zbożni czytelnicy niech wiedzą, że się nie leda jako, ani bez wiośła na to morze tłumaczenia puścił. Nie z jednegom jakiego egzemplarzyka, zasiadszy nad niem, przekładał, alem się na wsze strony (jako mówią) oglądał. Miałem oko na greckie, a nie na jedne, księgi; dokładałem się łacińskich, nie zaniedbawałem słowieńskich; radziłem się rozmaitych kastygatorów, komentatorów, teologów, historyków, i inych wszelakich autorów albo pisarzów, ilem ich na ten czas dosięc mógł* [16, s. 136] ‘Няхай набожныя чытачы таксама ведаюць, што я не абы як і не без вясла выйшаў у гэтае мора перакладу. Не з аднаго якога-небудзь экзэмплярчыка, засеўшы над ім, перакладаў, а ва ўсе бакі (як кажуць) глядзеў. Меў перад вачыма кнігі грэчаскія, і не адну; рупіўся

над лацінскімі, не пакінуў без увагі славянскія; раіўся з рознымі крытыкамі, каментатарамі, тэолагамі, гісторыкамі і іншымі ўсялякімі аўтарамі ці пісьменнікамі, колькі іх на той час дастаць мог'. Ён пералічвае аўтараў, якія аказалі яму найбольшую дапамогу ў перакладзе Новага Запавету, і на першае месца ставіць *Laurentius Valla* [Там жа], г. зн. італьянскага гуманіста Ларэнца Валу (італ. Valla Lorenzo, лац. Vallensis Laurentius; 1407–1457). Няцяжка здагадацца, якая з кніг італьянца магла зацікавіць Сымона Буднага і быць для яго карыснай падчас працы над перакладам. Гэта, найверагодней, апублікаваная ў 1505 г. Эразмам Ратэрдамскім у Парыжы філалагічная праца “Заўвагі да Новага Запавету” [17], што ўяўляе сабою “крытычны тэксталагічны каментарый да Новага запавету” [18, с. 321]. Доказ гэтаму знаходзім у прадмове, калі Будны, разглядаючы пераклады Святога Евангелля паводле Іаана, піша: *Na onem tež miejscu u Johana św. w r. 8 w w. 25 nie ledajako omylili się oba tłumacze, gdzie one słowa Tyn archyn hoti kae lalo hymin, tak przetoczyli: początek, że i mówię wam. Co mieli przetoczyć: Naprzód co i mówię wam. Albo tak: Co i zpirwu mówię wam. Bo tu tin archin nie jest nomen ale adverbium, jako to obaczył mąż wielce uczony, Laurentius Valla, a po niem Erasmus Roterdamus, Castalio, Beza i ini.* [16, s. 126] ‘У тым жа месцы ў Св. Іаана у раздз. 8 у вершы 25 не абы як памыліліся абодва перакладчыкі, дзе такія словы “Tyn archyn hoti kae lalo hymin” яны так пераклалі: “пачатак, што і кажу вам”. Іх павінны былі перакласці: “Ад пачатку, што і кажу вам”, альбо так: “што і спачатку кажу вам”. Бо тут “tin archin” не nomen (назоўнік), а adverbium (прыслоўе), як гэта заўважыў вельмі вучоны муж Лаўрэнцій Вала, а пасля яго Эразм Ратэрдамскі, Кастэлія, Бэза і іншыя’. Сапраўды, якраз гэтую памылку падрабязна разбірае Ларэнца Вала ў сваіх “Заўвагах да Новага Запавету” [17, f. XXI]. І мы не беспадстаўна можам рабіць выснову, што Сымон Будны ўсё ж такі чытаў гэтую працу італьянца.

Маюцца таксама сур’ёзныя падставы меркаваць, што ён быў знаёмы і са спадчынай італьянскага філосафа, пісьменніка і гуманіста Джавані Піка дэла Мірандалы (італ. Pico della Mirandola Giovanni, лац. Picus Mirandula(nus) Iohannes; 1463–1494). На гэта ёсць прамое ўказанне ў яго тэалагічным трактаце “O przedniejszych wiary chrystyjańskiej artykułach” (“Аб асноўных артыкулах хрысціянскай веры”), выдадзеным таксама ў Лоску ў 1576 годзе. Як вядома, Сымон Будны на пачатку сваёй дзейнасці быў кальвіністам, пасля чаго ў 60-х гг. прымкнуў да антытрынітарыяў і паступова стаў

“лідарам антытрынітарнага руху ў Вялікім Княстве” [8, с. 18, 27–28, 54], заўзята адстойваючы яго ідэі. У прыватнасці, шмат увагі ў сваёй творчасці Будны надаваў догмату пра трыадзінства Бога (Тройцу), спрабуючы абвергнуць яго. І ў названым трактаце ён робіць чарговую захады гэтага плану. Як сам ён адзначае, адным з доказаў трынітарыяў, што Дух Святы – гэта Бог усемагутны, як і Бог Айцец альбо трэцяя іпастась Бога, змяшчае частка верша 2 раздзела 1 Кнігі Быцця: *Duch Boży ruszał się (albo nasiedział, albo nosił się) nad wodami* [19, s. 176] ‘Дух Божы рухаўся (альбо знаходзіўся, альбо насіўся) над водамі’. Ён настойвае, што яна ... *tak ma być przełożone: “A wiatr Boży powiewał albo (jako Farnovius przekłada) szumiął po obliczu wód”, tedyć się nie może o Duchu Ś. rozumieć, a przeto też ten dowód trójczacki wniwecz. Co nie jeden sam twierdzą, ale i sami to trójczacy, i dawni, i niniejszy, zeznawają, jako Tertulijan, Klement, Złotousty, na ostatek i sam Augustyn nie jest przeciw temu..., także i Basilius. Miedzy terażniejszymi lepak teologami za nami stoją Picus Mirandulanus, Iohan<nes> Oecolampadius...* [19, s. 178] ‘...так павінна быць перакладзена: “І вецер Божы павяваў альбо (як перакладае Фарновіус) шумеў па абліччу вод”, і таму нельга пад ім Духа Святога разумець, а значыць і гэты трынітарскі доказ разбураецца. Гэта не толькі я адзін сцвярджаю, але і самі трынітарыі, і даўнія, і цяперашнія, тое ж сведчаць – такія, як Тэртуліян, Клімент, Златавуст, нарэшце і сам Аўгусцін не супраць гэтага..., а таксама Васілій. А сярод цяперашніх тэолагаў на нашым баку стаяць Пікус Мірандуланус, Іаган Экалампадыус...’. Відавочна, што па такім упамінанні італьянскага філосафа складана вызначыць, да якой канкрэтна яго працы адсылае чытача Сымон Будны. З. Завадскі, аўтар заўваг да выдання трактата “O przedniejszych wiary chrystyjańskiej artykulech”, якое ўбачыла свет у Польшчы ў 1989 г., лічыць, што антытрынітарый меў на ўвазе наступныя ўрыўкі з працы “Heptaplus: de septiformi sex dierum Geneseos enarratione” (“Гептапл(ус): пра сем падыходаў да тлумачэння шасці дзён тварэння”, 1489) [19, s. 244] – бо там гаворка ідзе пра Дух Гасподні над водамі: *Super has aquas Spiritus Domini, idest vis causae efficientis, Domini organum et instrumentum, merito ferri dicitur, neque dicitur ferri super terram, quia non attingit agens subiectum aut permeat nisi mediis illis intercedentibus qualitatibus; quas dum versat et agit, oritur lux, idest formae species et decor, tenebrarum quas diximus, idest privationis, expultrix et fugatrix. ... Vidimus item super aquas, idest fluxas dispositiones materiae quasi terrae praesentes, ferri Spiritum Domini, idest vim*

causae agentis, non uti causam principalem sed uti Spiritum Domini, idest organum divinae artis, quomodo spiritus noster vitalis organum animi est. Et statim, tractante spiritu aquas illas et persuadente subiectum, iussu Dei artificis, exorta est lux, idest formae decus et splendor [20, p. 210, 212].

З меркаваннем польскага даследчыка трэба пагадзіцца. Хоць бы таму, што, наколькі нам вядома, толькі ў працытаваных радках гэтай працы Дж. Піка дэла Мірандала дае сваё тлумачэнне часткі другога верша першага раздзела Кнігі Быцця [20, p. 597] і называе Дух Гасподні *сілай дзеючай прычыны, сродкам і інструментам Госпада* і г. д. Рабіць іншыя здагадкі наконт таго, як адбылося знаёмства Сымона Буднага са спадчынай італьянскага гуманіста, на наш погляд, няма сэнсу з-за адсутнасці надзейнай інфармацыі.

Падагуліць выкладзенае можна так: праведзеныя пошукавая праца і аналіз прадмовы Сымона Буднага да перакладу Новага Запавету (1574) сукупна з яго тэалагічным трактатам “Аб асноўных артыкулах хрысціянскай веры” (1576) дазваляюць меркаваць, што іх аўтар быў знаёмы з працамі “Пра вынаходнікаў рэчаў” (1499) Палідора Вергілія, “Заўвагі да Новага Запавету” (1505) Ларэнца Валы і, відаць, з трактатам “Гептапл(ус): пра сем падыходаў да тлумачэння шасці дзён тварэння” (1489) Дж. Піка дэла Мірандалы. Трэба звярнуць таксама ўвагу на тое, што названыя працы былі напісаны на лацінскай мове і толькі потым з’явіліся іх пераклады на італьянскую. На чым грунтавалася выказаная М. А. Янчуком гіпотэза наконт таго, што Будны валодаў італьянскай мовай, невядома. Аднак яна аказалася падхопленай іншымі айчыннымі даследчыкамі і ў іх працах стала падавацца ўжо як даказаны факт. Не выклікае даверу і даволі распаўсюджаная ў беларускіх крыніцах інфармацыя пра вучобу Сымона Буднага ў Італіі, паколькі на дадзены момант адзіным пацвярджэннем яе з’яўляецца дапушчэнне, што ён ведаў італьянскую мову.

ЛІТАРАТУРА

1. *Вольскі, В. Ф.* Старажытная літаратура і літаратура XVIII ст. / В. Ф. Вольскі // Нарысы па гісторыі беларускай літаратуры : дапам. для студэнтаў ВНУ / рэдкал.: В. В. Барысенка [і інш.]. – Мінск, 1956. – С. 5–57.
2. *Майхровіч, С.* Сымон Будны / С. Майхровіч // Польшча. – 1967. – № 2. – С. 225–241.

3. *Коршунаў, А. Ф.* Сымон Будны / А. Ф. Коршунаў // Гісторыя беларускай дакастрычніцкай літаратуры : 2 т. / рэдкал.: В. В. Барысенка [і інш.] – Мінск : Навука і тэхніка, 1968–1969. – Т. 1 : 3 старажытных часоў да канца XVIII ст. – 1968. – С. 209–222.
4. *Ларчанка, М. Р.* Сымон Будны / М. Р. Ларчанка // Старажытная беларуская літаратура : вучэб. дапам. для філал. фак. ВНУ / П. П. Ахрыменка, М. Р. Ларчанка. – Мінск, 1968. – С. 73–80.
5. *Коршунаў, А. Ф.* Сымон Будны / А. Ф. Коршунаў // Гісторыя беларускай літаратуры: старажыт. перыяд : падруч. для філал. фак. пед. ін-таў / М. М. Грынчык [і інш.] ; пад рэд. М. А. Лазарука, А. А. Семяновіча. – Мінск, 1985. – С. 177–184.
6. *Кароткі, У. Г.* 3 гісторыі мастацкага слова Беларусі / У. Г. Кароткі // Старажытная беларуская літаратура : зб. / уклад. Л. С. Курбека ; аўт. прадм. У. Г. Кароткі. – Мінск, 1990. – С. 5–16.
7. *Парэцкі, Я. І.* Сымон Будны / Я. І. Парэцкі ; навук. рэд. З. Ю. Капыскі. – Мінск : Выд-ва БДУ імя У. І. Леніна, 1975. – 168 с.
8. *Саверчанка, І. В.* Сымон Будны – гуманіст і рэфарматар / І. В. Саверчанка. – Мінск : Універсітэцкае, 1993. – 223 с.
9. *Янчук, Н. А.* Нарысы па гісторыі беларускай літаратуры : Старадаўні перыяд : (Курс прачытаны ў Маскоўскім універсітэце) / Н. А. Янчук ; пад рэд. У. Дзяржынскага. – Менск [Мінск] : Беларускае кааперацыйна-выдавецкае таварыства “Адраджэнне”, 1922. – 118 с.
10. *Пічэта, У.* Гісторыя Беларусі / У. Пічэта. – Масква; Ленінград : Дзяржаўнае выдавецтва, 1924. – 134 с.
11. *Ластоўскі, В.* Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі : Спроба паясніцельнай кнігапісі ад канца X да пачатку XIX стагоддзя / В. Ластоўскі. – Коўна : Друк. Сакалоўскага і Лана, 1926. – 776 с.
12. *Kamieniecki, J.* Szymon Budny – zapomniana postać polskiej reformacji / J. Kamieniecki. – Wrocław : Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2002. – 192 s.
13. Nowy Testament znowu przełożony / a na wielu mieyscach za pewnemi dowodami odprzysad przez Simona Budnego oczyszciony / y krotkiemi przypiskami po kraioch objaśniony. Przydane też są na końcu tegoż dostatecznieysze przypiski / ktore kaźdey iak miarz odmiany przyczyny ukazują. – Na zamku Łoskiem [Łosk], 1574. – [942] s.
14. *Polydori Vergilij Urbinatis.* De rerum inventoribus libri octo. Eiusdem in dominicam precem commentariolum / P. Vergilius. – Basileae : apud Isingrinium, 1546. – [48], 534 p.

15. *Бразгуноў, А.* Паэзія Вялікага Княства / *А. Бразгуноў* // Славянамоўная паэзія Вялікага Княства Літоўскага XVI–XVIII стст. / НАН Беларусі, Ін-т мовы і літ. імя Я. Коласа і Я. Купалы ; уклад., прадм. і камент. *А. У. Бразгунова.* – Мінск, 2011. – С. 10–35.
16. [*Budny, S.*]. Dedykacya, przedmowa i przypiski *S. Budnego* do przekładu Nowego Testamentu z r. 1574 // *Szymon Budny* jako krytyk tekstów biblijnych / *H. Merczyng.* – Kraków, 1913. – S. 111–178.
17. *Laurentii Vallensis* viri tam graecae quam latinae linguae peritissimi in Latinam Novi testamenti interpretationem ex collatione Graecorum exemplarium Adnotationes apprime utiles / *L. Vallensis.* – Parrhisiis, 1505. – [2], XLV f.
18. Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век) : [сборник] / сост., общ. ред., вступ. ст. и коммент. *Л. М. Брагиной.* – М. : Изд-во МГУ, 1985. – 383 с.
19. *Budny, Sz.* O przedniejszych wiary chrystyjańskiej artykulech / *Sz. Budny* ; oprac. *M. Maciejewska, L. Szczucki, Z. Zawadzki.* – Warszawa; Łódź : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1989. – 247 s.
20. *Pico della Mirandola, G.* De hominis dignitate ; Heptaplus ; De Ente et Uno e scritti vari / *G. Pico della Mirandola* ; a cura di *E. Garin.* – Firenze : Vallecchi editore, 1942. – 601 p.

Поступила в редакцию 24.04.2024.

ВЕСТНИК МГЛУ

Серия 1. Филология

№ 3 (130), 2024

Научно-теоретический журнал

Ответственный за выпуск *О. В. Луцинская*

Редакторы: *В. М. Василевская, О. С. Забродская, Е. И. Ковалёва, Т. М. Нехай*
Ст. корректор *С. О. Иванова*

Журнал зарегистрирован
Министерством информации Республики Беларусь 26 апреля 2010 г.
в Государственном реестре средств массовой информации за № 1333.

Адрес редакции: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск
E-mail: vestnik@mslu.by

Подписано в печать 25.06.2024. Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура PT Sans. Ризография. Усл. печ. л. 8,37. Уч.-изд. л. 8,03. Тираж 100 экз. Заказ 21.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2014 г. № 1/337. ЛП № 38200000064344 от 10.07.2020 г. Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.

Индекс подписки 75017/750172